Глубокоуважаемому
Николаю Павловичу
Соколову
от автора.

МНИМЫЕ

СЛѢДЫ КАТОЛИЧЕСКАГО ВЛІЯНІЯ

ВЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ ЮГО-СЛАВЯНСКАГО И РУССКАГО ЦЕРКОВНАГО ПРАВА.

По поводу сочиненія проф. Н. С. Суворова: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права". Ярославль, 1888.

А. Павлова.

МОСКВА.
Типографія А. И. Снегиревой. Остоженка, Савел. п., с. д.
1892.

МНИМЫЕ

СЛѢДЫ КАТОЛИЧЕСКАГО ВЛІЯНІЯ

ВЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ ЮГО-СЛАВЯНСКАГО И РУССКАГО ЦЕРКОВНАГО ПРАВА.

По поводу сочиненія проф. Н. С. Суворова: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права". Ярославль, 1888.

А. Павлова.

МОСКВА.
Типографія А. И. Снегиревой. Остоженка, Савел. п., с. д.
1892.

Дозволено Цензурою. Москва. Мая 7 1892 года.
Цензоръ **Архимандритъ Арсеній**.

42109

Изъ книгъ «Чтеній въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія» за 1892 годъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе: Общій обзоръ древне-славянскихъ и русскихъ памятниковъ, въ которыхъ указываются слѣды католическаго вліянія—стр. 1—3.

Глава I. Древне-славянскій епитимейникъ, извѣстный подъ именемъ „Заповѣди св. отецъ“ (стр. 3—49). Сходство этой „Заповѣди“ съ однимъ средне-вѣковымъ латинскимъ пенитенціаломъ — 3. Доказательства ея происхожденія изъ этого пенитенціала: а) отрицательныя и критика ихъ — 3; положительныя и критика ихъ — 13. Сравненіе „Заповѣди“ съ предполагаемымъ латинскимъ источникомъ ея—22. Связь „Заповѣди“ съ древне-славянскимъ „чиномъ надъ исповѣдающимся“ и догадка проф. Суворова о вліяніи на этотъ чинъ западной церковной практики — 30. Отношеніе тогоже чина къ покаянному номоканону Іоанна Постника — 31. Предположеніе о вліяніи на Постниковъ номоканонъ латинскихъ пенитенціаловъ — 34. Критика этого предположенія—35. Вопросъ о времени происхожденія Постникова номоканона—41. Общій выводъ изъ содержанія всей главы—48.

Глава II. Законъ судный людемъ (стр. 50—107). Вопросъ о происхожденіи и взаимномъ отношеніи двухъ редакцій этого памятника—50. Мнимые слѣды вліянія западнаго церковнаго права а) въ краткой редакціи Закона суднаго—64; б) въ редакціи обширной — 100. Критика мнѣнія, будто отрывки изъ Моисеевыхъ законовъ, внесенные въ эту редакцію, служатъ доказательствомъ вліянія на нее западныхъ церковно-юридическихъ воззрѣній—101. Отношеніе Моисеевыхъ законовъ къ византійскимъ источникамъ Закона суднаго—103.

Глава III. Разные памятники древне-русской и славянской канонической письменности съ мнимыми слѣдами католическаго вліянія (стр. 107—119). „Въпрошанія“ Кирика—108. „Заповѣдь св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ:“ мнѣнія объ ней ученыхъ — *тамъ же*. Отношеніе этой „Заповѣди“ и другихъ славянскихъ епитимейниковъ къ той (старшей) „Заповѣди“, о которой была рѣчь въ I-й главѣ — 113. Еще одинъ мнимый слѣдъ католическаго вліянія въ „Въпрошаніяхъ“ Кирика — 114. Сербская разрѣшительная молитва о публично кающихся съ мнимо-католическимъ воззрѣніемъ на апостола Петра—116.

Глава IV. Церковные уставы Владиміра и Ярослава (стр. 119—163). Мнѣніе будто уставъ св. Владиміра произошелъ

не раньше второй половины XIV вѣка—119. Критика этого мнѣнія: несомнѣнныя свидѣтельства о существованіи Владимірова устава въ XIII вѣкѣ—121. Старшій списокъ этого устава—128. Волынская редакція Владимірова устава 1286 года въ позднѣйшихъ копіяхъ—131. Мнимые слѣды католическаго вліянія въ уставахъ св. Владиміра и Ярослава—136. Тенденціозность мнѣнія, будто западно-русская редакція Ярославова церковнаго устава старше восточно-русской: критика этого мнѣнія—149. Восточно-русская редакція Ярославова устава была употребительна не только въ восточной, но и въ западной Руси — 152. Положительныя доказательства старшинства восточной редакціи предъ западною—155. Сравнительная оцѣнка той и другой редакціи съ раціональной и практической точекъ зрѣнія—157.

Заключеніе (стр. 159).

Приложеніе (стр. 163).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	строка.	*Напечатано:*	*Нужно читать:*
27	25	**МОЛНТСА**	**МОЛНТСА**
30	14	соединялось	соединялась
87		(примѣч. послѣд. строка) стр. 9.	стр. 89.
103	22	ъ Земледѣльческимъ	и Земледѣльческимъ.

Даждь премудрому вину,
и премудрѣйшій будетъ.
Притч. IX, 9.

Профессору церковнаго права въ Ярославскомъ юридическомъ лицеѣ Н. С. Суворову удалось сдѣлать одно весьма любопытное открытіе, оповѣщенное имъ сначала на VII-мъ Археологическомъ съѣздѣ (въ Ярославлѣ), а потомъ — въ особомъ изслѣдованіи, изданномъ въ 1888 году подъ заглавіемъ: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права". Это открытіе состоитъ въ томъ, что почтенный профессоръ подмѣтилъ черты поразительнаго сходства между однимъ средневѣковымъ латинскимъ пенитенціаломъ и небольшимъ славянскимъ епитимейникомъ, носящимъ въ рукописяхъ глухое надписаніе: „Заповѣдь св. Отецъ". Въ виду совершенной неизвѣстности (по крайней мѣрѣ по печатнымъ изданіямъ) какого нибудь *греческаго* источника для этой „Заповѣди", проф. Суворовъ естественно принялъ ее за прямой переводъ съ упомянутаго латинскаго пенитенціала (стр. 7). Своему открытію ученый канонистъ придаетъ тѣмъ большую важность, что „Заповѣдь св. Отецъ" несомнѣнно принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ славянской канонической письменности. Она находится уже въ составѣ той славянской Кормчей, которую, по ея содержанію и языку, принято считать за одинъ изъ переводныхъ трудовъ славянскихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія [1]). Таже самая „Заповѣдь" недавно открыта и из-

---

[1]) Разумѣемъ славянскую Кормчую, содержащую въ себѣ переводъ сборника церковныхъ каноновъ въ 50-ти титулахъ, составленнаго въ VI вѣкѣ Констан-

дана Гейтлеромъ въ составѣ Синайскаго глаголическаго Евхологіона, принадлежащаго по письму къ XI-му вѣку, а по языку — ко временамъ еще болѣе отдаленнымъ [1]). Если же славянскій памятникъ такой глубокой древности оказывается прямымъ заимствованіемъ изъ латинскаго источника, то это обстоятельство невольно наводитъ на мысль, что подобныя заимствованія могутъ встрѣтиться и въ другихъ памятникахъ славянской церковной письменности, сходныхъ съ „Заповѣдію“ и появившихся еще до формальнаго раздѣленія церквей востока и запада. И дѣйствительно, проф. Суворовъ нашелъ довольно явственные, на его взглядъ, „слѣды западно-католическаго церковнаго права“ не только въ упомянутой „Заповѣди“, но и въ слѣдующихъ памятникахъ древне-славянскаго и русскаго церковнаго права: 1) въ т. наз. „Законѣ судномъ людемъ“; 2) въ разныхъ древне-славянскихъ и русскихъ епитимейникахъ и вообще въ правилахъ о покаяніи и разрѣшеніи отъ грѣховъ; наконецъ—3) въ извѣстныхъ церковныхъ уставахъ, приписываемыхъ первымъ двумъ христіанскимъ князьямъ Руси—св. Владиміру и Ярославу.

Достаточно сдѣлать общее указаніе на вопросы, составляющіе задачу ученаго изслѣдованія проф. Суворова, чтобы понять ихъ высокій научный интересъ. Тѣмъ удивительнѣе для насъ то обстоятельство, что трудъ почтеннаго профессора, не смотря на его, такъ сказать, вызывающій характеръ, до сихъ поръ не былъ обстоятельно и безпристрастно оцѣненъ въ нашей ученой литературѣ, ни въ духовной, ни въ свѣтской. Предлагаемая теперь рецензія этого труда составлена уже довольно давно; но по обстоятельствамъ, нисколько отъ насъ не зависящимъ, она не могла своевременно явиться въ печати. Впрочемъ — время тутъ ни причемъ. Изслѣдованіе проф. Суворова, уже по новости своего содержанія и по рѣдкой оригинальности историческихъ воззрѣній и методологическихъ пріемовъ автора, безспорно заслуживаетъ

тинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ Схоластикомъ. Старшій списокъ такой Кормчей, какъ извѣстно, находится въ Румянцовскомъ музеѣ подъ № 230.

[1]) *Geitler*, Euchologium Glagolski spomenik manastira Sinai brda. Zagreb. 1882, 188—195.

самаго тщательнаго, подробнаго, хотя бы нѣсколько и запоздалаго, разсмотрѣнія.

Начнемъ съ выше указаннаго открытія почтеннаго профессора, такъ какъ здѣсь именно заключается центръ научной тяжести всего его изслѣдованія [1]).

I.

Оригиналомъ древне-славянскаго епитимейника, называемаго въ рукописяхъ „Заповѣдію св. Отецъ", проф. Суворовъ признаетъ латинскій пенитенціахъ, изданный Вассершлебеномъ подъ именемъ Poenitentiale Merseburgense *a* [2]). Сходство обоихъ памятниковъ, славянскаго и латинскаго, настолько очевидно, что проф. Суворовъ съ полнымъ убѣжденіемъ признаетъ первый за прямой переводъ съ послѣдняго. Тѣмъ не менѣе ученая добросовѣстность побудила автора подвергнуть это убѣжденіе строгой критической провѣркѣ,— утвердить его на длинномъ рядѣ доказательствъ, отрицательныхъ и положительныхъ.

Доказательства первой категоріи понадобились автору потому, что въ самомъ латинскомъ пенитенціалѣ, предполагаемомъ подлинникѣ славянской „Заповѣди", оказываются довольно ясные и внушительные слѣды происхожденія изъ восточнаго, т. е. греческаго источника. Таковы: 1) постъ въ теченіи нѣсколькихъ четыредесятницъ, назначаемый этимъ пенитенціаломъ въ видѣ епитиміи за разные грѣхи и, по сознанію самихъ западныхъ ученыхъ, возникшій первоначально на востокѣ, а потомъ, чрезъ посредство греческихъ монаховъ, жившихъ въ Италіи (Базиліанцевъ), принятый и на западѣ; 2) правило, представляющее постъ въ субботу необязательнымъ, и 3) другое правило, запрещающее употреблять въ пищу кровь и удавленину. Два послѣднія правила настолько

---

1) Самъ авторъ начинаетъ свою работу съ вопроса о вліяніи католическаго церковнаго права на „Законъ судный людемъ" (стр. 3—90).

2) *Wasserschleben*, Bussordnungen der abendländischen Kirche nebst einer rechtsgeschichtlichen Einleitung. Halle, 1851, s. 391—401.

чужды издавна установившейся практикѣ западной, именно Римской церкви, что какой-то средневѣковый глоссаторъ приписалъ противъ перваго изъ нихъ на полѣ рукописи занимающаго насъ пенитенціала такое примѣчаніе: „Отсюда видно, что эти пенитенціальные обычаи чужды Римской церкви, которая всегда предписывала соблюдать постъ въ субботу; напротивъ мы думаемъ, что они принадлежатъ восточной церкви, какъ видно и изъ дальнѣйшаго правила, налагающаго покаяніе на тѣхъ, кто ѣстъ кровь и удавленину“ [1]). Шмицъ, новый издатель того же пенитенціала, только въ другой редакціи, признаетъ эту глоссу исторически невѣрною и настаиваетъ на томъ, что соблюденіе субботняго поста, въ эпоху происхожденія пенитенціала, не было въ Римѣ постояннымъ и всеобщимъ; въ частности, онъ вовсе не соблюдался греческими (Базиліанскими) монахами, которыхъ много было тогда въ Римѣ и его окрестностяхъ, и что только съ IX вѣка, вслѣдствіе оппозиціи противоположному правилу и практикѣ греческой церкви, постъ этотъ сдѣлался на западѣ общеобязательнымъ. Что же касается до запрещенія употреблять въ пищу кровь и удавленину, то, по словамъ Шмица, оно и на западѣ почти обыкновенно внушалось новообращеннымъ народамъ, чтобы отучить ихъ отъ дикости языческой жизни и сдѣлать причастными христіанской культурѣ [2]). Профессоръ Суворовъ вполнѣ убѣждается этими доводами (см. стр. 120—121); но мы остаемся въ сильномъ сомнѣніи, — и вотъ по какимъ причинамъ. Самъ Шмицъ въ другомъ мѣстѣ своей книги и по другому поводу доказываетъ глубокую древность субботняго поста въ Римѣ и другихъ западныхъ церквахъ, ссылаясь на свидѣтельства папы Иннокентія I и блаж. Іеро-

---

[1]) Ex hoc videtur poenitentiales has observationes abesse Romanae ecclesiae, penes quam semper die sabbati fuit jejunium praescriptum, sed potius putamus esse Orientalis ecclesiae, quod etiam inde conspicitur, quod, ut patebitur inferius, datur sta (-ista) misedia (?) illis, qui comedant sanguinem vel suffocatum.— *Schmitz*, Bussbücher und Bussdisciplin der Kirche. 1883, s. 230, Anmerk. 1. Вмѣсто поставленнаго у насъ съ вопросительнымъ знакомъ misedia, Шмицъ предлагаетъ читать misericordia; но эта поправка мало помогаетъ дѣлу правильнаго пониманія текста.

[2]) Bussbücher, s. 230—231.

нима, изъ коихъ первый утверждаетъ важность этого поста на апостольскомъ преданіи, а послѣдній говоритъ о его соблюденіи не только въ Римской, но и въ испанской церкви[2]). Если теперь мы сопоставимъ эти свидѣтельства съ тѣмъ мѣстомъ занимающаго насъ пенитенціала, которое Шмицъ не затрудняется признать принадлежностью Римской церковной книги, то получится удивительная несообразность: Римская церковь, съ одной стороны, издавна предписывала своимъ членамъ соблюдать постъ по субботамъ, съ другой — освобождала отъ этого поста епитимійцевъ, — тѣхъ именно лицъ, которыя обязаны были къ *усиленнымъ* подвигамъ поста и покаянія (т. наз. superimpositiones), и держалась по отношенію къ нимъ другого правила, которое въ ея пенитенціалѣ выражено было такъ: Qui tota septimana jejunat pro peccatis, sabbato et dominica die manducet et bibat, quicquid ei aptum fuerit [2]). Такое правило могли практиковать и пропагандировать на западѣ только греческіе монахи, у которыхъ былъ подъ руками свой пенитенціалъ — номоканонъ съ именемъ патріарха Іоанна Постника и съ такимъ предписаніемъ относительно епитимійцевъ: σαββάτῳ καὶ κυριακῇ μὴ ἔν τινι βρώματι ἢ πόματι τὸ οἰνοῦν ἐπιτιμᾶσθαι, ἀλλ' εἶναι ἀκώλυτον εἰς πάντα, ὡς πάντες οἱ μὴ ἔχοντες ἐπιτίμιον [3]). Это, по нашему мнѣнію, и есть прямой источникъ выше приведеннаго правила латинскаго пенитенціала. Мы не находимъ возможнымъ приписать какой нибудь западной и въ особенности Римской церкви происхожденіе и того правила Мерзебургскаго

---

[1]) Bussbücher, стр. 316

[2]) Тамъ же, стр. 242.

[3]) См. *Morinus*, Comment. de discip. in admin. sacram. poenitentiae. p. 623. Venetiis, 1702. Списки Постникова номоканона несомнѣнно употреблялись греческими монахами въ Италіи. Одинъ списокъ, писанный въ XIII вѣкѣ въ монастырѣ Спасителя въ Мессинѣ, находится теперь въ Оксфордской университетской библіотекѣ (*Coxe*, Catal codd. mss. Biblioth. Bodl. p. 662). Другой того же столѣтія—указанъ Монкофономъ въ описаніи рукописи Римскаго Базиліанскаго монастыря, содержащей въ себѣ каноническій синопсисъ съ толкованіями Аристина (см. Diarium Italicum, p. 218, № 43). А если до насъ сохранились италіанскіе списки Постника, писанные въ XII вѣкѣ, то, значитъ, тамъ существовали и старшіе списки, съ которыхъ списаны были эти младшіе.

пенитенціала, которымъ запрещается употреблять въ пищу кровь и удавленину. На западѣ, уже со временъ блаженнаго Августина и благодаря ему именно, установился совершенно безразличный взглядъ на это дѣло [1]). Сколько извѣстно, единственный примѣръ противоположнаго воззрѣнія представляется въ 20-мъ правилѣ Орлеанскаго собора 535 года, которое запрещаетъ христіанамъ ѣсть дохлыхъ животныхъ или умерщвленныхъ другими животными [2]). Кромѣ того, запрещеніе употреблять въ пищу кровь и удавленину, съ назначеніемъ за то *сорокодневнаго* покаянія, высказывается еще въ посланіи папы Григорія III (731—741) къ германскому апостолу св. Бонифацію; но не нужно забывать, что этотъ папа былъ родомъ сиріецъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ его посланіи встрѣчается предписаніе, согласное съ правилами и практикою восточной церкви [3]). Но что это предписаніе ни мало не измѣнило обыкновенной практики Римской церкви, даже по отношенію къ *варварскимъ* народамъ, видно изъ знаменитыхъ отвѣтовъ папы Николая I на вопросы новообращенныхъ болгаръ. Болгары тоже спрашивали папу: можно-ли употреблять въ пищу удавленину? (что конечно запрещали имъ греки, отъ которыхъ они приняли крещеніе), — и получили отвѣтъ съ довольно обширною выпискою изъ одного сочиненія блаж. Августина, который доказывалъ, что для христіанъ предписанія Моисеева закона относительно животной пищи совершенно необязательны [4]).

---

[1]) *Schmitz*, op. cit. p. 321.

[2]) См. тамъ же.

[3]) Свидѣтельство папы Григорія III приводитъ и Шмицъ (тамъ же), но упускаетъ изъ виду національность этого свидѣтеля, что въ настоящемъ случаѣ весьма важно.

[4]) Приведемъ папскій отвѣтъ въ подлинникѣ и вполнѣ: Animalia sive volatilia, si sine ferro mactentur, et solo ictu hominis percussa moriantur, si liceat comedi sciscitamini. De hoc sanctus Augustinus contra Faustum Manichaeum pleniter scripsit, de cujus verbis modicum quid nunc propter prolixitatem tangimus: Ubi, inquit, ecclesia gentium talis effecta est, ut in ea nullus Israëlita carnalis appareat: quis jam hoc Christianus observat, ut turdos, vel minutiores aviculas non attingat, nisi quarum sanguis effusus est, aut leporem non edat, si manu a cervice percussus nullo cruento vulnere occisus est; et qui forte pauci adhuc tangere ista formidant, a caeteris

Проф. Суворовъ тѣмъ болѣе долженъ былъ бы обратить вниманіе на это важное свидѣтельство (замолчанное Шмицемъ), что въ латинскомъ пенитенціалѣ, принимаемомъ имъ за подлинникъ славянской „Заповѣди св. Отецъ“, онъ видитъ также и тотъ пенитенціалъ, который посланъ былъ папою Николаемъ I Болгарамъ по особенной просьбѣ ихъ о присылкѣ такой книги (стр. 117—118). Выходитъ, слѣдовательно, что новообращенные Болгары получили отъ папы на одинъ и тотъ же вопросъ два противоположные отвѣта: утвердительный—въ собственномъ посланіи папы, и отрицательный—въ присланномъ имъ пенитенціалѣ.

Изложенныя (отрицательныя) доказательства западнаго, а не восточнаго, происхожденія Мерзебургскаго пенитенціала авторъ подкрѣпляетъ еще слѣдующими общими соображеніями: „Если бы этотъ пенитенціалъ приписать восточной церкви, то пришлось бы отнести къ восточной же церкви почти всѣ западные пенитенціалы, такъ какъ большинство каноновъ Мерзебургскихъ можно найти въ другихъ западныхъ пенитенціалахъ, и не только въ англо-саксонскихъ (въ которыхъ можно было бы предполагать вліяніе Ѳеодора кентербюрійскаго, природнаго грека изъ Тарса), и не только въ франкскихъ, въ которыхъ значительная часть содержанія заимствована изъ англо-саксонскихъ покаянныхъ книгъ, но и въ ирландско-британскихъ пенитенціалахъ. Предположимъ, что и ирландско-британскіе пенитенціалы не остались свободными отъ греческаго вліянія, такъ какъ существуютъ нѣкоторыя основанія полагать, что британская церковь обязана своимъ происхожденіемъ востоку и въ большей степени стояла въ общеніи съ востокомъ, чѣмъ это было обычно на западѣ. Но что же слѣдуетъ отсюда? Составителями правилъ покаянныхъ были все-таки британцы, точно также, какъ и составителемъ такъ называемаго Ѳеодоровскаго пенитенціала былъ не природный грекъ, Ѳеодоръ кентербюрійскій, а природный англосаксъ, который на составленномъ имъ сборникѣ оставилъ

---

irridentur, ita omnium animos in hac retinuit illa sententia Veritatis: *Non quod intrat in os vestrum, vos coinquinat, sed quod exit* (Resp. 90. См. *Migne*, Patrol. latin. t. 119, p. 1011).

печать своей національности. Не отвергая возможности того, что восточное церковное право было принято въ соображеніе (кѣмъ?) и болѣе или менѣе повліяло на церковные сборники (чьи?), между прочимъ и при посредствѣ Базиліанскихъ монаховъ, мы придемъ къ тому лишь выводу, что западное церковное правообразованіе включило въ себя элементы болѣе разнообразные, чѣмъ восточное, и выразилось въ болѣе отчетливыхъ формахъ, чѣмъ это послѣднее. Изъ того, что каноническія правила греческихъ соборовъ включены были въ сборникъ Діонисія Малаго (вѣрнѣе было бы сказать, что сборникъ правилъ греческихъ соборовъ *цѣликомъ* переведенъ Діонисіемъ и *дополненъ* правилами только *одного* западнаго собора — Карѳагенскаго 419 г.), никто не будетъ выводить, что правообразованіе западной церкви обязано своимъ происхожденіемъ востоку, а выведетъ только то, что и восточное церковное право вошло, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ, въ западное церковное правообразованіе" (стр. 121—122). Мы должны сознаться, что не совсѣмъ ясно понимаемъ, какимъ образомъ эти общія соображенія устраняютъ мысль о происхожденіи Мерзебургскаго пенитенціала изъ восточнаго источника, на который такъ внушительно указываютъ выше приведенныя черты въ его содержаніи. Изъ того, что „большинство правилъ этого пенитенціала встрѣчается и въ другихъ западныхъ пенитенціалахъ", никто, конечно, не выведетъ заключенія, что „всѣ" или „почти всѣ" такіе сборники западная церковь получила отъ восточной, а сдѣлаетъ только тотъ выводъ, что Мерзебургскій пенитенціалъ былъ однимъ изъ самыхъ старшихъ и наиболѣе употребительныхъ на западѣ. Память о его сравнительномъ старшинствѣ и, смѣемъ прибавить, восточномъ происхожденіи сохранялась даже въ позднѣйшихъ рукописяхъ (IX — X в.), въ которыхъ онъ является хотя въ измѣненной и дополненной редакціи (списокъ такъ назыв. Valicellanum II), но за то — съ миніатюрою *византійскаго* стиля (не греческій ли монахъ — духовникъ, принимающій исповѣдь кающагося? и съ надписью: Item alii canones poenitentiales *vetustiores* [1]). Позволительно высказать

[1]) *Schmitz*, op cit. p. 342.

предположеніе, что греческій подлинникъ Мерзебургскаго пенитенціала, въ первичной своей формаціи, былъ извѣстенъ и авторамъ древнѣйшихъ западныхъ пенитенціаловъ—ирландо-британскихъ. По крайней мѣрѣ Вассершлебенъ, общепризнанный авторитетъ въ вопросахъ по исторіи западныхъ пенитенціаловъ, въ предисловіи ко второму своему изданію „Ирландскаго каноническаго сборника“ приводитъ въ доказательство греческаго вліянія на церковное правообразованіе въ Ирландіи слѣдующее правило изъ одного тамошняго пенитенціала: Poenitentia homicidii VII anni in pane et aqua, vel X, *ut dicit Monochema* [1]). Какой греческій источникъ скрывается подъ варварски искаженнымъ названіемъ Monochema, Вассершлебенъ не объясняетъ и мы объяснить не можемъ; но въ высшей степени важно то, что въ этомъ источникѣ находилось правило, которое по сроку епитиміи, назначенной въ немъ за убійство (10 лѣтъ), *совершенно совпадаетъ съ 1-мъ правиломъ Мерзебургскаго пенитенціала и славянской „Заповѣди св. Отецъ“* [2]). Если западное церковное право вообще (что̀ допускаетъ и проф. Суворовъ) питалось восточнымъ и принимало въ себя даже такіе источники этого послѣдняго, которые здѣсь, на западѣ, подвергались формальной (но безуспѣшной) проскрипціи со стороны папъ (правила апостольскія и трульскаго собора): то почему не допустить такого же отношенія и западныхъ пенитенціаловъ къ восточнымъ покаяннымъ номоканонамъ, хотя бы послѣдніе и содержали въ себѣ нѣчто несогласное съ мѣстными церковными воззрѣніями и обычаями? Пусть составители латинскихъ пенитенціаловъ, пользуясь греческими источниками, „налагали на нихъ печать своей національности“; но заимствованія не переставали отъ этого быть заимствованіями, точно также, какъ римское право, рецепированное романо-германскими народами и во многихъ пунктахъ радикально

---

[1]) Die Irische Kanonensammlung, 2-te Aufl. Einleit. s. XXI; ср. Bussordnungen, s. 136, can. 3.

[2]) Ниже мы увидимъ, что такое правило, т. е. совершенно сходное съ 1-мъ канономъ Мерзебургскаго пенитенціала, встрѣчается и въ *греческихъ* покаянныхъ номоканонахъ.

ими измѣненное, все-таки остается и называется римскимъ. Не нужно, при разрѣшеніи настоящаго вопроса, упускать изъ виду и того общеизвѣстнаго факта, что на востокѣ уже съ начала V вѣка древняя система публичныхъ церковныхъ покаяній, съ подраздѣленіемъ ихъ на 4 степени, стала значительно ослабѣвать и уступать свое господство въ практикѣ той системѣ, которая принята въ позднѣйшихъ греческихъ епитимейникахъ и которую въ общихъ чертахъ подтвердилъ трульскій соборъ въ послѣднемъ (102-мъ) своемъ канонѣ. Между тѣмъ на западѣ старая система, говоря вообще, держалась почти до конца IX вѣка. Такимъ образомъ уже a priori нужно допустить, что въ развитіи новой пенитенціальной системы восточная церковь на нѣсколько столѣтій опередила западную и приготовила для нея многочисленные образцы своей практики, которыми всего прежде воспользовалась ирландо-британская церковь, никогда не знавшая дисциплины *публичныхъ* покаяній [1]). Вассершлебенъ предполагаетъ, что первоначальные церковные порядки и учрежденія въ Ирландіи и Шотландіи образовались не безъ вліянія *египетскихъ* монастырей и пустынножительскихъ колоній [2]). А относительно позднѣйшихъ временъ и другихъ западныхъ церквей Шмицъ, а за нимъ и проф. Суворовъ, совершенно правильно замѣчаютъ, что восточная практика *частныхъ* церковныхъ покаяній могла сдѣлаться извѣстною составителямъ латинскихъ пенитенціаловъ чрезъ посредство греческихъ монаховъ, имѣвшихъ нѣсколько монастырей въ Римѣ, въ его окрестностяхъ и всего болѣе — въ южной Италіи (Magna Graecia). Здѣсь, какъ и на самомъ востокѣ, дисциплина церковныхъ покаяній новой системы уже съ VIII вѣка (если не раньше) находилась исключительно въ рукахъ монаховъ. Монахи были духовниками; имъ же конечно нужно приписать и составленіе всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ руководствъ для духовнической практики. Прямое, хотя и

---

[1]) См. *Wasserschleben*, Bussordnungen, s. 29: ср. 11.

[2]) Die Irische Kanonensammlung, Einleit. s. XXI (2 Aufl.). Въ этомъ каноническомъ сборникѣ, дѣйствительно, содержатся многочисленныя извлеченія изъ Vitae Patrum et monasteriorum Aegypti.

довольно позднее, указаніе на такое значеніе греческаго монашества въ Италіи находимъ въ житіяхъ двухъ тамошнихъ святыхъ греческой національности: препод. Нила Младшаго (X в.) и ученика его Варѳоломея (XI в.). О первомъ жизнеописатель сообщаетъ слѣдующее любопытное извѣстіе: Авара, вдова дукса Капуи Пандульфа, виновная въ умерщвленіи своего родственника, политическаго соперника ея сыновей, обратилась съ просьбою къ препод. Нилу назначить ей епитимію за это преступленіе. Преподобный сначала отказывался отъ этого и предлагалъ кающейся обратиться къ епископамъ, которымъ Спаситель вручилъ власть вязать и рѣшить. На это Авара отвѣчала, что она уже исповѣдывалась предъ епископами и получила отъ нихъ епитимію — три раза въ недѣлю прочитывать Псалтирь и раздавать милостыню; но теперь желала бы, для совершеннаго уврачеванія своей души, воспользоваться духовною помощію и отъ него, преподобнаго. „Если такъ, сказалъ послѣдній, то вотъ тебѣ врачевство: исполни предписаніе закона Божія: кровь за кровь, душу за душу. Выдай одного изъ своихъ сыновей родственникамъ убитаго: пусть они поступятъ съ нимъ, какъ захотятъ, и тогда получишь полное отпущеніе своего грѣха“ [1]). Свидѣтельство—не малой исторической важности. Оно показываетъ, что и греческое духовенство въ Италіи, подобно латинскому, имѣя дѣло не только съ цивилизованною, но и варварскою или полуварварскою паствою (сначали Лонгобардами, потомъ — Норманами), признавало необходимымъ, при наложеніи епитиміи за то или другое преступленіе противъ ближняго, требовать отъ виновныхъ полной сатисфакціи лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія. Не менѣе любопытно свидѣтельство, находящееся и въ житіи св. Варѳоломея. Мы узнаемъ отсюда, что греческіе монахи, въ качествѣ духовниковъ, пользовались всеобщимъ уваженіемъ въ Италіи; слава о нѣкоторыхъ изъ нихъ доходила

---

[1]) *Migne*, Patrol. graec. t. 120, p. 136: Παράδος ἕνα τῶν σῶν υἱῶν τοῖς ἰδίοις τοῦ τελευτήσαντος, τοῦ ποιῆσαι ἐν αὐτῷ εἴ τι ἂν θέλωσι, καὶ τότε ἀπολλαγήσῃ τοῦ ἁμαρτήματος.

до самихъ папъ. Такъ по крайней мѣрѣ было съ св. Варѳоломеемъ, по сказанію его жизнеописателя. По этому сказанію, папа Бенедиктъ IX (1033—1044)—порочнѣйшій изъ порочныхъ людей, возсѣдавшихъ на апостольскомъ престолѣ въ XI вѣкѣ, чувствуя угрызенія совѣсти, призывалъ къ себѣ преподобнаго, чтобы исповѣдаться предъ нимъ въ своихъ грѣхахъ и получить отъ него приличное духовное врачеваніе. Выслушавъ исповѣдь первосвященника, св. Варѳоломей, „не по примѣру другихъ духовныхъ врачей, боящихся высокаго сана кающихся, или прельщаемыхъ дарами и почестями, но имѣя въ виду неисцѣлимость открытой ему душевной болѣзни, далъ и соотвѣтственное врачевство“ — запретилъ папѣ навсегда священнодѣйствованіе, что̀—замѣчаетъ жизнеописатель къ славѣ преподобнаго—и было немедленно исполнено [1]). Мы имѣемъ и другія, оффиціальныя свидѣтельства о томъ, что св. Варѳоломей состоялъ духовникомъ у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ не только греческой, но и латиновварварской національности [2]). Если такіе примѣры встрѣчаются даже около половины XI вѣка, почти наканунѣ формальнаго и окончательнаго раздѣленія церквей, то мы въ правѣ предполагать, что въ прежнія времена авторитетъ греческихъ духовниковъ между разноплеменнымъ населеніемъ Италіи былъ еще выше. Это въ особенности должно сказать о томъ болѣе чѣмъ столѣтнемъ періодѣ (642—752), въ продолженіе котораго на папскомъ престолѣ возсѣдали 12 лицъ восточнаго (греческаго и сирійскаго) происхожденія, въ томъ числѣ—и Григорій III, въ посланіи котораго

---

2) *Migne*, Patrol. graec. t. 127, p. 484: Ὁ δὲ (преп. Варѳоломей) οὐ τὸ τοῦ θρόνου ὑψηλὸν ἐπτοήθη, οὐκ εἰς τὸ ὑπερέχον τῆς ἀξίας ἔβλεψεν, οὐκ εἰς δῶρα ἀπεῖδε καὶ τιμάς, ὅπερ οἱ πολλοὶ πάσχουσι τῶν ψυχῶν ἰατροί, ἀλλὰ πρὸς τὸ τοῦ πάθους δυσίατον καιρίαν καὶ τὴν τομὴν δίδους αὐτῷ ἔφη· οὐκ ἔξεστί σοι ἱερουργεῖν, σχολάσαι δὲ μᾶλλον, καὶ τὸ θεῖον ἐξιλεώσασθαι, ὃ πλημμελήσας παρώξυνας. Ὁ δὲ.... παρευθὺς τὸν θρόνον καταλιπὼν ἰδιωτεύων ἐδείκνυτο. Но исторія знаетъ и другіе мотивы, по которымъ Бенедиктъ IX отказался отъ престола.

1) См. двѣ современныя грамоты, данныя монастырю препод. Варѳоломея, у Монфокона въ Palaeographia graeca, p. 394, 396.

къ св. Бонифацію мы уже видѣли примѣръ пользованія правилами восточныхъ покаянныхъ номоканоновъ [1]). Въ это время, когда въ самой Римской церкви введены были разные греческіе церковные обряды и праздники и даже признаны (папою Константиномъ) правила трульскаго собора, всего удобнѣе могли распространиться на западѣ и восточные пенитенціалы, конечно—въ латинскихъ переводахъ или, точнѣе, передѣлкахъ [1]).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію положительныхъ доказательствъ, приводимыхъ профессоромъ Суворовымъ въ пользу западнаго происхожденія Мерзебургскаго пенитенціала. Къ сожалѣнію, почтенный авторъ, признавая эти доказательства „несомнѣнными“, ограничивается только голымъ перечнемъ ихъ. „Въ пенитенціалѣ Мерзебургскомъ, говоритъ онъ, наравнѣ съ другими западными пенитенціалами, мы видимъ такія *несомнѣнныя* черты западнаго происхожденія, какъ: постъ на хлѣбѣ и водѣ, покаяніе, соединенное съ изгнаніемъ и странствованіемъ, покаяніе духовныхъ лицъ, соразмѣряемое съ ихъ іерархическими степеняли, и воспрещеніе духовнымъ лицамъ продолжать супружеское сожитіе съ женами“. Кромѣ того „нѣкоторыя бытовыя черты, отмѣченныя Мерзебургскимъ пенитенціаломъ, свойственны не греческому населенію Византійской имперіи, а варварскимъ германскимъ племенамъ, какъ напр. постъ по найму“ (стр. 122—123). Только одна первая черта въ содержаніи латинскаго пенитенціала—назначеніе епитиміи въ видѣ поста на

---

[1]) Вотъ имена этихъ папъ: 1) Ѳеодоръ, грекъ (642—649); 2) Агаѳонъ, грекъ (678—682), 3) Левъ II, тоже (682—683), 4) Іоаннъ V, сиріецъ (685—687), 5) Кононъ, ѳракіецъ (687—687), 6) Сергій I, сынъ выходцевъ изъ Антіохіи (688—701), 7) Іоаннъ VI, грекъ (701—705), 8) Іоаннъ VII, грекъ (705—706), 9) Сисиній, сиріецъ (707), 10) Константинъ, сиріецъ (708—715) 11) Григорій III, сиріецъ (731—741), 12) Захарія, грекъ (741—752). См *Caspari*, Quellen zur Geschichte des Taufsymbols und der Glaubensregel. Bd. III. s. 194, not. 330.

[2]) О вліяніи эллинизма на церковную и соціальную жизнь въ Италіи въ указанный періодъ времени см. въ превосходной книгѣ *Diehl*'я: Etudes sur l' administration byzantine dans l' exarchat de Ravenne. Paris, 1888, p. 251 и слѣд.

хлѣбѣ и водѣ — на нѣкоторое время остановила на себѣ вниманіе нашего канониста, — заставила его задаться вопросомъ: нѣтъ ли чего подобнаго и въ греческихъ покаянныхъ номоканонахъ? Оказалось слѣдующее: „Такъ называемое сухояденіе (ξηροφαγία) весьма часто встрѣчается въ греческихъ покаянныхъ номоканонахъ или канонаріяхъ, соотвѣтствующихъ западнымъ пенитенціаламъ. Но сухояденіе и называется сухояденіемъ; подобная же формула, какъ „на хлѣбѣ и водѣ“, „о хлѣбѣ и водѣ“, *говоря вообще*, неизвѣстна восточнымъ номоканонамъ“. (стр. 12). Оговорка: „говоря вообще“ вынуждена была тѣмъ, что самъ авторъ въ одномъ кодексѣ Вѣнской придворной библіотеки нашелъ греческій покаянный номоканонъ съ двумя (изъ 125) правилами, въ которыхъ назначается покаяніе „на хлѣбѣ и водѣ“. Объ этомъ номоканонѣ проф. Суворовъ замѣчаетъ, что онъ „очень неранняго происхожденія“, и что „двѣ (упомянутыя) статьи, случайно (?) въ него внесенныя, могли имѣть своимъ источникомъ какой нибудь западный пенитенціалъ, подобно тому, какъ изъ западнаго же пенитенціала этотъ самый номоканонъ заимствовалъ статьи о присужденіи къ покаянію патріарховъ, епископовъ, священниковъ и діаконовъ,—статьи, *вообще говоря* (опять!), необычныя въ восточныхъ номоканахъ, особенно раннихъ, и напротивъ составляющія общее правило въ западныхъ пенитенціалахъ“ (стр. 12, прим. 17). Таковъ мотивъ этой, два раза повторенной оговорки. А смыслъ ея для читателя можетъ быть только тотъ, что профессоръ Суворовъ, спеціалистъ дѣла, для настоящей спеціальной работы отлично изучилъ всѣ печатныя изданія греческихъ покаянныхъ номоканоновъ и, по всей вѣроятности, знакóмъ не съ однимъ только Вѣнскимъ *рукописнымъ* номоканономъ, но и со многими другими. Но на дѣлѣ оказывается далеко не то. Пересмотрѣвъ имѣющійся у насъ подъ руками печатный и отчасти рукописный матеріалъ, въ которомъ нужно было искать основаній для того или другого разрѣшенія настоящаго вопроса, мы убѣдились, что формула „на хлѣбѣ и водѣ“ далеко не такъ чужда восточнымъ покаяннымъ номоканонамъ, какъ увѣряетъ себя и другихъ почтенный авторъ. Такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ Ко-

тельеровомъ номоканонѣ (подробности о которомъ см. въ нашемъ „Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ“, стр. 26—27) формула эта (ἐπιτιμάσθω ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι) встрѣчается *шесть* разъ, въ статьяхъ, стоящихъ почти *рядомъ*, что̀ указываетъ на единство источника, изъ котораго взяты онѣ въ эту обширную, изъ разныхъ источниковъ составленную компиляцію (см. ст. 159, 162, 168—171). Кромѣ того, мы находимъ туже формулу въ нѣсколькихъ краткихъ сборникахъ епитимійныхъ правилъ, изданныхъ Питрою въ IV-мъ томѣ Spicilegii Solesmensis подъ именами разныхъ Отцовъ и соборовъ греческой церкви, напримѣръ: ξηροφαγῶν ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι (Василія В. прав. 4; op. cit. p. 460), ξηροφαγοῦντες ἄρτον μόνον καὶ ὕδωρ (Златоуста прав. 16, p. 462), μετανοείτω ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι (Аѳанасія и Златоуста прав. 11, p. 457 и Халкидон. собора прав. 1, p. 464), ἐσθίειν ἄρτον καὶ ὕδωρ (въ одномъ спискѣ Постникова номоканона, ibid. p. 437). Наконецъ епитимія на хлѣбѣ и водѣ назначается въ трехъ правилахъ еще неизданной греческой компиляціи, носящей въ рукописяхъ надписаніе: Ἐκλογὴ ἐπιτιμίων παντοίων τῶν παθῶν. Два изъ этихъ правилъ тожественны съ тѣми, какія профессоръ Суворовъ нашелъ въ Вѣнскомъ номоканонѣ „недавняго происхожденія“ и призналъ „заимствованіями изъ какого нибудь западнаго пенитенціала“. Теперь же мы во очію видимъ, что они взяты въ этотъ номоканонъ изъ греческаго источника весьма почтенной древности; ибо помянутая Ἐκλογὴ извѣстна намъ по рукописи XIII вѣка, писанной *на Аѳонѣ*. Это—рукопись Московской синодальной библіотеки № 475 [1]). Но всего важнѣе вотъ что: въ числѣ вышеуказанныхъ покаянныхъ правилъ, изданныхъ Питрою въ Spicilegium So-

---

1) Приведемъ по этой рукописи занимающія насъ правила: Ὁ ἐπίορκος, ἔτος ἓν ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι. — Ἐὰν ἀποθάνῃ βρέφος ἀβάπτιστον πλησίον τῶν γονέων αὐτοῦ, πληρουμένων τῶν ἑπτὰ ἡμερῶν, ἵνα ποιήσωσιν οἱ γονεῖς αὐτοῦ τεσσαράκοντα ἡμέρας ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι (Ркп. л. 267, столб. 1—2). Третье правило, не находящееся въ Вѣнскомъ номоканонѣ) съ тою же формулою епитиміи читается въ нашей рукописи такъ: Εἴ τις μαγαρίσει τῷ ἰδίῳ θελήματι... ἐπιτιμᾶται χρόνον ἕνα, ἄρτου καὶ ὕδατος χρώμενος (тамъ же).

lesmense, находятся и такія, которыя *во всемъ своемъ содержаніи* оказываются буквально, или почти буквально сходными съ правилами латинскаго пенитенціала, выдаваемаго профессоромъ Суворовымъ за подлинникъ славянской „Заповѣди св. Отецъ“. Правда, такихъ правилъ — очень не много, всего два; но въ виду этой скромной цифры не нужно забывать слѣдующаго факта, хорошо извѣстнаго всякому, кто сколько нибудь занимался памятниками этого рода по рукописямъ: судьба всѣхъ вообще пенитенціаловъ — и греческихъ, и латинскихъ, и славянскихъ — была такова, что ни одинъ изъ нихъ, подъ руками позднѣйшихъ переписчиковъ и компиляторовъ, не сохранялся въ первоначальномъ своемъ видѣ и редакціи; напротивъ, каждый въ большей или меньшей мѣрѣ дѣлился своимъ содержаніемъ съ другими однородными сборниками и, наоборотъ, самъ принималъ въ себя ихъ составныя части [1]). Въ своемъ мѣстѣ мы иллюстрируемъ это на примѣрѣ славянской „Заповѣди св. Отецъ“; а теперь ограничимся только общимъ констатированіемъ факта, дающаго намъ полное право смотрѣть на упомянутыя и ниже приводимыя два правила, какъ на случайно сохранившіеся и тѣмъ болѣе для насъ драгоцѣнные отрывки одного цѣлаго, одного краткаго греческаго епитимейника, который послужилъ подлинникомъ или, можетъ быть, только отдаленнымъ источникомъ какъ для латинскаго Мерзебургскаго пенитенціала, такъ и для сходной съ нимъ славянской „Заповѣди св. Отецъ“. Вотъ текстъ этихъ двухъ правилъ, параллельно съ латинскимъ и славянскимъ переводомъ ихъ:

Εἴ τινος παιδίον δι' ἀμέλειαν αὐτοῦ ἀποθανεῖ ἀβάπτιστον, τρία ἔτη	Si cujus infans sine baptismo per negligentiam mortuus fu-	**Аще комоу оумреть отроча некрыщено за лѣностью, г лѣта ѡ**

1) Относительно латинскихъ пенитенціаловъ это наглядно доказывается изданіемъ ихъ въ сборникѣ Вассершлебена, гдѣ надъ текстомъ статей каждаго пенитенціала указаны параллельныя мѣста въ другихъ пенитенціалахъ.

μετανοείτω ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι (Pitra, Spicilegium Solesmense, t. IV, p. 464) [1]).

Εἴ τις κληρικὸς φόνον ποιήσει, δέκα ἔτη μετανοείτω· τὰ γ' ἔτη ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι, καὶ μετὰ ταῦτα ὑποδεχέσθω ἐν τῇ πόλει αὐτοῦ, εἰ καλῶς διῆξε τὴν μετάνοιαν, μαρτυροῦντος τοῦ ἐπισκόπου καὶ τῶν ἱερέων, μεθ' ὧν μετενόησε· πληροφορῶν κατενώπιον πάντων, καὶ ἐν ὑποταγῇ τοῖς γονεῦσιν αὐτοῦ ἔσται, λέγων· «τὸ θέλημα ὑμῶν ποιῶ ὑποτασσόμενος». Εἰ δὲ τοῦτο οὐ ποιεῖ, μηδὲ ἐν τῇ πατρίδι δεχθήσεται, ἀλλ' ἀπελθέτω κατὰ τὸν Κάϊν ἐπὶ γῆς ἀλλοτρίας (Pitra, op. cit. p. 457, can. κή). [2]).

erit, III annos poeniteat, I ex his in pane et aqua, II sine vino et carne (правило 61. См. у Суворова приложеніе № I, стр. XIX).

Si quis clericus homicidium fecerit et proximum suum occiderit, X annis exul poeniteat, postea recipiatur in patria, si bene egerit poenitentiam in pane et aqua, testimonio comprobatus episcopi, vel sacerdotum, cum quibus poenituit et cui commessus fuit, et satisfaciat parentibus ejus, quem occidit, vicem filii reddens et dicens: „quaecunque vultis, faciam vobis“. Si autem non satisfecerit parentibus illius, nunquam recipiatur in patria, sed more Cain vagus et profugus sit super terram (правило 1. См. у Суворова приложеніе № I, стр. I).

хлѣбѣ и ѡ водѣ (42 е правило „Заповѣди св. Отецъ“. См. у Суворова тамъ же).

Иже разбон створить ѡ рожении своего оубіетъ, і лѣтъ да покаіется въ инои области, и потомъ да прiатъ боудеть въ ѡбѣщствіе свое, аще боудетъ правьдно покаялъся ѡ хлѣбѣ тъкмо и ѡ водѣ, и да послоушьствоуетъ емоу епископи и попове, оуиихъ же іесть покаялъ къ роженію оубіенаго. Аще ли ся боудеть не добрѣ покаялъ, то не прiатъ боудетъ въ ѡбѣщьство свое.

---

[1]) Это—первое изъ 8 подложныхъ правилъ Халкидонскаго собора, изданныхъ Питрою по рукописи 1295 г., о которой см. у Монфокона въ Bibliotheca Coisliniana, № 364, p. 563.

[2]) Это—одно изъ подложныхъ правилъ Аѳанасія В. и Златоуста, изданныхъ Питрою по рукописи, писанной *въ XII в. на Аѳонѣ* (ср. Montfaucon, op, cit № 363, p. 562).

Послѣднимъ правиломъ опровергается и то (второе) утвержденіе проф. Суворова, будто покаяніе, соединенное съ изгнаніемъ изъ собственнаго мѣстожительства и съ сатисфакціей лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія, составляетъ исключительную принадлежность только западныхъ пенитенціаловъ. Появленіе въ восточной церкви подобныхъ правилъ, носящихъ на себѣ явственную печать варварскаго вліянія, объясняется тѣми же самыми причинами, какими они вызваны были и въ западной. Восточная церковь, не позднѣе западной, начала имѣть дѣло съ варварскими народами, и прежде всего на самомъ западѣ, въ Ирландіи и Британіи, гдѣ первыя сѣмена христіанства несомнѣнно посѣяны были греческими миссіонерами. Въ одномъ изъ тамошнихъ пенитенціаловъ мы уже указали слѣдъ вліянія восточной дисциплины церковныхъ покаяній [1]). Теперь замѣтимъ еще, что другой ирландскій пенитенціалъ, авторомъ котораго былъ одинъ изъ мѣстныхъ миссіонеровъ Vinniaus (въ концѣ V вѣка), содержитъ въ себѣ правило, почти дословно сходное съ занимающимъ насъ правиломъ греческаго покаяннаго номоканона, латинскаго (позднѣйшаго) пенитенціала и славянской „Заповѣди св. Отецъ“ [2]). Но само собою понятно, что восточная церковь всего чаще и ближе соприкасалась съ *сосѣдними*, т. е. съ восточными же, варварскими народами. Ея миссіонерами христіанство, уже въ первыя четыре столѣтія, распространено было въ Персіи, Арменіи, Грузіи и по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря (въ Скиѳіи). Такъ произошли на востокѣ тѣ варварскія епископіи (οἱ ἐν βαρβαρικοῖς ἐπίσκοποι), которыя 28 правиломъ Халкидонскаго, 4-го вселенскаго собора подчинены были Константинопольскому патріарху. Затѣмъ, въ знаменитую эпоху переселенія народовъ, варварскій элементъ почти въ одинаковой мѣрѣ увеличился на территоріи какъ западной, такъ и восточной церкви. Не удивительно поэтому, если пенитенціальная практика обѣихъ церквей, направленная къ постепенному преобразо-

---

[1]) См. выше, стр. 9.

[2]) См. *Wasserschleben*, Bussordnungen, s. 113. § 23; ср. s. 10–11.

ванію быта и воззрѣній варварскихъ пришлецовъ, поселявшихся частію спорадически между прежнимъ христіанскимъ населеніемъ востока и запада, частію сплошными массами въ предѣлахъ Римской и Византійской церковной области, оказывалась совершенно тожественною по способамъ дѣйствованія на эти грубыя массы, именно — примѣнялась къ ихъ обычаямъ и понятіямъ, обращая тѣ и другія въ средства для достиженія своей цѣли. Таково, въ частности, и настоящее правило, насквозь проникнутое варварскими юридическими воззрѣніями. Примѣръ употребленія подобнаго правила въ греческой церковной практикѣ мы уже видѣли въ житіи препод. Нила Младшаго.

Напрасно также почтенный авторъ выдаетъ за исключительную принадлежность западныхъ пенитенціаловъ и третью черту въ содержаніи Мерзебургскаго пенитенціала — „покаяніе духовныхъ лицъ, соразмѣряемое съ ихъ іерархическими степенями“. Доказательства противнаго въ обиліи находимъ въ другомъ сочиненіи самого проф. Суворова, озаглавленномъ: „Къ вопросу о тайной исповѣди и духовникахъ въ восточной церкви“ (Ярославль, 1886 г.). Здѣсь, между прочимъ, твердо обосновано положеніе, что и въ восточной церкви со временъ трульскаго собора (692 г.) епитимія, въ смыслѣ общаго церковнаго наказанія, назначалась не только мірянамъ, но и духовнымъ лицамъ за ихъ преступленія какъ противъ обще-христіанской дисциплины, такъ и противъ особенныхъ обязанностей по званію и должности (стр. 172—178). А что епитимія клирикамъ, въ томъ и другомъ случаѣ, „соразмѣрялась съ ихъ іерархическими степенями“, это и само по себѣ понятно, какъ необходимое требованіе справедливости („кому больше дано, съ того больше и взыщется“), и прямо доказывается греческими покаянными номоканонами. Такъ по Котельерову номоканону, епископъ за плотской грѣхъ подвергается 20-лѣтней епитиміи, пресвитеръ 9-тилѣтней, діаконъ 6-тилѣтней [1]). Въ томъ же номо-

---

[1]) См. въ этомъ номоканонѣ правила 140, 141 и 146 (Monum. eccles. graec. t. I, p. 92). Любопытный варіантъ къ первому правилу представляется въ

канонѣ почтенный профессоръ могъ бы найти правило, доказывающее, что и постъ по найму обыченъ былъ не только варварскимъ германскимъ народамъ, но и греческому населенію Византійской имперіи — въ тѣхъ, конечно, мѣстностяхъ, гдѣ оно смѣшано было съ варварскимъ, или гдѣ населеніе было чисто-варварское, но съ греческимъ духовенствомъ [1]).

Остается, наконецъ, одно правило Мерзебургскаго пенитенціала, подобнаго которому мы, дѣйствительно, не находимъ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ греческихъ покаянныхъ номоканоновъ, —„правило, воспрещающее духовнымъ лицамъ продолжать супружеское сожительство съ женами“. Шмицъ съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на эту черту въ содержаніи занимающаго насъ пенитенціала, какъ на „безспорное“ доказательство западнаго его происхожденія [2]). Но нашъ почтенный канонистъ въ настоящемъ случаѣ долженъ былъ бы обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что славянскій текстъ указаннаго правила, по „Заповѣди св. Отецъ“, довольно далеко расходится съ своимъ (предполагаемымъ) латинскимъ оригиналомъ. Привидемъ оба текста параллельно:

Si quis clericus vel cujuslibet superioris gradus, qui uxorem habuit, et post conversationem vel honorem iterum eam agnovit, sciat se

Аще которыи причьтьникъ, или вашьшю чтъ имѣ, ѡставль женоу, чтъ приметь, и пакы ю приметь, аще ѥсть дьяконъ, ѕ лѣтъ да покаѥться;

греческомъ покалнномъ номоканонѣ Мюнхенской королевской библіотеки X *вѣка*: Ἐπίσκοπος ἐὰν πέσῃ εἰς ἁμαρτίαν γυναικὸς, ἔχει ἐπιτίμησιν ἔτη ιέ, ἐξαγγέλλων εἰς ἕτερον ἱερέα, καὶ λοιπά, εἴ τι ἂν παραγγέλλει αὐτῷ (cod. graec. № 498, fol. 221). Сравни вышеприведенное замѣчаніе проф. Суворова о томъ, что подобныя правила, *вообще говоря*, не встрѣчаются въ *раннихъ* греческихъ номоканонахъ. Но номоканонъ въ спискѣ X в., по нашему мнѣнію, есть *достаточно* ранній.

[1]) Приведемъ это правило вполнѣ: Εἴ τις λάβῃ δώρημα, ἢ ἱερεὺς ἢ ἕτερός τις, τοῦ ποιῆσαι μετανοίας, καὶ οὐ ποιήσει αὐτὰς εἰς καιρὸν αὐτοῦ, ἵνα ποιήσῃ αὐτὰς διπλοῦν (прав. 69, Coteler. op. cit. p. 80). Правило не запрещаетъ брать на себя исполненіе чужой епитиміи по найму, а назначаетъ за неустойку въ этомъ договорѣ исполненіе епитиміи вдвое.

[2]) Bussbücher, s. 231.

adulterium commisisse Idcirco si diaconus, V annos poeniteat, II ex his in pane et aqua, si sacerdos, VII, III in pane et aqua [1]).	**аще ли попъ, і лѣтъ да покаѣтьсѧ.**

Латинское правило, очевидно, мотивировано мыслію о целибатѣ, т. е. *обязательномъ* безбрачіи клириковъ высшихъ степеней, начиная съ діаконской (ordines majores), и выражаетъ эту мысль весьма энергично: sciat se adulterium commisisse; иначе, конечно, и не могъ выразиться западный церковный писатель, какимъ бы источникомъ онъ ни пользовался. Напротивъ, славянское правило (которому сейчасъ приведенныя слова латинскаго пенитенціала вовсе неизвѣстны) говоритъ о добровольномъ оставленіи клирикомъ своей жены и возобновленіи сожитія съ нею, послѣ возведенія на высшую степень. Случаи оставленія клириками своихъ женъ, по взаимному согласію съ ними, во времена трульскаго собора были довольно обычнымъ явленіемъ въ „*варварскихъ* церквахъ“ (ἐν ταῖς βαρβαρικαῖς ἐκκλησίαις), входившихъ въ составъ Константинопольскаго патріархата. Соборъ, уступая жизненной силѣ такого обычая, какъ *мѣстнаго изъятія* изъ общаго правила, въ 30-мъ канонѣ своемъ постановилъ: „опредѣляемъ, да не имѣютъ болѣе (священники, разлучившіеся съ своими женами) сожительства съ ними, ни подъ какимъ видомъ, дабы симъ образомъ явили они намъ совершенное доказательство своего обѣта“. Впрочемъ, въ эпоху дѣйствія Византійскихъ гражданскихъ законовъ, дозволявшихъ разводъ по взаимному согласію супруговъ (а такіе законы издавались въ Византійской имперіи даже въ VIII или IX столѣтіи [2]), случаи, подобные указаннымъ въ 30-мъ канонѣ трульскаго собора, могли встрѣчаться и въ другихъ восточныхъ церквахъ, а не въ однѣхъ только варварскихъ. Понятно, что и здѣсь открывалось мѣсто дѣйствію тогоже

---

1) См. у Суворова приложеніе № I, прав. 12.

2) См. *Zachariae*, Ius graeco-romanum, pars III, p. 61—62, гдѣ помѣщенъ отрывокъ такой новеллы неизвѣстнаго императора, относимой ученымъ издателемъ къ концу VIII или началу IX в. Ср. также примѣчаніе къ этому отрывку.

самаго правила: ибо клирикъ, добровольно и по взаимному обѣту съ своею женою прекратившій сожитіе съ нею, уже не можетъ возобновить этого сожитія безъ грѣха для себя и безъ соблазна для другихъ, особенно послѣ поставленія на высшую степень. Вотъ общій мотивъ какъ приведеннаго правила трульскаго собора, такъ и настоящей статьи славянской „Заповѣди св. Отецъ“ [1]). Такимъ образомъ и эта статья „Заповѣди“ могла имѣть свой греческій подлинникъ, происшедшій или въ какой либо греко-варварской мѣстности, или въ такую эпоху, когда въ Византійской имперіи дѣйствовали вышеупомянутые законы о разводѣ по взаимному согласію. Первое представляется, впрочемъ, болѣе вѣроятнымъ.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго само собою слѣдуетъ, что сходство и отчасти даже буквальное тожество славянской „Заповѣди св. Отецъ“ съ латинскимъ, такъ наз. Мерзебургскимъ пенитенціаломъ можетъ быть *съ полною вѣроятностью* объяснено такъ: оба эти разноязычные памятника произошли изъ одного общаго *греческаго* источника, сохранившагося до насъ только въ двухъ вышеприведенныхъ отрывкахъ. Этотъ выводъ до нѣкоторой степени подтверждается и ближайшимъ сравненіемъ текста „Заповѣди“ съ текстомъ предполагаемаго латинскаго ея оригинала. Тотъ и другой напечатанъ проф. Суворовымъ въ I-мъ приложеніи къ его книгѣ: латинскій—по изданію Вассершлебена (первыя 90 статей), славянскій—по списку Румянцовской Кормчей № 230 съ варіантами по изданію Гейтлера въ Euchologium Glagolski monastira Sinai. Сравненіемъ обоихъ текстовъ занимается и проф. Суворовъ, но не столько съ цѣлью доказать происхожденіе славянской „Заповѣди“ отъ латинскаго пенитенціала (на это авторъ имѣетъ другія, намъ уже извѣстныя доказательства), сколько—въ интересахъ европейской науки, чтобы, при помощи своего открытія, содѣйствовать рѣшенію спорнаго между западными учеными во-

[1]) Покаянные номоканоны распространяли дѣйствіе этого правила и на мірянъ. Таково, напр., слѣдующее правило, приписываемое св. Ефрему Сирину: Ἐὰν ἀνδρόγυνον χωρισθῇ, καὶ στραφῶσιν πάλιν ἀμφότεροι, καὶ ἀναδέξηται εἷς τὸν ἄλλον, ἔχει ἐπιτίμιον ἔτη ιβ'. Spicil. Solesm. IV, p. 459, can. κγ'.

проса о сравнительной древности двухъ редакцій пенитенціала, оказавшагося сходнымъ съ славянскою „Заповѣдью“: Мерзербургской, изданной Вассершлебеномъ, и Валицеллянской, изданной Шмицемъ (см. стр. 109—115). Признаемся, хотя бы и къ стыду своему: мы не особенно интересуемся этимъ западно-европейскимъ вопросомъ и предпочитаемъ ему заботу pro domo sua. Можетъ быть, профессоръ Суворовъ своимъ открытіемъ, дѣйствительно, оказалъ не маловажную заслугу европейской наукѣ въ разрѣшеніи вышеупомянутаго спорнаго вопроса; но русская наука не можетъ быть благодарна автору за то, что онъ сдѣлалъ съ текстомъ славянской „Заповѣди“, при сравненіи ея съ латинскимъ пенитенціаломъ. Онъ разрушилъ оригинальный порядокъ ея статей, какой имѣютъ онѣ въ основномъ спискѣ (Румянц. Кормчей), и размѣстилъ ихъ въ порядкѣ латинскаго пенитенціала (съ удержаніемъ, впрочемъ, нумераціи подлинника), именно: 17-ю статью поставилъ послѣ 14-й, 20-ю — послѣ 47-й, 22-ю — послѣ 40-й, 49-ю — послѣ 23-й. Мотивомъ этой перетасовки, какъ видно изъ подстрочныхъ примѣчаній къ нѣкоторымъ изъ перестановленныхъ статей, было желаніе автора, во что бы то ни стало, найти латинскій двойникъ для каждой статьи славянскаго текста. Дѣло это оказалось весьма не легкимъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — почти невозможнымъ. Такъ, сопоставивъ 20-ю статью „Заповѣди“, по Румянц. Кормчей, съ 83-ю статьею латинскаго пенитенціала, авторъ вынужденъ былъ замѣтить: „видно, что настоящая статья *не есть буквальный переводъ котораго либо изъ нѣсколькихъ Мерзебургскихъ каноновъ, разсуждающихъ о небрежности разнаго рода въ отношеніи къ св. дарамъ* (20-я статья „Заповѣди“ говоритъ о пролитіи св. даровъ); но этому непріятному сознанію предпосылается успокоительная оговорка: „статьи этой нѣтъ у Гейтлера, да и въ Румянц. Кормчей она составляетъ неумѣстную вставку, по крайней мѣрѣ въ той редакціи, какую она получила здѣсь, такъ какъ является повтореніемъ... 47-й статьи славянской „Заповѣди“: значитъ — подразумѣвается — смущаться тутъ нечѣмъ (см. прилож. № I, стр. XXIV). Въ другихъ случаяхъ перестановка статей „Заповѣди“ съ мѣста на мѣсто совершается безъ всякихъ

объясненій со стороны автора (такъ именно переставлены статьи 17-я и 49-я: см. тамъ же, стр. VII и X—XI), или сопровождается лаконическимъ указаніемъ уже извѣстнаго намъ *общаго* мотива всѣхъ такихъ распорядковъ: „Мѣсто, занимаемое этою (22-ю) статьею какъ въ Румянц. Кормчей, такъ и у Гейтлера, *не соотвѣтствуетъ латинскому пенитенціалу:*“ значитъ — подразумѣвается — она должна быть поставлена тамъ, куда указываетъ этотъ послѣдній (стр. XVII). Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда не было надобности перемѣнять порядокъ статей „Заповѣди“ по требованію латинскаго пенитенціала, авторъ, въ качествѣ согласителя обоихъ текстовъ, не рѣдко оказывался въ крайне затруднительномъ положеніи. Такъ, напримѣръ, сопоставляя 28-ю статью „Заповѣди“ съ 35-ю статьею Мерзебургскаго пенетенціала, онъ долженъ былъ сознаться, что „эта статья, говорящая о *блудѣ* съ вдовою или дѣвицею, можетъ быть поставлена въ соотношеніе къ опредѣленной (т. е. 35-й) статьѣ латинскаго подлинника, разсуждающей о *похищеніи* вдовы или дѣвицы, только благодаря связи ея съ предыдущимъ, —связи, которая воспроизводится *въ нѣсколькихъ пенитенціалахъ* (стр. XII). Особенно характерно слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное проф. Суворовымъ по тому поводу, что одна статья „Заповѣди“, стоящая въ Румянц. Кормчей подъ № 27, у Гейтлера занимаетъ самое послѣднее мѣсто: „должно сознаться говоритъ авторъ, что если бы и въ Румянц. Кормчей статья эта стояла на послѣднемъ же мѣстѣ, *едвали бы даже возможно было установить соотвѣтствіе между нею и какою либо изъ статей латинскаго подлинника*, — такъ далекъ славянскій переводъ отъ латинскаго подлинника!“ (стр. XI—XII). И тутъ еще не конецъ всѣмъ затрудненіямъ: въ славянской „Заповѣди“ оказываются три статьи, которыя даже проф. Суворовъ отказался приладить къ какимъ нибудь статьямъ Мерзебургскаго пенитенціала. Одна изъ нихъ находится въ *обоихъ* спискахъ „Заповѣди“ и читается такъ: **„Аще кто кого ѕаклинаѥть сѣмь, толи оумрѣса клюѥть, ӣ днии да поклѣться ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ; аще ли ѥсть дѣлъ, да ѕ̄ лѣтъ ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ** [1]). Другая, именно: „Аще кто

1) Въ обоихъ спискахъ статья эта занимаетъ предпослѣднее мѣсто. Мы привели ее по Румянцевскому списку, безъ варіантовъ Гейтлерова изданія.

къ вълхвамъ ходить, г лѣта да покаѣться: двѣ части хлѣба, а третиюю попела да ѣсть“—имѣется только въ Рум. спискѣ, занимая въ немъ самое послѣднее мѣсто. Третья составляетъ принадлежность одного Синайскаго списка и является здѣсь въ видѣ слѣдующей прибавки къ 45-й (по Рум. списку 47-й) статьѣ „Заповѣди“ (о пролитіи св. даровъ): „**кто къ цр҃кве съпѣ, толи емоу врагъ блазнъ принесетъ въ ꙁълѣ, ѫ҃ (7) денъ да поститъса, и да поклонитъса на день р҃**“. Какъ же проф. Суворовъ рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи этихъ излишковъ „Заповѣди“, сравнительно съ ея оригиналомъ?—Очень просто: первую и послѣднюю статью онъ сопоставляетъ съ *другими* латинскими пенитенціалами, значитъ—признаетъ „Заповѣдь“ не только переводомъ съ Мерзебургскаго пенитенціана, но и *компиляціей* изъ разныхъ латинскихъ сборниковъ тогоже содержанія [1]). Это—уже новость, къ которой почтенный авторъ ничѣмъ насъ не приготовилъ и о которой, поэтому, мы ничего сказать не можемъ. Замѣтимъ только, что послѣднія слова третьей статьи: „**и да поклонитъса на день р҃**“, слова, очевидно говорящія объ извѣстныхъ μετάνοιαι греческихъ покаянныхъ номоканоновъ, никакъ не могутъ быть признаны заимствованіемъ изъ какого либо латинскаго пенитенціала, которые въ составѣ каноническаго наказанія за грѣхи вовсе не знаютъ ежедневнаго совершенія опредѣленнаго числа земныхъ поклоновъ (μετάνοιαι). Что же касается до второй изъ выше приведенныхъ статей „Заповѣди“, не находящихся въ Мерзебургскомъ пенитенціалѣ, то проф. Суворовъ, безъ всякихъ околичностей, приписываетъ ее не переводчику, а переписчику (стр. 111; ср. прилож. № I, стр. XXVIII).—Sic volo, sic jubeo!

Таково отношеніе славянской „Заповѣди“ къ латинскому пенитенціалу *въ цѣломъ ея составѣ*. Войдемъ теперь въ ближайшее разсмотрѣніе *отдѣльныхъ* статей того и другого текста, сопоставляемыхъ авторомъ, какъ переводъ съ подлинникомъ. Наиболѣе близкими къ пенитенціалу оказываются слѣдующія статьи „Заповѣди“: 2-я, 7-я, 10-я (=лат. 9),

---

[1]) См. стр. 112 и прилож. № I, стр. XVIII и XXVIII (примѣчанія).

19-я (=лат. 18), 21-я (=лат. 19), 26-я, читаемая по Гейтлеру (=лат. 33), 33-я (=лат. 44), 41-я (=лат. 60), 43-я (=лат. 64). Затѣмъ всѣ остальныя статьи болѣе или менѣе уклоняются отъ сопоставляемыхъ съ ними латинскихъ текстовъ. Самъ проф. Суворовъ указываетъ на уклоненія двоякаго рода. Вопервыхъ: „въ славянскомъ текстѣ есть нѣкоторыя лишнія слова противъ латинскаго“ (стр. 111). Правильнѣе было бы сказать: не слова, а цѣлыя предложенія (срав. напримѣръ славянскій текстъ, поставленный противъ 40-й, 46-й и 51-й статей латинскаго). Этого мало: къ 4-й статьѣ латинскаго пенитенціала авторъ пріурочилъ *два* правила славянской „Заповѣди“ (3-е и 4-е), изъ коихъ послѣднее, сравнительно съ указаннымъ для него подлинникомъ, представляетъ очевидный логическій плеоназмъ, такъ что это правило, по настоящему, слѣдуетъ причислить къ вышеупомянутымъ тремъ статьямъ „Заповѣди“, не имѣющимъ себѣ подобій въ Мерзебургскомъ пенитенціалѣ [1]). И наоборотъ: въ славянскомъ текстѣ есть болѣе или менѣе значительныя сокращенія противъ латинскаго: одно изъ нихъ (въ 12-й статьѣ) мы уже видѣли выше (стр. 20); въ примѣръ другихъ можно указать на статьи 40-ю (=лат. 57) и 46-ю (=лат. 78); а 32-я статья „Заповѣди“ представляется слитіемъ двухъ, довольно длинныхъ статей латинскаго пенитенціала (41-й и 42-й). Вовторыхъ: въ славянскомъ текстѣ, по указанію профессора Суворова, „встрѣчаются частыя

---

[1]) Объ отношеніи латинской статьи къ поставленнымъ противъ нея двумъ славянскимъ пусть судитъ самъ читатель по ниже слѣдующему подлинному тексту ихъ:

4. Si quis fornicaverit, sicut sadomita fecerit, X annos poeniteat, III ex his in pane et aqua, et nunquam cum alio dormiat.

г. Аще которыи прилѣтьникъ содомьскыи блоудъ створитъ, і лѣтъ да покаѥтьса, г ѡ нихъ ѡ хлѣцѣ и ѡ водѣ.

д. Аще которыи прилѣтьникъ блоудъ створитъ, ѕ лѣтъ да покаѥтьса.

О простомъ блудѣ и особенномъ наказаніи за него (сравнительно съ содомствомъ) латинскій текстъ ничего не знаетъ

отступленія отъ Мерзебургскаго пенитенціала въ срокахъ покаянія“ (стр. 111),—гораздо болѣе частыя, должны мы прибавить, чѣмъ сколько указано авторомъ. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ, конечно, тѣ статьи славянской „Заповѣди“, въ которыхъ, какъ мы видѣли, и самъ проф. Суворовъ едва могъ уловить черты сходства съ латинскимъ пенитенціаломъ. Глубокое несогласіе этихъ статей съ указанными для нихъ оригиналами почтенный авторъ относитъ къ „недомыслію переводчика“ (стр. 115). Посмотримъ, всели тутъ можно объяснить однимъ „недомысліемъ“. Возьмемъ прежде всего 27-ю статью „Заповѣди“, удивившую почтеннаго автора своею отдаленностію отъ латинскаго оригинала (ст. 34). Послѣдній начинается словами: si quis mathematicus fuerit, id est per invocationem daemonum mentes hominum tulerit. Въ свою очередь славянскій текстъ говоритъ: **Аще кто клатъ боудѣть, толи молитьса сътонамъ** и пр. Почему проф. Суворовъ думаетъ, что „**клатъ боудѣть**“ есть непремѣнно переводъ латинскихъ рѣченій: mathematicus fuerit? Не вѣроятнѣе ли допустить, что и mathematicus и **клатъ**—два разноязычные, и равно неправильные, перевода греческаго слова ἐπαοιδός—заклинатель? По крайней мѣрѣ всѣ признаки, которыми латинскій пенитенціалъ характеризуетъ своихъ „математиковъ“ (per invocationem daemonum mentes hominum tulerit, aut debacchantes fecerit), а славянская „Заповѣдь“—своихъ „**клатыхъ**“ („**молитьса сътонамъ, имена имъ творить чѣвуьскаѧ**“), болѣе идутъ къ заклинателямъ, чѣмъ къ т. назыв. „математикамъ“, т. е. астрологамъ, спеціальность которыхъ состояла въ предсказываніи будущаго по звѣздамъ. Дѣятельность же заклинателей (ἐπαοιδοί, γόητες = incantatores) описывается греческими канонистами совершенно согласно съ настоящею статьею латинскаго пенитенціала и славянской „Заповѣди“, напримѣръ: Γόητες μὲν εἰσίν, οἵ καὶ ἐπαοιδοὶ καλοῦνται, οἱ διά τινων μαγικῶν ἐπῳδῶν ἢ θηρία καταδεσμοῦντες, ἢ πρὸς βλάβην ἀνθρώπων, ἢ καὶ ὠφέλειαν τῷ δοκεῖν ποιοῦτές τινα· πρὸς βλάβην μὲν, νόσους, ἢ παραφροσύνας (=mentes hominum tulerit, debacchantes fecerit), ἢ παρέσεις ἐπάγοντες... ἐπικλήσει δαιμόνων (per invocationem daemonum) [1]).

[1]) Συντ. IV, 307.

Или: Γήτες οἱ δαυϊτικοὺς ᾄδοντες ψαλμοὺς, καὶ ὀνομάτων μαρτυρικῶν μεμνημένοι καὶ τούτοις τὴν ἐκ τῶν δαιμόνων παρενείροντες γοητείαν (**молитьса сътонамъ, имена имъ творить ѹ҃вуьскыа**) [1]). Изъ другихъ указанныхъ профессоромъ Суворовымъ примѣровъ „недомыслія“ славянскаго переводчика особенно замѣчательны слѣдующіе два. *Во-первыхъ*: „латинскія слова, въ которыхъ покаяніе назначается со ссылкою на предыдущую статью: sicut in superiore sententia, переведены неправильно: „**понеже ваш҃ьши ѥсть нарѣѹена**“, а у Гейтлера даже: „**ваш҃ьшина рѣѹетьса**“ (стр. 114). Чтобы понять, въ чемъ тутъ состоитъ „недомысліе“ переводчика, необходимо привести оба текста вполнѣ:

13. Si quis fornicaverit cum sanctimoniale vel Deo dicata, *sicut in superiore sententia*, unusquisque juxta ordinem suum poeniteat [2]).

г҃і. **Аще кто съ ѹьрницею блоудъ сътворить, понеже ваш҃ьши ѥсть нарѣѹена (ваш҃ьшина рѣѹетьса), г҃ лѣта да покаѥтьса ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ.**

Неужели славянскій текстъ можно принять за переводъ съ латинскаго, хотя бы и „недомысленный“? Между ними только одно сходство: оба говорятъ о блудѣ съ черницею. Но какъ говорятъ?—Латинскій—съ глухою ссылкою на предыдущее правило; славянскій—съ указаніемъ мотива епитиміи, назначенной имъ за это прегрѣшеніе, совершенно независимо отъ предыдущаго правила. Мотивъ понятенъ самъ по себѣ: „**понеже (ѹерница) ваш҃ьши ѥсть нарѣѹена**“ или: „**ваш҃ьшина рѣѹетьса**“ [3])—имѣетъ преимущество предъ простою женщиной. Погречески это могло быть выражено такъ: διότι μείζων λογίζεται. Какъ бы то ни было, только разница между латинскимъ и славянскимъ текстомъ такъ велика, что сопостав-

[1]) Συντ. VI, 357.

[2]) Предыдущее правило (12-ое), говорящее по-латыни о целибатѣ клириковъ, а послявянски—о добровольномъ оставленіи клириками своихъ женъ, приведено нами выше на стр. 20.

[3]) Слово **ваш҃ьшина** приводится въ лексиконѣ Миклошича въ значеніи греч. ὑπεροχή. Но мы думаемъ, что Гейтлеръ неправильно прочиталъ или напечаталъ тутъ свою рукопись, и, по указанію Румянц. списка, предлагаемъ такое чтеніе: **ваш҃ьши нарѣѹетъса**.

леніе ихъ, какъ подлинника и перевода, было бы своего рода „недомысліемъ“.—*Во вторыхъ*: „слова латинскаго пенитенціала: si quis aliquid de *ministerio* sanctae ecclesiae vel qualecunque opus quolibet modo fraudaverit vel neglexerit переведены: „**аще кто ѡ монастырьскыи цр҃кве тькмо что оукрадеть**“ (стр. 115). Очевидно, проф. Суворовъ предполагаетъ, что переводчикъ вм. ministerium прочиталъ monasterium, и думаетъ: какимъ бы образомъ могло произойти такое ошибочное чтеніе, если бы онъ, переводчикъ, имѣлъ передъ глазами греческій текстъ, тожественный по содержанію съ латинскимъ, т. е. говорящій о порчѣ или небрежномъ содержаніи св. сосудовъ и вообще церковной утвари (ministerium)? Вѣдь погречески эти предметы называются: σκεύη, στολαί и другими именами, не имѣющими никакого созвучія съ латинскими ministerium или monasterium? Откуда же могъ взяться въ славянскомъ переводѣ „монастырь“? Отвѣчаемъ: если у переводчика былъ подъ руками греческій текстъ, совершенно сходный съ выше приведеннымъ латинскимъ, то и въ этомъ текстѣ могло стоять латинское слово μηνιστέριον, съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, какое имѣло оно на западѣ [1]), въ особенности если допустить, что греческій подлинникъ, съ котораго переведена славянская „Заповѣдь“, произошелъ также на западѣ, именно—въ Италіи. Значитъ, ошибка въ переводѣ, т. е. принятіе μηνιστέριον за μοναστήριον, могла одинаково случиться при чтеніи какъ латинскаго, такъ и греческаго текста. Но едва ли есть необходимость предполагать тутъ такую ошибку: славянскій переводчикъ могъ имѣть дѣло съ одною редакціею греческаго правила (согласною съ чтеніемъ „Заповѣди“), а латинскій—съ другою (какую видимъ въ Мерзебургскомъ пенитенціалѣ).

Такимъ образомъ и чрезъ ближайшее сравненіе текста славянской „Заповѣди“, съ текстомъ сходнаго съ нею латинскаго пенитенціала мы утверждаемся въ предположеніи, что она есть переводъ не съ латинскаго, а съ греческаго подлинника. Самый языкъ „Заповѣди“ какъ будто не сво-

---

[1]) См. это слово въ Глоссаріяхъ (греко-варварскихъ) Дюканжа и Меурсія.

боденъ отъ нѣкоторыхъ эллинизмовъ, или такихъ оборотовъ, которыхъ не могъ бы допустить переводчикъ, если бы онъ имѣлъ дѣло съ латинскимъ оригиналомъ, но которые совершенно понятны и естественны въ одномъ изъ старшихъ славянскихъ переводовъ съ греческаго. Напримѣръ: въ соотвѣтствіе словамъ латинскаго пенитенціала: Si quis veneficio aliquem perdiderit (ст. 9), славянская „Заповѣдь“ говоритъ: „**Аще ли кто отравленїи дѣла** (или по другому списку: **отровенїе ради**) **погоубитъ** чл҃вѣка“ (ст. 10). Оборотъ: „**отравленїи дѣла** или **ради**“ могъ быть только буквальнымъ переводомъ греческаго: διὰ φαρμάκου, а не латинскаго безпредложнаго: veneficio. Но объ этомъ—довольно.

„Заповѣдь св. Отецъ“, какъ краткій епитимейникъ, первоначально, по всей вѣроятности, соединялась съ „чиномъ исповѣди“. Древнѣйшій списокъ этого „чина“ находится въ томъ же Синайскомъ глаголическомъ Евхологіонѣ, въ которомъ мы, благодаря изданію Гейтлера, имѣемъ и старшій списокъ „Заповѣди“. Хотя въ самомъ Евхологіонѣ эти двѣ статьи („чинъ надъ исповѣдающимься“ и „Заповѣдь“) и отдѣлены одна отъ другой довольно длиннымъ „чиномъ“ постриженія въ монашество (стр. 147 — 188), но между ними несомнѣнно существуетъ тѣсная матеріальная связь, такъ какъ принятіе исповѣди и наложеніе епитиміи на кающагося составляютъ начало и конецъ одного и тогоже дѣла, совершаемаго духовникомъ нераздѣльно. Конечно, въ виду этой связи, всего же болѣе—въ твердомъ убѣжденіи, что „Заповѣдь“ происходитъ изъ латинскаго источника, проф. Суворовъ въ концѣ своего изслѣдованія объ ней выступилъ съ догадкою, что и „чинъ исповѣди“, имѣющійся въ Синайскомъ Евхологіонѣ, образовался подъ вліяніемъ тогоже запада. Главнымъ основаніемъ этой догадки послужило замѣчаніе Гейтлера, высказанное имъ въ предисловіи къ своему изданію,—что въ „чинѣ надъ исповѣдующимься“ *только двѣ* молитвы могутъ быть сопоставлены съ греческимъ ориги-

наломъ у Гоара (см. у Суворова стр. 116 и у Гейтлера XV). „Если такъ, подхватываетъ нашъ авторъ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что переводчикъ—составитель славянскаго Евхологія—не нашелъ въ греческой церковной практикѣ того, что ему требовалось, и что, слѣдовательно, у грековъ не было еще въ то время выработаннаго экзомологитарія [1]), или чинопослѣдованія исповѣди, какъ не было и выработаннаго канонарія, т. е. совокупности правилъ о наложеніи духовникомъ покаянія за разные грѣхи, не было, по крайней мѣрѣ, такого экзомологитарія и канонарія, которые бы имѣли приложеніе не къ монахамъ только и монахинямъ, а вообще ко всему христіанскому народу. Что касается канонарія, то составитель сборника (т. е. Синайскаго Евхологіона), какъ мы видѣли, превратилъ латинскій пенитенціалъ въ Заповѣдь св. отецъ. Относительно же экзомологитарія *нельзя съ увѣренностью утверждать*, чтобы онъ былъ переводный (конечно—съ латинскаго), хотя невольно бросается въ глаза сходство нѣкоторыхъ мѣстъ въ „чинѣ надъ исповѣдающимся“ съ наставленіемъ объ исповѣди Отмара, аббата с. галленскаго, его ученикамъ, каковое наставленіе напечатано у Вассершлебена въ „Bussordnungen“ (стр. 125). Чтобы подкрѣпить всѣ эти гаданія, авторъ связываетъ ихъ съ вопросомъ о подлинности знаменитаго покаяннаго номоканона восточной церкви, усвояемаго общимъ преданіемъ Константинопольскому патріарху Іоанну Постнику († 596).

„Какъ извѣстно, говоритъ на эту тему проф. Суворовъ, относительно подлинности епитимійнаго греческаго номоканона, дошедшаго до насъ съ именемъ Іоанна Постника, еще съ конца XI столѣтія заявлены были сомнѣнія, не устраненныя и въ настоящее время. До сихъ поръ однако *никому изъ русскихъ ученыхъ* не представлялось случая обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ древнѣйшемъ славянскомъ сборникѣ (т. е. въ Синайскомъ Евхологіонѣ) „чинъ надъ

[1]) Проф. Суворовъ постоянно пишетъ „экзомологистарій“, вѣроятно, повторяя нашу корректурную ошибку, допущенную въ „Номоканонѣ при Бол. Требникѣ“. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы исправить свою ошибку и предостеречь отъ нея другихъ.

исповѣдающимся“ не представляетъ сходства ни съ однимъ изъ сохранившихся съ именемъ Іоанна Постника чинопослѣдованій и канонаріевъ. Позволительно думать, что если бы около половины IX вѣка существовали у грековъ выработанное чинопослѣдованіе исповѣди и опредѣленный сборникъ правилъ для наложенія епитимій за грѣхи, то составителю славянскаго Евхологія не было бы надобности самому составлять (!) „чинъ надъ исповѣдающимся“, руководясь *западной церковной практикой* (итакъ теперь можно говорить объ этомъ уже „съ увѣренностью“?), и тѣмъ менѣе было надобности вносить въ свой сборникъ „Заповѣдь св. отецъ“, прямо переведенную съ латинскаго пенитенціала“ (стр. 125—126). Остановимся на минуту, чтобы дать себѣ отчетъ въ приведенныхъ выпискахъ, хотя тутъ далеко еще не все, что авторъ нашелъ нужнымъ сказать на ту же тему. Замѣтимъ прежде всего, что если Гейтлеръ могъ найти у Гоара греческіе подлинники только для двухъ молитвъ изъ числа семи, имѣющихся въ Синайскомъ глаголическомъ „чинѣ надъ исповѣдающимся“, то нашъ ученый канонистъ, прежде чѣмъ дѣлать какіе нибудь рѣшительные выводы изъ этого обстоятельства, долженъ былъ бы поискать въ другихъ печатныхъ изданіяхъ греческаго чина исповѣди, не найдется ли въ нихъ подлинниковъ и для остальныхъ молитвъ славянскаго „чина надъ исповѣдающимся“, изданнаго Гейтлеромъ. Поиски были бы не напрасны и даже не особенно трудны, такъ какъ они сдѣланы уже другими русскими учеными, задолго до выхода въ свѣтъ книги проф. Суворова. Такъ покойный проф. И. Д. Мансветовъ въ своей превосходной статьѣ о Синайскомъ глаголическомъ Евхологіонѣ указалъ греческій подлинникъ еще для двухъ молитвъ, находящихся въ чинѣ исповѣди этого Евхологіона [1]). Если бы это указаніе было извѣстно нашему почтенному канонисту, то онъ, по всей вѣроятности, иначе бы редактировалъ выписанныя нами мѣста въ его книгѣ и, между прочимъ, воздержался бы отъ заявленія,—что *„никто* изъ русскихъ ученыхъ не обратилъ вниманія на *несходство* древнѣйшаго славянскаго

[1]) Прибл. къ Твор. св. Отецъ, 1883, ч. 32, стр. 375—377.

чина исповѣди съ какимъ либо греческимъ чинопослѣдованіемъ и канонаріемъ, сохранившимся съ именемъ Іоанна Постника“: указанныя И. Д. Мансветовымъ двѣ греческія молитвы, имѣющія своихъ двойниковъ въ славянскомъ Синайскомъ Евхологіонѣ, находятся какъ разъ въ чинопослѣдованіи исповѣди, носящемъ на себѣ имя патріарха Іоанна Постника и напечатанномъ у Алляція и Морина [1]). Такимъ образомъ вниманіе русскихъ ученыхъ, занимавшихся славянскимъ чиномъ исповѣди по Синайскому Евхологіону прежде проф. Суворова, обращено было и на греческое чинопослѣдованіе съ именемъ Іоанна Постника, при чемъ оказалось, что въ этомъ чинопослѣдованіи имѣются четыре молитвы, находящіяся и въ сейчасъ упомянутомъ славянскомъ чинѣ, и что всѣ вообще, и греческія и славянскія, редакціи чина исповѣди, при всей ихъ „неустойчивости“ (замѣчаніе И. Д. Мансветова), постоянно сохраняли въ себѣ тѣ или другія составныя части своего общаго прототипа, усвояемаго преданіемъ Іоанну Постнику. Итакъ изъ семи молитвъ, входящихъ въ составъ древнѣйшаго славянскаго чина исповѣди, мы не можемъ указать греческихъ подлинниковъ только для трехъ: первой (у Гейтлера на стр. 131—133) и двухъ послѣднихъ (стр. 142—147). Но достаточно хоть бѣгло прочитать какъ эти молитвы, такъ и

---

1) Послявянски молитвы эти начинаются словами: **Вѣко ѓі бѫе призъıваѭи правєдникъı** (Гейтлеръ, стр. 135); другая: **Гі бѫе спнѣ моєго** (стр. 134). Погречески: Δέσποτα κύριε ὁ θεὸς, ὁ καλῶν δικαίους (Allatius, De consens. p. 1316—1317; Morinus, op. cit. p. 618); другая: Κύριε ὁ θεὸς τῆς σωτηρίας τῶν δούλων σου (Allatius, p. 1317; Morinus, p. 618). Но послѣдняя молитва гораздо ближе къ славянскому тексту читается въ одной рукописи Вѣнской придворной библіотеки (Cod. hist. graec. № 75, fol. 193 v.), откуда она обязательно списана для насъ профессоромъ В. В. Ягичемъ. Считаемъ не лишнимъ привести ее вполнѣ по этой рукописи: Κύριε ὁ θεὸς τῆς σωτηρίας ἡμῶν, ὁ ἐλεήμων καὶ οἰκτείρμων, μακρόθυμος καὶ πολυέλεος, ὁ κλίνας οὐρανοὺς καὶ καταβὰς ἐπὶ σωτηρίαν τοῦ γένους τῶν ἀνθρώπων, ὁ μὴ βουλόμενος τὸν θάνατον τοῦ ἁμαρτωλοῦ πρὸς τὸ ἐπιστρέψαι καὶ ζῆν αὐτόν· αὐτὸς δέσποτα παράκλήθητι ἐπὶ τὸν δοῦλόν σου, τὸν δ., παράσχου αὐτῷ τόπον καὶ καιρὸν μετανοίας, συγγνώμην ἁμαρτιῶν, ἱλασμὸν πταισμάτων, χαριζόμενος αὐτῷ πᾶν πλημμέλημα ἑκούσιόν τε καὶ ἀκούσιον, καὶ διαλλάγηθι αὐτὸν καὶ σύναφον τῇ ἁγίᾳ σου ἐκκλησίᾳ.

всѣ прочія составныя части „чина“, чтобы замѣтить въ тѣхъ и другихъ ясные слѣды происхожденія изъ греческаго источника: языкъ всего „чина“ изобилуетъ словами и оборотами рѣчи, свойственными только переводу *съ греческаго* [1]). Сказаннаго совершенно достаточно, чтобы видѣть, насколько основательно предположеніе профессора Суворова, —что „славянскій переводчикъ греческаго Евхологіона (подлинника Синайской глаголической рукописи) *самъ составилъ* „чинъ надъ исповѣдающимся“, *руководясь западной церковной практикой*“. Единственнымъ оправданіемъ этой смѣлой гипотезы служитъ уже слишкомъ осторожная оговорка автора, что ему „невольно бросилось въ глаза сходство нѣкоторыхъ мѣстъ въ „чинѣ надъ исповѣдающимся“ съ наставленіемъ объ исповѣди Отмара, аббата с. галленскаго“. Осторожность была весьма кстати: ибо изъ приложенія къ книгѣ № II, гдѣ напечатанъ отрывокъ изъ Отмарова наставленія, параллельно съ якобы „сходными мѣстами въ чинѣ надъ исповѣдающимся“, всякій читатель, „имѣющій очи видѣти“, увидитъ, что между сопоставленными здѣсь латинскимъ и славянскимъ текстами нѣтъ ни малѣйшаго сходства.

Отъ славянскаго „чина исповѣди“, помѣщеннаго въ Синайскомъ глаголическомъ Евхологіонѣ, проф. Суворовъ переходитъ къ тому греческому, которымъ обыкновенно начинаются списки покаяннаго номоканона, носящаго на себѣ имя Іоанна Постника. Въ рядѣ скромныхъ вопросовъ авторъ старается внушить читателю мысль, что и этотъ номоканонъ обязанъ, если не своимъ происхожденіемъ, то надписаніемъ и внутреннимъ характеромъ, вліянію все тѣхъ же западныхъ пенитенціаловъ. „Не выражаютъ ли собою — такъ начинаетъ свои вопросы проф. Суворовъ—дошедшіе до насъ съ

---

1) Эллинизмы особенно замѣтны тамъ, гдѣ проф. Суворовъ всего болѣе подозрѣваетъ латинское вліяніе,—въ началѣ „чина надъ исповѣдающимся“, напр., стр. 124: **отъмывлемъ же пакы грѣхы отъ себе, ѩже по крѫщеньи сътворше**; стр. 125: **дѣтогоубленнѣ** (παιδοφθορίαι); стр. 128: **ѯемелѣганне** (χαμαικοιτία); **истово єсть поканнне єже** (τὸ) **єдиною отъстѫпивъше отъ грѣхъ, къ томоу не възвращатися** (τὸ μὴ ἐπιστρέφεσθαι); стр. 129: **соухоѣдець** (ξηροφαγῶν) и др.

именемъ Іоанна Постника греческіе покаянные уставы уже извѣстной реакціи латинскимъ покаяннымъ уставамъ, послѣ того, какъ отношенія между востокомъ и западомъ обострились до открытой вражды и до церковнаго раздѣленія? Не значитъ ли это настойчивое помѣщеніе имени Іоанна Постника въ заголовкѣ греческихъ покаянныхъ уставовъ, что греки имѣютъ свои покаянные уставы не отъ латинскаго Іоанна (Кассіана), съ sermo de poenitentia котораго начинался наприм. Мерзебургскій пенитенціалъ, а отъ своего восточнаго Іоанна Постника, патріарха Константинопольскаго, прославленнаго не только аскетическою жизнію своей, но и отстаиваніемъ привиллегій Константинопольскаго патріархата, не смотря на вразумленія (итакъ сами греки сознавали, что Іоаннъ Постникъ былъ „не въ своемъ разумѣ“, когда „отстаивалъ привиллегіи своего престола?“), представленія и жалобы римскаго папы Григорія Великаго, и вѣроятно на самомъ дѣлѣ оставившаго нѣкоторыя наставленія объ исповѣди и покаяніи? Не свидѣтельствуетъ ли затѣмъ самая система восточныхъ покаянныхъ руководствъ, или, правильнѣе сказать, претензія на систематичность въ классифицированіи грѣховъ и образовъ покаянія,—такъ какъ нигдѣ система сколько нибудь правильнымъ образомъ не выдерживается—о томъ же реакціонномъ или оппозиціонномъ направленіи этихъ руководствъ по отношенію къ западу?“ (стр. 126—127).

На всѣ три вопроса можно отвѣчать только: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. И вопервыхъ: система церковныхъ покаяній, о которой свидѣтельствуетъ такъ называемый Постниковъ номоканонъ, несомнѣнно установилась на востокѣ задолго до раздѣленія церквей и совершенно независимо отъ какой либо оппозиціи латинскому западу. (Да и что за „оппозиція“, состоящая въ подражаніи западнымъ образцамъ, въ исправленіи по нимъ своей церковной практики? Шмицъ логически, но не исторически, былъ болѣе правъ, когда доказывалъ, что субботній постъ сдѣлался на западѣ общеобязательнымъ только съ IX вѣка, вслѣдствіе оппозиціи *противоположной* практикѣ греческой церкви). Въ общихъ чертахъ система церковныхъ покаяній, принятая въ т. наз. Постниковомъ

номоканонѣ, какъ уже выше замѣчено, подтверждена была еще трульскимъ соборомъ (692) въ его послѣднемъ канонѣ. Соборъ высказываетъ, а номоканонъ подробно развиваетъ ту общую мысль, что древнія строгія правила о продолжительныхъ покаяніяхъ не имѣютъ безусловнаго значенія; напротивъ, получившій власть *вязать и разрѣшать* долженъ обращать вниманіе на нравственное расположеніе и другія обстоятельства кающагося: если онъ показываетъ искреннее и глубокое раскаяніе и если грѣхъ совершенъ при обстоятельствахъ, допускающихъ извѣстную мѣру снисхожденія къ виновному, то срокъ епитиміи, опредѣленный въ древнихъ канонахъ, можетъ быть сокращенъ на половину и болѣе; въ противномъ случаѣ духовникъ обязанъ держаться точнаго смысла каноническихъ правилъ. Иногда сходство между покаяннымъ номоканономъ и соборнымъ правиломъ становится почти буквальнымъ. Позволяемъ себѣ провести здѣсь краткую параллель между тѣмъ и другимъ:

Номоканонъ I. Постника (Pitra, Spicicil. Solesm. t. IV, p. 438; Morinus, De admin. sacr. poenit. ed. 1702).

Δεῖ τὸν δεχόμενον τὴν ἐξομολόγησιν μὴ εἰς ὄγκον, μήδε εἰς πλῆθος βλέπειν ἁμαρτημάτων, εἰ καὶ ὑπὲρ φύσιν εἰσὶ τὰ ἁμαρτήματα, ἀλλ' εἰς μόνην ἀφορᾶν τὴν τοῦ θεοῦ εὐσπλαγχνίαν, καὶ πᾶσαν ἱλαρότητα ἔχειν τότε πρὸς τὸν ἐξομολογούμενον..... Ὅτι οὐ πρὸς τὴν ἀναλογίαν τῶν ἁμαρτημάτων παρὰ τοῖς χρηστοῖς καὶ εὐσπλάγχνοις καὶ Χριστομιμήτοις, καὶ τοῖς καλῶς διακρῖναι δυναμένοις καὶ πρόσωπον, καὶ φύσιν, καὶ ὥραν, καὶ τοπον, καὶ ἀγνωσίαν, καὶ νεότητα, καὶ γῆρας, δίδονται τὰ ἐπιτίμια, ἀλλὰ πρὸς τὴν οἵαν εἶπον σύγκρισιν καὶ διάκρισιν (*Morinus*,, op. cit. p. 628). Ταῦτα οὖν εἰδὼς, μὴ κατὰ

102-е правило трульскаго, пято-шестаго вселенскаго собора.

Δεῖ τοὺς ἐξουσίαν λύειν καὶ δεσμεῖν παρὰ Θεοῦ λαβόντας, σκοπεῖν τὴν τῆς ἁμαρτίας ποιότητα, καὶ τὴν τοῦ ἡμαρτηκότος ἑτοιμότητα, καὶ οὕτω κατάλληλον τὴν θεραπείαν προσάγειν τῷ ἀρρωστήματι, ἵνα μὴ τῇ ἀμετρίᾳ καθ' ἑκάτερον χρώμενος, ἀποσφαλείη πρὸς τὴν σωτηρίαν τοῦ κάμνοντος..... Ὥστε τὸν τὴν ἰατρικὴν ἐν πνεύματι ἐπιστήμην ἐπιδεικνύμενον (обычное у грековъ выраженіе о духовникахъ), πρότερον χρὴ τὴν τοῦ ἡμαρτηκότος διάθεσιν ἐπισκέπτεσθαι..... Ἀμφότερα τοίνυν εἰδέναι χρὴ, καὶ τὰ τῆς ἀκριβείας (то есть точный смыслъ древнихъ правилъ),

τὴν ἀκρίβειαν τῶν θείων κανόνων διορίζειν τὰ ἐπιτίμια, ἀλλὰ κατὰ τὴν ποιότητα τοῦ προσώπου (ib. p. 620).

καὶ τὰ τῆς συνηθείας (то есть смягченія, какія допускала практика, выраженіемъ которой служилъ т. наз. Постниковъ номоканонъ).

Конечно, мы не можемъ навѣрное сказать: соборъ ли имѣлъ передъ собою покаянный номоканонъ (анонимный или съ именемъ Постника), или, наоборотъ, авторъ номоканона слѣдовалъ соборному правилу; но несомнѣнно, что соборъ утвердилъ уже давно установившуюся церковную практику, которую, какъ *обычную* (συνήθεια), онъ и противополагаетъ постановленіямъ древнихъ каноновъ (ἀκρίβεια).

Вовторыхъ: „настойчивое помѣщеніе имени Іоанна Постника въ заголовкѣ греческихъ покаянныхъ уставовъ“ нисколько не выражаетъ собою оппозиціи западнымъ пенитенціаламъ, начинавшимся съ рѣчи Іоанна Кассіана о покаяніи, такъ какъ рѣчь эта далеко не была такимъ обычнымъ явленіемъ въ латинскихъ пенитенціалахъ, какъ надписаніе имени Іоанна Постника въ греческихъ покаянныхъ номоканонахъ: изъ двухъ списковъ, или точнѣе, изводовъ пенитенціала, признаваемаго проф. Суворовымъ за подлинникъ славянской „Заповѣди св. Отецъ“ и за нѣчто общеизвѣстное на востокѣ, рѣчь Іоанна Кассіана находится только въ одномъ—Мерзебургскомъ. О громадномъ числѣ другихъ пенитенціаловъ и говорить нечего: они вовсе не знаютъ этой рѣчи.

Втретьихъ: „претензія восточныхъ покаянныхъ руководствъ на систематичность въ классификаціи грѣховъ и образовъ покаянія“ также ни мало не свидѣтельствуетъ „о реакціонномъ и оппозиціонномъ направленіи этихъ руководствъ по отношенію къ западу“. На востокѣ классификація грѣховъ и образовъ покаянія началась гораздо раньше, чѣмъ на западѣ, и не востокъ подражалъ въ этомъ отношеніи западу, а западъ востоку. Какъ извѣстно, уже въ каноническомъ посланіи св. Григорія Нисскаго къ епископу Литоію всѣ грѣхи возводятся къ тремъ способностямъ человѣческой души: мыслительной (λογικόν), желательной (ἐπιθυμητικόν) и возбудительной (θυμοειδές). Въ древнѣйшихъ редакціяхъ т. наз. Постникова номоканона не видно этой классификаціи;

но она довольно строго соблюдена въ той (позднѣйшей) редакціи этого покаяннаго руководства, которая въ XIV вѣкѣ принята Властаремъ въ видѣ приложенія къ его алфавитной канонической Синтагмѣ [1]). Наряду съ упомянутымъ посланіемъ Григорія Нисскаго нужно поставить сочиненіе св. Нила „объ осми злыхъ помыслахъ или наклонностяхъ“ (περὶ τῶν ὀκτὼ πνευμάτων τῆς πονηρίας, или, по другому надписанію, περὶ τῶν ὀκτὼ τῆς κακίας λογισμῶν) [2]). Совершенно такое же сочиненіе и въ тоже самое время (около половины V вѣка) явилось и на западѣ изъ-подъ пера Іоанна Кассіана. Совпаденіе—не случайное и не удивительное: оба писателя были учениками св. Іоанна Златоуста и затѣмъ оба подвизались въ монастыряхъ Египта. Іоаннъ Кассіанъ и не выдаетъ своего ученія за оригинальное: онъ излагаетъ его отъ лица египетскаго подвижника—аввы Серапіона, одного изъ своихъ наставниковъ въ монашеской жизни, и удерживаетъ (на половину) самыя греческія названія злыхъ наклонностей души, которыя исчисляются у него въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ и у св. Нила (gastrimargia, fornicatio, philargyria, ira, tristitia, acedia, cenodoxia, superbia) [3]). Вышеупомянутая рѣчь Кассіана о покаяніи есть не болѣе, какъ краткое и довольно безграмотное изложеніе этого ученія, и неужели она—жалкая копія третьей руки съ *греческаго* образца — могла играть *у самихъ же грековъ* такую важную роль, какую приписываетъ ей проф. Суворовъ? [4]).

Вышеприведенные (и нами разсмотрѣнные) вопросы авторъ заключаетъ: 1) однимъ „любопытнымъ“ извѣстіемъ объ Іоаннѣ Постникѣ и 2) указаніемъ въ номоканонѣ, носящемъ имя этого патріарха, слѣдовъ *прямого* западнаго вліянія. Извѣстіе, взятое у кардинала Питры, гласитъ: „Любопытно, что въ древнѣйшихъ покаянныхъ руководствахъ Іоаннъ Постникъ не называется еще святымъ, — можетъ быть, и въ

---

1) См. эту редакцію Постникова номоканона въ Σύνταγμα Ралли и Потли т. IV, стр. 432—445.

2) См. *Migne*, Patrolog. graec. t. 79, p. 1145 sq., p. 1435 sq.

3) Patrolog. latin. t. 49, p. 609 sq.

4) См. эту рѣчь у Вассершлебена въ Bussordnungen, s. 387—388.

агіологій греческій имя его занесено было уже послѣ того, какъ возникло религіозное (правильнѣе было бы сказать: церковное) раздѣленіе между востокомъ и западомъ“ (стр. 127) Но и сочиненія такихъ отцовъ восточной церкви, какъ Василій В., Златоустъ и др., не всегда надписывались ихъ именами съ эпитетомъ: „святый“. Надписаніе: Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν („иже во святыхъ отца нашего“) признавалось обязательнымъ только для „житій“ святыхъ. Такъ надписано было и житіе Іоанна Постника, составленное *вскорѣ послѣ его кончины* „Фотиномъ, боголюбезнѣйшимъ пресвитеромъ и экдикомъ великой Константинопольской церкви“, очевидцемъ подвиговъ и чудесъ почившаго патріарха. Отрывокъ изъ этого житія, съ тѣмъ же самымъ надписаніемъ, читанъ былъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ (787 г.) и включенъ въ самые соборные акты [1]). Свидѣтельство этихъ актовъ о современномъ, всеобщемъ въ восточной церкви, чествованіи Іоанна Постника, какъ святаго, прямо подтверждается Мѣсяцесловомъ, находящимся при одномъ греческомъ Евангеліи, писанномъ вскорѣ послѣ седьмаго вселенскаго собора, т. е. если не въ концѣ VIII-го, то въ самомъ началѣ IX-го вѣка [2]). Что же касается до слѣдовъ прямого западнаго вліянія на номоканонъ Іоанна Постника, то проф. Суворовъ усматриваетъ ихъ „въ такихъ мѣстахъ этого памятника, въ которыхъ говорится о значеніи дѣлъ покаянія. Въ Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ ἐξομολογουμένων выражается та мысль, что выполнившій наложенное духовникомъ покаяніе получаетъ отпущеніе содѣянныхъ имъ грѣховъ, а тотъ, кто беретъ на себя и исполняетъ еще сверхъ того излишнее покаяніе, заслуживаетъ не только отпущенія грѣховъ, но и вѣнца за заслугу. Эта мысль, продолжаетъ авторъ, сама собою просится на сопоставленіе съ ordo poenitentiae при пенитенціалахъ латинскихъ, въ которыхъ читается слѣ-

---

[1]) См. Дѣянія вселенскихъ соборовъ въ русскомъ переводѣ, издан. при Казанск. дух. академіи, т. VII, стр. 306—311.

[2]) См. Мѣсяцесловъ Востока архимандрита Сергія, т. I, приложеніе 1, стр. 3 Свѣдѣнія, изложенныя нами въ текстѣ о времени причисленія Іоанна Постника къ лику святыхъ, читатель можетъ дополнить по сочиненію Гергенрётера: Photius, Patriarch von Constantinopel. Bd. I, s. 190.

дующее мѣсто: omnis poenitens non solum debet jejunare, quod illi mandatum est a sacerdote, verum etiam postquam compleverit ea, quae illi jussa sunt, debet, quantum ipsi visum fuerit, jejunare sive tetradas, sive parascevas“ (c. 127—128) [1]). Мы должны быть очень благодарны почтенному автору за это сопоставленіе. Оно еще разъ подтверждаетъ высказанную нами догадку о томъ, что авторы латинскихъ пенитенціаловъ, даже древнѣйшихъ, пользовались уже готовыми греческими образцами. Въ настоящемъ случаѣ слѣды этого пользованія ясны, можно сказать, до осязательности. Авторъ латинскаго „чина покаянія“ (ordo poenitentiae), черпая изъ своего источника, не счелъ даже нужнымъ замѣнить греческія названія середы и пятницы обычными и исключительно употребительными на западѣ названіями этихъ дней: feria IV, feria VI [2]). Мы не говоримъ уже о томъ, что по сознанію самихъ западныхъ ученыхъ (напр. Шмица), *усиленный* постъ по середамъ и пятницамъ, какой требовался отъ покаяльниковъ въ смыслѣ superimpositio, принятъ былъ на западѣ отъ монастырей *восточныхъ* [3]). Но вотъ что важно: догадка о вліяніи Постникова номоканона на латинскіе пенитенціалы высказывалась и прежде насъ однимъ изъ авторитетныхъ представителей науки церковнаго права на за-

---

[1]) *Wasserschleben*, Bussordnungen, s. 362.

[2]) Иначе поступилъ другой составитель латинскаго пенитенціала, съ которымъ мы познакомились, опять таки благодаря проф. Суворову. На стр. 13, въ концѣ 17-го примѣчанія нашъ почтенный канонистъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ одного рѣдкаго изданія т. наз. „Римскаго пенитенціала“: „Poenitentia unius anni, qui in pane et aqua jejunandus est, talis esse debet: in unaquaque hebdomade (единственный эллинизмъ) tres dies, id est secundam *feriam*, IV et VI, in pane et aqua jejunet, et tres dies, III, V et *sabbatum* a vino, medone, mellita, cervisia, a carne et sagimine, et caseo, et ovis, et abdomine et pinguibus piscibus se abstineat. Manducet autem minutos pisciculos, si habere potest, sin autem, unius generis piscem, legumina, et olera et poma comedat et cervisiam“. Обязательный для кающихся постъ *по понедѣльникамъ*, ослабленіе поста *по субботамъ* и подробное исчисленіе предметовъ питанія въ каждый день недѣли—все это, какъ безъ сомнѣнія извѣстно и проф. Суворову, составляетъ отличительную особенность восточныхъ покаянныхъ номоканоновъ и въ особенности — монастырскихъ уставовъ. Нѣчто подобное находится и въ номоканонѣ Постника.

[3]) Bussbücher, s. 150.

падѣ—Рихтеромъ. Это извѣстно и проф. Суворову; но онъ, само собою понятно, отстаиваетъ *свой* взглядъ на дѣло, ссылаясь при этомъ на Вассершлебена, который, на основаніи предполагаемаго имъ старшинства латинскихъ пенитенціаловъ передъ упомянутымъ греческимъ (происшедшимъ будто бы не ранѣе XII в.), доказывалъ также, что если между тѣми и другимъ найдется какое нибудь сходство, то это должно быть объясняемо такъ, что первые послужили источникомъ для послѣдняго, а не наоборотъ. Проф. Суворовъ отвергаетъ основаніе, на которомъ Вассершлебенъ утверждалъ свою догадку; но въ самой этой догадкѣ не находитъ „ничего невѣроятнаго“, хотя, съ своей стороны, не замѣняетъ отвергнутаго основанія никакимъ другимъ (стр. 128. прим. 195). Вслѣдствіе этого спорный вопросъ по необходимости остается in statu quo. Въ самомъ дѣлѣ, какъ рѣшить: западные-ли пенитенціалы оставили свой слѣдъ на восточныхъ, или наоборотъ, — когда неизвѣстно, которые изъ нихъ старше? Выше мы представили нѣкоторыя положительныя и апріорныя доказательства въ пользу сравнительнаго старшинства греческихъ покаянныхъ номоканоновъ предъ латинскими пенитенціалами. Теперь займемся этимъ вопросомъ исключительно по отношенію къ такъ называемому Постникову номоканону. Что можно съ достовѣрностію сказать о времени его происхожденія?

Начнемъ съ фактовъ безспорныхъ. Несомнѣнно, что этотъ номоканонъ въ той редакціи, въ которой онъ надписывается именемъ „Іоанна, монаха и діакона, ученика Василія Великаго“, существовалъ и употреблялся въ греческой церкви уже въ X-мъ вѣкѣ, ибо къ этому вѣку восходитъ старшій изъ *извѣстныхъ намъ* списковъ его, находящійся въ рукописи Мюнхенской королевской библіотеки № 498 и ошибочно надписанный здѣсь именемъ Василія (вм. Іоанна) [1]). Въ концѣ тогоже X-го, или въ самомъ началѣ XI-го столѣтія номоканонъ Іоанна Постника, приблизительно въ той

[1]) Ср. *Hardt*, Catalogus codd mss graec. bibliothecae regiae Bavaricae. 1812 г. т. V, стр. 193 и слѣд. Мы имѣемъ точную копію съ этого списка, снятую для насъ въ 1877 г. молодымъ нѣмецкимъ ученымъ Карломъ Мюллеромъ.

же редакціи, переведенъ былъ на грузинскій языкъ св. Евѳиміемъ, грузинскимъ царевичемъ и аѳонскимъ монахомъ († 1028 г.). Въ высшей степени интересныя, хотя для спеціалиста не всегда удовлетворительныя, свѣдѣнія объ этомъ переводѣ сообщаются въ статьѣ покойнаго академика Броссе, напечатанной въ VII-мъ томѣ Бюллетеней Императ. Академіи Наукъ, на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Notice sur un Nomocanon géorgien, manuscrit du Musée asiatique de l' Académie impériale des sciences № 103 a". Отсюда мы узнаемъ, что переводъ сдѣланъ былъ съ такой греческой рукописи, въ которой номоканонъ Іоанна Постника слѣдовалъ непосредственно за правилами трульскаго собора, тоже переведенными св. Евѳиміемъ на родной языкъ. Переводчикъ поставилъ надъ второю частію своего труда такое заглавіе: „Каноны о грѣхахъ, написанные блаженнымъ отцомъ нашимъ, Іоанномъ, архіепископомъ Константинопольскимъ, называемымъ Постникомъ. Знайте, что сей блаженный Іоаннъ Постникъ былъ послѣднимъ изъ написавшихъ правила Номоканона и что онъ послѣ VI-го вселенскаго собора долгое время былъ добрымъ архіереемъ, исполненнымъ благодати Св. Духа. (Ясно, что препод. Евѳимій опредѣлялъ хронологическое отношеніе переведенныхъ имъ статей по порядку, въ какомъ стояли онѣ въ его оригиналѣ). По причинѣ великой слабости нашего рода, онъ болѣе чѣмъ кто либо изъ св. Отцовъ смягчилъ каноническія наказанія за грѣхи, и Господу угодно было, чтобы въ настоящее время архіереи по этимъ именно правиламъ наказывали грѣшниковъ" [1]). Вотъ два драгоцѣнныя свѣдѣнія, ведущія къ важнымъ заключеніямъ. Если во времена св. Евѳимія номоканонъ Іоанна Постника въ греческихъ рукописяхъ присоединялся

[1]) Bulletin, t. VII, p. 150—160. Изъ слѣдующаго затѣмъ (стр. 160—164) довольно подробнаго описанія Евѳиміева перевода оказывается, что онъ, дѣйствительно, близокъ къ той редакціи Постникова номоканона, которая въ печатномъ изданіи Морина озаглавлена: «Ἰωάννου μοναχοῦ, μαθητοῦ τοῦ μεγάλου Βασιλείου». Morinus, op. cit. p. 633 sq... Будь этотъ переводъ не описанъ только, а переданъ вполнѣ, параллельно съ греческимъ текстомъ, наука церковнаго права, вѣроятно, получила бы въ немъ драгоцѣнныя данныя для рѣшенія вопроса о первоначальной или, по крайней мѣрѣ, одной изъ древнѣйшихъ редакцій Постникова номоканона.

къ правиламъ трульскаго собора, то въ этомъ позволительно видѣть свидѣтельство о существованіи въ средѣ тогдашняго греческаго духовенства такого же взгляда, какой мы высказали выше, именно — что между правилами названнаго собора и покаяннымъ номоканономъ съ именемъ Іоанна Постника существуетъ тѣсная внутренняя связь, наглядно выступающая въ послѣднемъ (102-мъ) соборномъ правилѣ. Номоканонъ является какъ бы обширнымъ комментаріемъ на это правило. Для того, чтобы покаянный номоканонъ успѣлъ вступить въ указанную связь съ правилами трульскаго собора, которыя сами по себѣ составляютъ цѣлый канонический кодексъ, и пріобрѣсти тотъ общепризнанный въ греческой церкви авторитетъ, о которомъ говоритъ св. Евѳимій, требовалось конечно не мало времени: книга, переведенная теперь на грузинскій языкъ, могла быть даже старше трульскаго собора.

Кромѣ грузинскаго перевода, мы имѣемъ и другой, болѣе древній переводъ той же книги — славянскій. Старшій списокъ этого перевода, какъ извѣстно, находится въ той же самой Румянцовской Кормчей, по которой проф. Суворовъ издалъ „Заповѣдь св. Отецъ“ и которая вообще обилуетъ памятниками славянской письменности глубочайшей древности. Въ Россіи славянскіе списки Постникова номоканона, какъ видно изъ знаменитыхъ „Въпрошаній“ Кирика, извѣстны были уже въ первой половинѣ XII вѣка. Но самый переводъ несомнѣнно сдѣланъ гораздо раньше и, по всей вѣроятности, въ Болгаріи. Въ его языкѣ встрѣчается не мало словъ, свойственныхъ только первоначальнымъ славянскимъ переводамъ съ греческаго, напримѣръ: **меньшица** (παλλακή), **оскоубленіе** (μαλακία) [1]), **напротъ** (ναρθηξ), **ѣзвлагъ** (ἔμτρωμα), **огрѣховеніе** (ἀποχή), **уетуаа**, т. е. жена (ἡ τοῦ ἀναγνώστου), **ѡшибатиса** (ἐκκόπτειν), **присьство** (ἰδιωσύνη = свойство), **простына** (συγγνώμη) и др. Все это даетъ намъ право относить настоящій (были и другіе, позднѣйшіе) славянскій переводъ Постникова номоканона ко временамъ, не далекимъ

---

[1]) Тоже самое слово въ началѣ номоканона, въ вопросахъ духовника исповѣдающемуся, переводится **ѧзѧ**: „**ѧзѣ ли ради**“ (ἤ διὰ μαλακίας)?

отъ эпохи обращенія Болгаръ въ христіанство. Есть основаніе думать, что номоканонъ Постника, если не въ переводѣ, то въ подлинникѣ послужилъ однимъ изъ источниковъ для составленія извѣстной болгарской юридической компиляціи—„Закона суднаго людемъ“, о которомъ у насъ будетъ подробная рѣчь дальше. Такую мысль мы высказали еще въ 1872-мъ году во введеніи въ „Номоканонъ при Большомъ Требникѣ“. Здѣсь мы замѣтили: „Еще первый христіанскій князь Болгаріи Борисъ-Михаилъ, вступивъ въ союзъ съ Римскою церковію, просилъ папу Николая I прислать ему списокъ покаянныхъ правилъ (judicium poenitentiae). Вскорѣ потомъ, обратившись опять къ Константинополю, Борисъ, по всей вѣроятности, и отсюда потребовалъ такой же книги. По крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ „Законѣ судномъ“—древнѣйшемъ опытѣ приложенія греко-римскихъ законовъ къ быту новообращеннаго въ христіанство славянскаго народа – содержатся уже правила о церковныхъ епитиміяхъ, основанныя, очевидно, на Постниковомъ номоканонѣ“ (см. въ особенности гл. 7) [1]). Проф. Суворовъ говоритъ теперь, что съ этимъ замѣчаніемъ „нельзя согласиться“, такъ какъ „церковное покаяніе“ или „постъ“, назначенный по Закону судному, имѣетъ видъ публичнаго и долгосрочнаго покаянія, а не тайнаго (предъ духовникомъ) и краткосрочнаго, каковое имѣютъ въ виду восточные номоканоны съ именемъ Іоанна Постника“ (стр. 128, прим. 195 въ концѣ). Тутъ допущено маленькое смѣшеніе двухъ вещей, имѣющихъ большое различіе: исповѣди и покаянія. Исповѣдь—всегда тайная; но покаяніе, т. е. епитимія, наложенная духовникомъ за грѣхъ, открытый на исповѣди, исполняется покаяльникомъ не тайно (предъ духовникомъ), а болѣе или менѣе въявь: поститься въ дни, для другихъ непостные, раздавать милостыню, ежедневно класть дома и въ церкви опредѣленное число земныхъ поклоновъ (метаній), не приступать, вмѣстѣ съ другими, въ церковныхъ собраніяхъ къ принятію св. даровъ—все это развѣ можетъ остаться тайною? При томъ же епитимія могла быть назначена по номоканону Постника не только духовникомъ за

[1]) Стр. 24, примѣч. 3.

тайные грѣхи, но и церковнымъ судомъ за *явныя* преступленія: въ такомъ случаѣ она, конечно, становилась уже публичною и, какъ такая, выполнялась епитимійцемъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ духовника, обязаннаго потомъ свидѣтельствовать предъ архіереемъ какъ о выполненіи епитиміи, такъ и о нравственномъ исправленіи виновнаго. Въ номоканонѣ Постника, дѣйствительно, находятся и такія правила, которыя прямо относятся къ публичному покаянію. Таково, напр., правило предписывающее епитимійцамъ оставаться въ церкви за литургіею только до молитвъ объ оглашенныхъ, а потомъ выходить изъ общаго собранія и стоять въ церковномъ притворѣ [1]). Это—вопервыхъ. А потомъ мы спросили бы нашего почтеннаго критика: почему онъ не обратилъ вниманія на ту статью „Закона суднаго“, въ которой, по нашему указанію, церковная епитимія назначена по номоканону Постника, именно—на статью 7-ю, составляющую впрочемъ одно цѣлое съ слѣдующею за нею 8-ю? Статьи эти гласятъ: **„Иже коупетроу свою поиметь женѣ себѣ, по законоу людьскомоу носъ има обѣма оурѣзаютъ, и разлоучити и. А по цр҃кьномоу законоу, разлоучити и, и въ постъ на є҃ лѣтъ да даѥтаса... Въ тоуже казнь да виидеть иже свою дъщерь поиметь ѡ̃ сто кр҃щениа и иже с моужатою обрѣтаѥтса“**. Напрасно бы мы стали искать такого „церковнаго закона“ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, кромѣ номоканона Постника [2]).

Благодаря славянскому переводу Постникова номоканона, мы получаемъ возможность составить себѣ точное представленіе о томъ, какую редакцію имѣлъ греческій подлинникъ въ эпоху появленія этого перевода, т. е. приблизительно во второй половинѣ IX вѣка. Въ началѣ переводъ не сходится ни съ одною изъ трехъ редакцій греческаго текста,

---

1) *Morinus*, op. cit. p. 623: Περὶ μὲν τῆς λειτουργίας ἐξέρχεσθαι τοῦ ναοῦ καὶ στήκειν εἰς τὸν νάρθηκα.

2) *Morinus*, op. cit. p. 620—621: Ὅπου δέ ἐστι... ἀπὸ τῶν ὑφηλῶν αἱμομιξιῶν, ἤτοι περὶ γνησίας ἀδελφῆς... ἢ συντέκνου... ἔτη ιβ', Ἐὰν δὲ τύχῃ θυγατρὸς ἢς ἐδέξαντο... ἔτη ιε'. „Законъ судный“ отступаетъ отъ номоканона только въ томъ, что за оба вида кровосмѣшенія назначаетъ одинаковую епитимію (15 лѣтъ).

напечатанныхъ у Морина [1]); потомъ начинаетъ слѣдовать тексту первой редакціи, изданному подъ заглавіемъ: Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ ἐξομολογουμένων, συνταγεῖσα ὑπὸ τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Νηστευτοῦ, но дѣлаетъ тутъ значительные пропуски въ началѣ и срединѣ (между прочимъ, опускаетъ всю литургическую часть текста, за исключеніемъ разрѣшительной молитвы); затѣмъ передаетъ большую часть текста третьей редакціи, озаглавленной у Морина: Ἰωάννου μοναχοῦ καὶ διακόνου, μαθητοῦ τοῦ μεγάλου Βασιλείου (см. Румянц. сп. л. 87 об.), и оканчивается согласно съ текстомъ первой редакціи, т. е. тою же самою молитвою, которая и тамъ стоитъ въ самомъ концѣ [2]). Само собою понятно, что фактъ появленія Постникова номоканона въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ для новообращенныхъ Болгаръ, служитъ новымъ доказательствомъ обширнаго и уже давно установившагося употребленія этой книги въ практикѣ самой греческой церкви. Такъ мало по малу мы и приближаемся къ той эпохѣ, когда жилъ іерархъ, имя котораго носитъ на себѣ этотъ замѣчательнѣйшій памятникъ восточнаго церковнаго права. Однако отсюда далеко еще до возможности признать этотъ памятникъ, — по крайней мѣрѣ въ тѣхъ его редакціяхъ, съ которыми мы имѣли до сихъ поръ дѣло,— за подлинное произведеніе патріарха Іоанна Постника († 596). Въ этихъ редакціяхъ попадаются такія черты, которыя никакъ не могли произойти отъ руки названнаго патріарха, напримѣръ—цитата изъ Іоанна Лѣствичника († 606) и упоминаніе о монахахъ и монахиняхъ *великой* и *малой* схимы (μεγαλόσχημοι, μικρόσχημοι). Кромѣ этихъ анахронизмовъ, бьетъ въ глаза и та несообразность, что одно и тоже сочиненіе, хотя и въ двухъ разныхъ редакціяхъ, надписывается то именемъ „Іоанна

---

[1]) Греческій текстъ, соотвѣтствующій (хотя не вполнѣ) началу славянскаго перевода, можно читать у Питры въ Spicilegium Solesmense, t. IV, p. 437, подъ рубрикой: Ex alia ejusdem Canonarii editione.

[2]) Составъ Постникова номоканона по Румянц. Кормчей указанъ у Суворова частію не точно (см. стр. 128, прим. 195), частію ошибочно. Онъ говоритъ, напримѣръ, что здѣсь имѣется только одна молитва (указанная на стр. 174, примѣч. 279); на самомъ же дѣлѣ ихъ три: одна, которую мы указали въ текстѣ, и еще одна (третья)—таже самая, какая издана у Гейтлера на стр. 138 (**Бѣ сѵ́е нашъ давын отъпоущенне грѣховъ**), но—въ *другомъ* переводѣ.

Постника, патріарха Константинопольскаго", то именемъ какого-то „Іоанна, монаха и діакона, ученика Василія Великаго",—несообразность, которая уже въ XI вѣкѣ заставила Никона Черногорца высказать сильное сомнѣніе въ подлинности такъ называемаго Постникова номоканона [1]). Но, что касается анахронизмовъ, то мы уже выше имѣли случай указать на общеизвѣстный фактъ, что въ памятникахъ, подобныхъ номоканону Постника, интерполяціи и другія перемѣны первоначальнаго текста составляютъ обычное и, можно сказать, исторически-необходимое явленіе. Нѣтъ причины сильно смущаться и указаннымъ различіемъ имени (точнѣе, званія) автора въ надписаніяхъ номоканона, и въ особенности—нѣтъ нужды различать, на этомъ основаніи, патріарха Іоанна Постника отъ Іоанна монаха и діакона, какъ дѣлаетъ Моринъ. По остроумному и вполнѣ вѣроятному объясненію Ассемани, это различіе могло произойти такъ: Постникъ составилъ свое руководство для духовниковъ еще въ то время, когда онъ былъ діакономъ (до поставленія въ патріархи, онъ, дѣйствительно былъ діакономъ Великой церкви); затѣмъ, сдѣлавшись патріархомъ, онъ вновь пересмотрѣлъ свой трудъ и издалъ его уже въ видѣ литургическаго „чинопослѣдованія надъ исповѣдающимися" (Ἀκολουθία καὶ ταξις ἐπὶ ἐξομολογουμένων) и краткаго кодекса епитимійныхъ правилъ, что̀, конечно, болѣе соотвѣтствовало новому іерархическому положенію автора. Но и прежняя, діаконская, редакція книги не была изъята изъ употребленія; только позднѣйшіе писцы, какъ бы на память потомству о тожествѣ автора съ патріархомъ Іоанномъ Постникомъ, стали выставлять этотъ новый титулъ и надъ текстомъ прежней редакціи [2]). Отъ себя прибавимъ, что названіе автора „ученикомъ Василія Великаго" могло быть употреблено, безъ нарушенія исторической истины, въ переносномъ смыслѣ: какъ монахъ, Постникъ и въ діаконскомъ и въ патріаршемъ санѣ жилъ, конечно, по уставу Василія Великаго; а какъ составитель покаяннаго номоканона, въ ко-

[1]) См. Номоканонъ при Бол. Требникѣ, стр. 21.

[2]) *Assemani*, Bibliotheca juris orientalis canonici et civilis, lib. III, p. 532—535.

торомъ значительно смягчены прежнія каноническія наказанія за грѣхи, онъ прямо и нѣсколько разъ указывалъ на Василія Великаго, какъ на своего *учителя* въ этомъ дѣлѣ (ταύτης δὲ τῆς συγχρίσεως τὴν βοήθειαν δέδωκεν ἡμῖν ὁ μέγας Βασίλειος).

Для болѣе твердаго рѣшенія вопроса о подлинности Постникова номоканона или, по крайней мѣрѣ, объ эпохѣ его происхожденія отъ чьей бы то ни было руки, необходимо было бы сравнить *все* его содержаніе, по старшимъ и лучшимъ спискамъ, съ сочиненіями греческихъ церковныхъ писателей VI—VIII столѣтій. Но для этого мы не имѣемъ ни времени, ни средствъ, ни даже—сколько нибудь уважительнаго повода (въ настоящемъ случаѣ). И тѣ данныя, какія мы привели выше, довольно рѣшительно говорятъ въ пользу сравнительной древности и совершенной независимости этого памятника отъ вліянія латинскихъ пенитенціаловъ. Что касается, въ частности, до того мѣста въ номоканонѣ Постника, въ которомъ проф. Суворовъ усмотрѣлъ „слѣдъ“ этого вліянія, то по справкѣ съ подлинникомъ оказывается, что оно читается не совсѣмъ такъ, какъ излагаетъ его почтенный авторъ—для вящшаго, конечно, соглашенія съ латинскимя пенитенціалами [1]). Да если бы и оказалось тутъ полное согласіе восточнаго пенитенціала съ западными, то мы, оглянувшись назадъ, имѣли бы право сказать: вотъ и еще заимствованіе съ востока, unde lux для запада, особенно въ тѣ времена, когда онъ былъ занятъ составленіемъ своихъ пенитенціаловъ.

И сія убо доздѣ. А общій выводъ изъ всѣхъ „сихъ“ кратко можетъ быть изложенъ такъ: ни „Заповѣдь св. Отецъ“, ни тѣмъ менѣе „чинъ надъ исповѣдающимся“, находящійся въ Синайскомъ глаголическомъ Евхологіонѣ, не могутъ быть

---

[1]) Вотъ подлинныя слова номоканона: κατὰ γὰρ ἰσχὺν καὶ προαίρεσιν τοῦ δεχομένου τὰ ἐπιτίμια δίδονται, καὶ οὐ κατὰ ἀναλογίαν τῶν ἡμαρτημένων αὐτῷ· ἐνδέχεται γὰρ τὸν μὲν ὀλίγα ἁμαρτάνοντα πρόθυμον ὄντα μέγα λαβεῖν ἐπιτίμιον, ἵνα μὴ μόνον ἄφεσιν ἁμαρτιῶν, ἀλλὰ καὶ στέφανον κομίσηται (Morinus op. cit. p. 620). Тутъ рѣчь идетъ не о надбавочной епитиміи, добровольно принимаемой на себя кающимся, по выполненіи той, которая назначена была духовникомъ (какъ толкуетъ проф. Суворовъ), а о первоначальной епитиміи, опредѣляемой духовникомъ непосредственно послѣ исповѣди, по соглашенію съ самимъ исповѣдающимся.

производимы изъ латинскаго источника. Если же первая оказывается весьма близкою къ одному западному пенитенціалу, то отсюда слѣдуетъ только, что для той и другого нужно искать одного общаго *греческаго* источника. То обстоятельство, что даже въ печатныхъ (неполныхъ и неудовлетворительныхъ) изданіяхъ греческихъ епитимейниковъ нашлись нѣкоторые отрывки этого источника, внушаетъ намъ надежду, что поиски въ рукописяхъ по библіотекамъ запада и востока могли бы увѣнчаться открытіемъ и *полнаго* греческаго оригинала славянской „Заповѣди св. Отецъ".

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію другихъ памятниковъ древне-славянскаго и русскаго церковнаго права, въ которыхъ проф. Суворовъ находитъ болѣе или менѣе явственные слѣды западнаго церковнаго вліянія. Скажемъ напередъ: и здѣсь намъ предстоятъ нерѣдкія встрѣчи съ только-что оставленною нами „Заповѣдію св. Отецъ", такъ какъ въ каждомъ славянскомъ или русскомъ памятникѣ, содержащемъ въ себѣ какіе нибудь отрывки изъ этой заповѣди, проф. Суворовъ указываетъ „несомнѣнные" слѣды вліянія западнаго, католическаго церковнаго права (см. наприм. стр. 156). Но само собою понятно, что послѣ всего сказаннаго нами о *дѣйствительныхъ,* т. е. греческихъ, а не латинскихъ источникахъ заповѣди, намъ нѣтъ уже никакой надобности останавливаться на такихъ указаніяхъ автора. Мы считаемъ себя обязанными съ полнымъ вниманіемъ относиться только къ тѣмъ доводамъ почтеннаго профессора, въ которыхъ содержатся указанія на какіе либо *новые* проводники католическаго вліянія въ памятники древне-славянскаго и русскаго церковнаго права, съ которыми онъ имѣетъ дѣло въ остальныхъ частяхъ своего изслѣдованія. Самые многочисленные и разнообразные слѣды католическаго вліянія авторъ находитъ въ извѣстномъ „Законѣ судномъ людемъ", составляющемъ 46-ю главу печатной Кормчей книги.

II.

Давно доказано, что Законъ судный людемъ есть югославянская (именно болгарская) компиляція, составленная изъ разныхъ источниковъ византійскаго права, преимущественно—изъ Эклоги императоровъ Льва Исаврянина и Константина Копронима (ок. 740 г.) [1]). Еще болѣе давно установлено различіе между двумя редакціями этого памятника: краткою и обширною. Та и другая, по наблюденіямъ проф. Суворова, испытала на себѣ неодинаковое вліяніе со стороны католическаго запада. Но вопросу о мѣрѣ, путяхъ и слѣдахъ этого вліянія, вопросу совершенно новому, авторъ предпосылаетъ не менѣе новое разрѣшеніе и стараго вопроса—о происхожденіи и взаимномъ отношеніи двухъ указанныхъ редакцій Закона суднаго.

По этому послѣднему вопросу, слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, мы высказали такую догадку: „Текстъ обширной редакціи, насколько онъ имѣетъ своимъ источникомъ Эклогу, отличается отъ текста краткой, точнѣе сказать, недополненной редакціи *большею близостію къ греческому подлиннику*. Именно здѣсь нѣтъ примѣровъ назначенія церковныхъ наказаній наряду съ уголовными или взамѣнъ этихъ послѣднихъ, *хотя и встрѣчаются другія отступленія отъ подлиннаго текста Эклоги*. Это обстоятельство невольно заставляетъ предполагать, что текстъ обширной редакціи Закона суднаго, представляющій извлеченія изъ Эклоги, *древнѣе* соотвѣтственнаго текста краткой редакціи. Во всякомъ случаѣ первый *независимъ отъ послѣдняго*. Это видно уже изъ того, что въ немъ находятся такія статьи изъ Эклоги, которыхъ нѣтъ въ текстѣ печатной Кормчей (и—прибавимъ теперь—въ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ списки той же, т. е. краткой редакціи). Такимъ образомъ необходимо допустить, что подъ именемъ Закона суднаго людемъ или Судебника царя Константина существовали двѣ славянскія компиляціи изъ Эклоги, изъ коихъ одна (краткая) назна-

1) Въ первый разъ это сдѣлано въ книжкѣ, вышедшей въ 1859 г. въ Казани подъ заглавіемъ: „Первоначальный славяно-русскій номоканонъ“, стр. 94—97.

чена была преимущественно для судей духовныхъ, другая (обширная)—для судей гражданскихъ. Отсюда объясняются указанныя особенности обѣихъ редакцій, а равно и то обстоятельство, почему списки первой редакціи получили мѣсто *въ Кормчихъ*, а списки послѣдней—въ другихъ юридическихъ сборникахъ, въ которыхъ эта статья соединялась съ источниками нашего туземнаго права, въ особенности—съ Русскою Правдой“ [1]). Эту краткую и общую замѣтку проф. Суворовъ подвергаетъ теперь обширной и детальной критикѣ, которая, навѣрное, была бы и короче и основательнѣе, если бы авторъ не придавалъ нашимъ словамъ смысла, болѣе рѣшительнаго, чѣмъ какой имѣютъ они на самомъ дѣлѣ, и не закрывалъ глазъ на такіе наши доводы, которые имѣли для насъ рѣшающее значеніе. Онъ находитъ, напримѣръ, что „текстъ обширной редакціи Закона суднаго на самомъ дѣлѣ не отличается большею близостію къ греческому подлиннику, сравнительно съ текстомъ краткой редакціи“, и что объ этой близости „не свидѣтельствуетъ отсутствіе церковнаго покаянія въ спискахъ обширной редакціи“. Почему же не свидѣтельствуетъ?—„*Мы видѣли это*“, отвѣчаетъ авторъ (стр. 136). Но никто другой не увидитъ ничего подобнаго на предыдущихъ страницахъ сочиненія проф. Суворова. Допустимъ, что тутъ былъ lapsus calami et memoriae. Но нельзя допустить возможности доказать недоказуемое. Въ самомъ дѣлѣ, если одна славянская компиляція изъ уголовныхъ законовъ византійской Эклоги, подобно своему источнику, говоритъ только объ уголовныхъ наказаніяхъ за преступленія, а другая прибавляетъ къ этимъ наказаніямъ еще отдачу преступника подъ церковную епитимію: то можетъ ли быть какая рѣчь о томъ, которая изъ этихъ компиляцій стоитъ ближе къ своему подлиннику? Правда, проф. Суворовъ, какъ бы „въ дополненіе къ выше сказанному“, замѣчаетъ далѣе, что составитель обширной редакціи Закона суднаго „большой любитель тѣлеснаго наказанія, гораздо въ большей степени, чѣмъ сама Эклога, которая часто опредѣляетъ: τυπτέσθω“ (послявянски „**да тепетьсѧ**“). Но

[1]) Первоначальный славяно-русскій номоканонъ, стр. 98—99.

это — не возраженіе противъ насъ, а скорѣе прямое и, конечно, невольное подтвержденіе нашего *общаго* замѣчанія, что въ текстѣ обширной редакціи хотя и „нѣтъ примѣровъ назначенія церковныхъ наказаній наряду съ уголовными или въ замѣнъ этихъ послѣднихъ“ (что видимъ въ краткой редакціи), за то встрѣчаются *другія* отступленія отъ подлиннаго текста Эклоги“, отступленія — прибавимъ теперь, — состоящія не только въ указанномъ проф. Суворовымъ дополнительномъ наказаніи: „да тепеться“, но и въ перемѣнѣ смысла первой, т. назыв. диспозитивной (описательной) части нѣкоторыхъ статей византійской Эклоги [1]). Но и при этихъ отступленіяхъ, обширная редакція Закона суднаго, въ противоположность краткой, все-таки удерживаетъ общій характеръ законовъ Эклоги, какъ *чисто уголовныхъ*. — Не соглашается съ нами почтенный профессоръ и по вопросу о хронологическомъ и матеріальномъ отношеніи между текстами обширной и краткой редакціи Закона суднаго. „Распространенный Законъ судный, пишетъ онъ, не можетъ быть разсматриваемъ, какъ первичная формація, потому что въ этомъ распространенномъ видѣ Законъ судный *людемъ* пересталъ быть закономъ *для мірянъ* только, такъ какъ въ немъ содержится уже нѣсколько статей относительно клерикальной и монашеской дисциплины“ (стр. 134). Другими словами: если допустить старшинство обширной редакціи предъ краткою, то между надписаніемъ: „Законъ судный людемъ“ и самымъ содержаніемъ этого закона окажется важное несогласіе. Что же? Въ первоначальномъ опытѣ законодательной (точнѣе кодификаторской) работы у народа полуварварскаго это было бы явленіемъ нисколько неудивительнымъ. Но на самомъ дѣлѣ указанное несогласіе есть только видимое. Законъ судный ни въ краткой, ни въ обширной редакціи не былъ закономъ для мірянъ *только*, а общимъ закономъ и для мірянъ и для духовныхъ, *какъ скоро тѣ или другіе дѣлались виновными въ предусмотрѣнныхъ въ немъ преступ-*

---

[1]) Напримѣръ статья о половой связи съ замужнею кумою, матерью крестника или крестницы (тит. XVII, гл. 26), измѣнена въ статью о прелюбодѣяніи *вообще* (Русс. Достоп. II, 151: „о женѣ“).

мніяхъ. Краткая редакція, какъ выше замѣчено, знаетъ два вида наказаній за *нѣкоторыя* изъ этихъ преступленій: наказанія уголовныя—*по закону людскому* и наказанія каноническія—*по закону Божію* или *церковному;* а редакція обширная за *всѣ* преступленія опредѣляетъ одно только уголовное наказаніе. Вотъ почему мы и сказали, что первая назначена была *преимущественно* для судей духовныхъ,—когда дѣло шло о назначеніи мірянину за то или другое преступленіе церковнаго покаянія, вмѣсто наказанія уголовнаго, а послѣдняя —*преимущественно* для судей свѣтскихъ,—*преимущественно, а не исключительно* — потому, что могли быть и дѣйствительно предусмотрѣны *въ этой редакціи* случаи совершенія общихъ (уголовныхъ) преступленій и духовными лицами, которыя *во всякомъ случаѣ* подлежали суду только церковному. О такихъ-то именно преступленіяхъ духовныхъ лицъ и говорятъ тѣ статьи обширной редакціи, которыя проф. Суворовъ относитъ къ правиламъ „клерикальной и монашеской дисциплины“ [1]). Статьи эти, ко-

---

[1]) Именно статьи, надписанныя: 1) о попѣ и епископѣ („Аще имутъ попа или епископа съ чюжею женою“); 2) о черноризцѣ („Аще имутъ черноризца съ черницею блудъ дѣюща“); 3) о попѣ бѣгунѣ („Аще попъ бѣжитъ отъ своего епископа ко иному епископу“) Русс. Достоп. ч. II, стр. 181, 183, 178. Послѣдняя статья, *по нашимъ понятіямъ*, дѣйствительно относится къ правиламъ „клерикальной дисциплины“; но въ эпоху составленія Закона суднаго попа бѣгуна, очевидно, приравнивали къ служилому „людину, убѣгавшему отъ своего князя къ иному князю“, почему и статьи о томъ и другомъ бѣгунѣ поставлены въ законѣ рядомъ. Впрочемъ мы допускаемъ, что обѣ статьи могли быть прибавлены къ первоначальному тексту Закона суднаго уже у насъ въ Россіи, гдѣ обширная редакція этого памятника несомнѣнно находилась въ большомъ употребленіи, преимущественно—въ качествѣ руководства для судей гражданскихъ, т. е. свѣтскихъ, каковыми были и архіерейскіе десятильники—органы особенной судебной власти епископа по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ между „людьми церковными“. Такое значеніе въ древней Руси обширной редакціи Закона суднаго доказывается уже тѣмъ, что списки ея обыкновенно соединялись со списками Русской Правды, и притомъ такъ, что изъ текста обоихъ памятниковъ составлялось какъ бы *одно цѣлое*. Такихъ списковъ сохранилось не мало—гораздо болѣе, чѣмъ сколько насчитываетъ проф. Суворовъ въ доказательство ихъ незначительной распространенности, сравнительно со списками краткой редакціи (стр. 158). Ему остались неизвѣстными: 1) спа-

нечно, нисколько не измѣняютъ общаго характера Закона суднаго, какъ закона *для мірянъ*, ибо духовныя лица, совершая чисто уголовныя преступленія, становятся такими же приступниками предъ „закономъ людскимъ“, какъ и міряне, хотя, въ отличіе отъ этихъ послѣднихъ, они и въ такихъ случаяхъ отдаются Закономъ суднымъ для суда и наказанія своему духовному начальству [1]).—Гораздо солиднѣе слѣдующее возраженіе проф. Суворова: „Позднѣйшее появленіе обширной редакціи еще яснѣе доказывается нѣкоторыми изъ статей, въ которыхъ по краткой редакціи назначается отдача въ постъ. Всматриваясь въ эти статьи, не можемъ не замѣтить, что редакторъ распространеннаго Закона суднаго хотя и ничего не говоритъ объ отдачѣ въ постъ на то или другое время, но изложилъ эти статьи, имѣя подъ руками не византійскую Эклогу, а краткую редакцію Закона суднаго. Византійская Эклога..... не считаетъ нужнымъ оговариваться, что то или другое изъ опредѣляемыхъ ею наказаній назначается *по закону свѣтскому*..... Въ обширной же редакціи Закона суднаго уцѣлѣло упоминаніе о *законѣ людскомъ*,—ясный знакъ того, что редакторъ имѣлъ дѣло съ краткимъ спискомъ Закона суднаго и, преслѣдуя свою цѣль, опускалъ въ своей компиляціи отдачу въ постъ по церковному закону..... Въ одномъ случаѣ компиляторъ распространеннаго Закона суднаго даже, такъ сказать, промахнулся: урѣзывая статьи краткой редакціи, остановился не тутъ, гдѣ бы слѣдовало, и упомянулъ о Божіемъ законѣ, чего не долженъ былъ бы дѣлать, хотя и тутъ

сокъ, приводимый издателемъ Софійскаго Временника въ варіантахъ къ напечатанному здѣсь тексту Закона суднаго; 2) списокъ (XV в.), изданный въ 1888 г. въ Новгородской лѣтописи по харатейному списку (стр. 476—483); 3 и 4) два списка, указанные Калачовымъ въ изслѣдованіи о Русс. Правдѣ (стр. 70: списки Погодинскій и Троицкій); 5) списокъ Одесскій, о которомъ упоминаетъ тотъ же Калачовъ (стр. 69) и 6) списокъ Ундольскаго въ сборникѣ № 820. Вѣроятно, найдутся и другіе.

1) По статьямъ, указаннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи, епископъ, попъ и діаконъ, виновные въ прелюбодѣяніи, подвергаются лишенію сана; попъ, убѣгающій отъ своего епископа—запрещенію священнодѣйствія („да не поетъ“); блудящіе монахъ и монахиня — пожизненному заключенію въ монастырской тюрьмѣ на цѣпяхъ.

впрочемъ до отдачи въ постъ не дошелъ“ (стр. 134 – 136) [1]). Ясно, что въ этомъ возраженіи исключительно приняты во вниманіе только тѣ статьи изъ Эклоги, которыя *общи обѣимъ* редакціямъ Закона суднаго, но совершенно оставлены въ сторонѣ тѣ, на которыхъ мы основывали свою мысль о независимости обширной редакціи отъ краткой, именно статьи, составляющія исключительную принадлежность одной только обширной редакціи. Конечно, мы выразили бы эту мысль точнѣе и правильнѣе, если бы сказали, что обширная редакція Закона суднаго, насколько она матеріально совпадаетъ съ краткою, можетъ быть безусловно признана независимою отъ этой послѣдней только въ томъ отношеніи, что знаетъ нѣсколько лишнихъ статей изъ византійской Эклоги—общаго источника обѣихъ редакцій. Съ другой стороны, и проф. Суворовъ, взявъ во вниманіе эти лишнія статьи, отличающія обширную редакцію отъ краткой, долженъ былъ бы изложить общій результатъ своихъ наблюденій надъ текстами той и другой редакціи съ необходимымъ ограниченіемъ, именно сказать: обширная редакція *не вполнѣ* зависима отъ краткой. Но можно ли и этотъ результатъ признать за окончательный? Одно несомнѣнно, что обѣ редакціи представляютъ общія имъ статьи изъ Эклоги *въ одномъ и томъ же славянскомъ переводѣ*. Но этотъ переводъ дошелъ до насъ не въ болгарскихъ, а въ русскихъ спискахъ, восходящихъ притомъ не далѣе конца XIII и XIV вѣка. Уже самые старшіе изъ этихъ списковъ носятъ на себѣ глубокіе слѣды порчи первоначальнаго текста, отчасти указанные самимъ проф. Суворовымъ (стр. 34, прим. 65).

---

1) Авторъ имѣетъ въ виду (и прямо приводитъ) слѣдующую статью Закона суднаго: а) въ краткой редакціи: **Имѣй женꙋ свою и приимѣшайся рабѣ, иклающеѥ́ся кєꙁꙋнницѣ, сію достоитъ отъ кнаꙁь ꙁємли тои да ко иноꙋю ꙁємлю продадатъ ю̀, а цѣноу єѧ дати инѣмъ. Того же блꙋдящаго по ꙁакоиу Божію достоинъ ѿтдатисѧ Божіимъ рабомъ, и предати ѝ въ постъ** и т. д.; б) въ обширной редакціи: **Имѣѧ женꙋ свою, а блꙋда съ робою, да ся тепѣтъ мꙋжь тоѝ** и т. д. **а цѣна та дати ꙋбогымъ. Тоже блꙋдящаго по Божію ꙁакоиу достоитъ, да ѿдастьса Божіимъ рабомъ.**

Порча состояла не только въ искаженіи отдѣльныхъ словъ, но и въ произвольныхъ, почти всегда неумѣлыхъ сочетаніяхъ разнообразныхъ чтеній, представляемыхъ прежними изводами и списками памятника. Такъ могъ произойти и тотъ старшій (русскій) списокъ обширной редакціи Закона суднаго (изданный во 2-й части Русс. Достопамятностей), въ которомъ проф. Суворовъ находитъ неопровержимыя, на его взглядъ, доказательства полной зависимости этой редакціи отъ краткой. Писецъ и вмѣстѣ редакторъ этого списка могъ имѣть передъ глазами списки обѣихъ редакцій,—и сработалъ изъ нихъ нѣчто свое, во многихъ отношеніяхъ непохожее ни на тотъ, ни на другой изъ его оригиналовъ. Изъ списка краткой редакціи онъ могъ позаимствоваться выраженіями: „по закону Божію", „по закону людскому", на которыя такъ сильно напираетъ проф. Суворовъ [1]). Но придавать этимъ выраженіямъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о сравнительномъ старшинствѣ той или другой редакціи Закона суднаго уже потому невозможно, что и въ текстѣ краткой редакціи находятся такія мѣста, которыя прямо указываютъ на его зависимость отъ текста обширной редакціи. Въ доказательство приведемъ по старшимъ спискамъ той и другой редакціи слѣдующія статьи, съ которыми не разъ имѣлъ дѣло и проф. Суворовъ:

Синод. № 132, л. 338 об.	Русс. Достоп. II, 150.
й. Иже коупетроу свою поиметь женѣ себѣ, по законоу людьскомоу носъ имъ обѣма оурѣзаютъ, и разлоучити и; а по цр҃кьномоу законоу разлоучити и, и въ постъ є҃ лѣтъ да даетася и пр.	**Иже поимѣши кумѵ свою женѣ, по законоу людьскому носа обѣима оурѣзати, и разлоучити и.**
ѳ҃ Въ тоуже казнь да внидетъ, иже свою дъщерь поиметь ѡ҃ ст҃го кр҃щенїа, и	**Иже дщерь свою поиметь ѡ҃ ст҃го кр҃щенїа, судъ тотъ же по людьскому законоу, якоже и кумомъ, якоже прѣже рѣхомъ, такоже и казнь.**

[1]) Примѣръ подобнаго обращенія позднѣйшихъ писцовъ съ текстами

Иже с моужатою ѡбрѣтаѥтьсѧ (конецъ 9-й статьи).	**Иже с моужатою женою ѡбрѣтаѥтьсѧ, носа ѡкѣнма оурѣзати, и да тепетаса; аще ли самъ мужъ застоупить и, да побьіѥтъ и ѡба, и ако иса оурѣсти** (читай: **оуверзъсти**) [1].

Ясно, что послѣднія слова второй статьи по списку краткой редакціи („**и иже с моужатою ѡбрѣтаѥтьсѧ**“) были когда-то начальными словами дальнѣйшей, особой статьи, извѣстной теперь только по спискамъ обширной редакціи, но давно уже исчезнувшей изъ текста краткой, вслѣдствіе чисто-механическаго и потому безсмысленнаго сцѣпленія съ предыдущею статьею. Итакъ, если мы имѣемъ хотя одинъ примѣръ, наглядно доказывающій оригинальность обширной редакціи Закона суднаго, сравнительно съ соотвѣтственнымъ текстомъ краткой редакціи, то установлять противоположное отношеніе между ними,— и такъ рѣшительно, какъ это дѣлаетъ проф. Суворовъ,—по меньшей мѣрѣ преждевременно. Для окончательнаго рѣшенія этого вопроса нужно было бы критически возстановить первоначальный текстъ обѣихъ редакцій занимающаго насъ памятника, для чего едва ли найдутся теперь достаточныя средства. Но мы не лишены средствъ для рѣшенія другой, болѣе скромной задачи—показать *безотносительную* и глубокую древность, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ статей обширной редакціи, отличающихъ ее отъ краткой. Сюда, по нашему мнѣнію, относятся:

обѣихъ редакцій Закона суднаго указываетъ и самъ проф. Суворовъ, стр. 56—57.

[1]) Мы согласны съ проф. Суворовымъ въ томъ, что эта статья, говорящая о прелюбодѣяніи вообще, есть передѣлка 26-й главы XVII титула Эклоги, гдѣ опредѣляется наказаніе за квалифицированное прелюбодѣяніе — съ замужнею *кумою*. (См. у Суворова стр. 133, прим. 201 и стр. 36, прим. 67). Но трудно допустить, чтобы авторъ обширной редакціи Закона суднаго могъ составить эту статью изъ словъ краткой редакціи того же Закона: **иже с моужатою ѡбрѣтаѥтьсѧ.**

1. Четыре статьи изъ византійской Эклоги, неизвѣстныя спискамъ краткой редакціи Закона суднаго, именно 1) вышеприведенная статья о прелюбодѣяніи вообще (Экл. тит. XVII, гл. 26; Русс. Достоп. II, 150), 2) о нанесеніи побоевъ священнику (Экл. тит. готъже, гл. 4; Русс. Дост. 182), 3) о казни разбойника (Экл. тит. тотъ же, гл. 50; Р. Д. 183) и 4) о наказаніи лжедоносчика (Экл. гл. 51; Р. Д. 184: „о клеветѣ“). Уже самый фактъ нахожденія этихъ статей въ текстѣ обширной редакціи Закона суднаго показываетъ, что онѣ внесены сюда еще въ то время, когда Эклога впервые сдѣлалась извѣстною въ Болгаріи и стала употребляться здѣсь, какъ главный источникъ для первыхъ писанныхъ законовъ. Нужно еще замѣтить, что переводъ указанныхъ статей Закона суднаго, взятыхъ изъ Эклоги, совершенно отличенъ отъ перевода тѣхъ же статей въ полномъ славянскомъ текстѣ Эклоги, составляющемъ 49-ю главу печатной Кормчей, и это отличіе можетъ быть объясняемо только такъ, что послѣдній переводъ (тоже болгарскій и весьма древній) въ эпоху происхожденія Закона суднаго былъ еще неизвѣстенъ [1]).

2. Статья „о враждѣ“, изложенная въ такихъ выраженіяхъ: „**Аще кто вражду створить, Монсѣй поручи: да идѣть рука за руку, и нога за ногу, глава за главу; аще ли са искупить, то ѿ земла ѿженѣться**“ [2]). *Вражда* почти у всѣхъ славянскихъ народовъ значитъ: убійство, а также—частная кровавая месть за него и выкупная плата виновнаго тѣмъ, кто имѣлъ право этой мести (отсюда въ древне-славянскихъ памятникахъ выраженіе: *платити вражду*) [3]). Законъ, ка-

[1]) Въ доказательство полнаго различія того и другого перевода приведемъ здѣсь вторую изъ указанныхъ въ текстѣ статей: а) по Закону судному: **Иже бьѣть попа рукою, да са оусѣкаѣть рука; аще ли** (т. е. если же виновный имѣетъ средства откупиться отъ этого наказанія), **да дасть ѥи златиця;**“ б) по 49-й главѣ печатной Кормчей: „**Иже учистители или къ церкви или по крестѣхъ** (въ подлинникѣ: ἐν λιτῇ — въ крестномъ ходу) **идущыя бити научѣть, биенъ и заточенъ будетъ**“. Первый текстъ, очевидно, есть полная передѣлка подлинника, буквально переданнаго во второмъ.

[2]) Рус. Достоп. II, 181.

[3]) Примѣры см. у Миклошича въ изслѣдованіи: Blutrache bei den Slaven, 5. 15. 27.

раюшій преступленіе убійства, содержится конечно и въ византійской Эклогѣ (тит. XVII, гл. 45); но если составитель обширной редакціи Закона суднаго предпочелъ, въ настоящемъ случаѣ, воспользоваться другимъ источникомъ— закономъ Моисея, допускавшимъ частную кровавую месть за убійство (Исх. XXI, 24; Лев. XXIV, 19—21; Числъ XXXV, 19): то въ этомъ позволительно видѣть доказательство происхожденія статьи „о враждѣ“ еще въ такую эпоху, когда и у болгаръ существовалъ въ полной силѣ обычай такой же мести съ возможностію для виновнаго откупиться отъ нея денежною пенею. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ „вражда“ упоминается еще въ одномъ болгарскомъ памятникѣ XIII-го вѣка, именно въ грамотѣ тамошняго царя Константина Асѣня (1259 — 1278) [1]). Такимъ образомъ компиляторъ обширной редакціи Закона суднаго, обращая свой національный обычай въ писаный законъ, по очень понятному побужденію, счелъ нужнымъ прямо сослаться на источникъ этого закона, вполнѣ согласный съ народнымъ обычаемъ и, въ добавокъ, болѣе авторитетный, чѣмъ византійская Эклога. Въ виду указанныхъ фактовъ, длинная полемика проф. Суворова противъ такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ Губе и В. Г. Васильевскій (стр. 139—142), которые относятъ статью „о враждѣ“ къ первоначальному составу славянскаго Закона суднаго, представляется намъ дѣломъ совсѣмъ напраснымъ.

3. Слѣдующая прибавка къ 1-й статьѣ Закона суднаго: „**Ѥсако село, аще ѥму господинъ погыбнѣть, а не будѣть на-**

---

[1]) Миклошичъ въ цит. сочин. стр. 31 приводитъ слѣдующее мѣсто изъ этой грамоты „**Краждꙋ, разбой и конскꙋ краждꙋ, да сѧ вꙑзима црькви на своихъ сѧ людѣхъ, и тыа краждѧ да сѧ не ꙑзимаютъ на селѣхъ, развѣ на ѥдиныхъ**“ (т. е. на самихъ только виновныхъ, отвѣтчикахъ), **нъ и то сꙋдомъ**“. Ср. туже грамоту въ изданіи Срезневскаго, который читалъ ее нѣсколько иначе (Свѣд. и замѣт. о малоизв. и неизв. памятникахъ въ Прил. къ XXXIV т, Зап. Имп. Акад. Наукъ № 4, стр. 20).—Миклошичъ въ цитованномъ изслѣдованіи приводитъ еще слова изъ одной болгарской сказки, по смыслу которыхъ убійца платитъ сыну убитаго столько золота, сколько вѣситъ голова убитаго отца (стр. 32).

слѣдника рода іего, да бы тажалъ, да дастьса церкви Божіи. Аще кто ѿ людій тажеть іѣ по насилью, да са тепеть предъ старѣшіною“. Правило, предоставляющее церкви право на всѣ выморочныя недвижимыя имущества, могло появиться у болгаръ (какъ появлялось и у другихъ народовъ) только во времена, самыя близкія къ эпохѣ обращенія ихъ въ христіанство, когда новая религія охватываетъ своею силою всю духовную жизнь новообращеннаго народа и надолго кладетъ свою печать на все его міросозерцаніе и на всѣ житейскія отношенія. Какъ законодатель, такъ и частный человѣкъ могли высказать такое воззрѣніе въ видѣ обязательной нормы только тогда, когда оно раздѣлялось всѣми. Нужно впрочемъ замѣтить, что и по византійскимъ законамъ, именно по новеллѣ императора Константина Порфиророднаго (945—959 г.), третья часть имущества лица, умершаго безъ завѣщанія и безъ прямыхъ наслѣдниковъ (дѣтей), поступала въ собственность церкви [1]).

4. Правило, по которому свидѣтельство „попа“ принимается за свидѣтельство 12-ти мужей [2]). Проф. Суворовъ находитъ, что это правило есть не болѣе, какъ „выраженіе личнаго взгляда и личной тенденціи“ составителя обширной редакціи Закона суднаго, а не „юридическая норма, *когда либо и гдѣ либо* имѣвшая свое дѣйствіе“ (стр. 145). Почему же такъ? Потому, вѣроятно, что почтенный авторъ придаетъ настоящей статьѣ славянскаго закона уже слиш-

---

[1]) Zachariae, Jus graeco-romanum, pars III, p. 276 — 279. Повидимому, этотъ законъ повліялъ на славянскую редакцію другого, старшаго византійскаго закона, составляющаго 6-ю главу VI титула Эклоги Льва Исавранина и Константина Копронима (ок. 740 г.). Слова Эклоги: τῷ δημοσίῳ εἰσκομίζεσθαι, употребленныя сначала о половинѣ выморочнаго имущества, а потомъ о всей массѣ его, паша *печатная* Кормчая передаетъ въ первомъ случаѣ: **„апостольска церковь и нищіи да пріимутъ“**; во второмъ: **„или апостольска церковь, или царьское сокровище, или людскій сонмъ да пріиметъ“** (Кормч. гл. 49, зач. 7, гл. 2 въ концѣ). Но старшіе списки славянскаго перевода Эклоги остаются еще вѣрными подлиннику, именно переводятъ τὸ δημόσιον — „**людьскии**“. Мѣрило Праведное Троицкой лавры XIV в. № 15, л. 180 об.

[2]) Русс. Достоп. II, 182: „Попъ бываетъ (въ послушествѣ) за 12 мужа“.

комъ широкій и безусловный смыслъ, именно понимаетъ ее такъ: свидѣтельство попа *во всякомъ случаѣ* равносильно свидѣтельству 12-ти мужей (мірянъ). Но статья допускаетъ полную возможность и такого пониманія: въ тѣхъ случаяхъ, когда по существу дѣла или по особеннымъ обстоятельствамъ его, свидѣтелемъ на судѣ является одинъ только попъ, его показаніе признается столь же достовѣрнымъ, какъ и показаніе 12 свидѣтелей въ случаяхъ обыкновенныхъ, т. е. такихъ, для которыхъ число это установлено, какъ общее правило. Взятая въ этомъ ограниченномъ смыслѣ, статья стараго болгарскаго (и вмѣстѣ русскаго) закона не представляетъ собою ничего невѣроятнаго или невозможнаго, а служитъ только доказательствомъ глубокой древности изложенной въ ней юридической нормы. Въ самомъ дѣлѣ, если и теперь, по дѣйствующему у насъ праву, простое, т. е. безъ присяги данное показаніе священника на судѣ равняется присяжному показанію мірянина: то въ древности, у народа новообращеннаго въ христіанство, „послушество поповское“, дѣйствительно, могло имѣть такое же рѣшающее значеніе, какъ и послушество 12-ти мужей, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда другихъ свидѣтелей не было, или когда по самому существу дѣла для его судебнаго рѣшенія требовалась не столько правда формальная, представляемая согласнымъ показаніемъ 12-ти свидѣтелей, сколько матеріальная, вѣщателемъ которой во всякомъ случаѣ признавался священникъ.

5. Статья „о патріаршей части“, которая читается такъ: **„О уставленіи патріархомъ правильнѣй вести: яко не достоитъ имъ въсхыщати области, иному достойнѣ на священіе и строеніе, но и съсхыщенныя по обидѣ вратити“** [1]). Какъ извѣстно, статья эта есть переводъ оглавленія перваго титула каноническаго сборника Іоанна Схоластика [2]). Значитъ, она взята

---

[1]) Текстъ этой статьи во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ и печатныхъ изданіяхъ Закона суднаго сильно испорченъ.

[2]) Вотъ греческій подлинникъ этого оглавленія: Περὶ τῆς ὁρισθείσης τοῖς πατριάρχαις ἐκ τῶν κανόνων τιμῆς, καὶ τοῦ μὴ ἐξεῖναί τινι αὐτῶν ὑφαρπάζειν ἐπαρχίαν ἑτέρῳ προσήκουσαν ἐπὶ χειροτονίᾳ καὶ διοικήσεσιν, ἀλλα καὶ τὰς ὑφαρπαγείσας ἤδη τοῖς ἀδικηθεῖσιν ἀνταποδίδοσθαι.

еще изъ первоначальнаго славянскаго номоканона, каковымъ несомнѣнно былъ переводъ названнаго сборника, находившійся въ древне-болгарской церкви въ преимущественномъ, если не исключительномъ, употребленіи [1]). Внесеніе этой статьи въ текстъ Закона суднаго всего проще и естественнѣе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что уже второй христіанскій государь Болгаріи, знаменитый царь Симеонъ объявилъ свою церковь автокефальною, т. е. независимою отъ Константинопольскаго патріаршаго престола, при чемъ и болгарскій архіепископъ принялъ на себя титулъ *патріарха* [2]). Нужно было канонически оправдать новый порядокъ церковныхъ дѣлъ въ Болгаріи, противъ котораго, конечно, протестовали изъ Византіи, и это оправданіе, найденное на первой страницѣ каноническаго кодекса самой же греческой церкви, внести въ первый писанный законъ Болгаріи, взятый тоже у грековъ. Правда, статья „о чести патріаршей“ во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ обширной редакціи Закона суднаго смотритъ какою-то неумѣстною вставкою [3]); но не нужно забывать, что систематическое изложеніе законовъ было вообще не по силамъ доброму старому времени и что, съ другой стороны, позднѣйшіе списки такихъ памятниковъ, каковъ Законъ судный, не могутъ служить достовѣрнымъ свидѣтельствомъ о первоначальномъ ихъ видѣ.

Можно было бы привести изъ обширной редакціи Закона суднаго и еще нѣсколько статей, носящихъ на себѣ печать такой же древности; но въ настоящемъ случаѣ достаточно ограничиться однимъ общимъ указаніемъ на тотъ фактъ, что

---

[1]) Доказательства изначальнаго и преимущественнаго употребленія въ древней Болгаріи номоканона Схоластика находятся въ составѣ старшаго (Румянцовскаго) списка этого номоканона, въ которомъ, кромѣ Закона суднаго (въ краткой редакціи), помѣщено нѣсколько статей несомнѣнно болгарскаго происхожденія, напримѣръ, отрывки изъ слова Козмы пресвитера противъ Богомиловъ и др.

[2]) См. у Голубинскаго въ „Исторіи правосл. церквей болгарской, сербской и румынской“, стр. 37.

[3]) Она поставлена между статьей „**о мцати**“ (сложествѣ) и статьей: **иже скарятся два мужа**“ (объ отвѣтственности за раны и увѣчья).

обширная редакція названнаго памятника, наряду съ *краткою*, служила источниковъ для составленія разныхъ юго-славянскихъ епитимейниковъ, дошедшихъ до насъ въ спискахъ XIII—XV вв.[1]). Отсюда по меньшей мѣрѣ слѣдуетъ, что въ указанную эпоху списки обширной редакціи были столько же общеизвѣстны и употребительны въ средѣ юго-славянскихъ книжниковъ, какъ и списки краткой редакціи. А сдѣлаться таковыми они могли только благодаря болѣе или менѣе давнему происхожденію ихъ общаго оригинала.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, мы остаемся въ сущности при прежнемъ нашемъ мнѣніи (правда, тогда не достаточно мотивированномъ), т. е. признаемъ обѣ редакціи Закона суднаго одинаково древними и обѣ — болгарскими. По тѣмъ же соображеніямъ, мы не находимъ причины, почему бы обширную редакцію Закона суднаго слѣдовало отдѣлять отъ краткой, какъ нѣчто далекое отъ нея по времени и мѣсту своего происхожденія, и трактовать о каждой въ особыхъ главахъ, какъ это дѣлаетъ въ своей книгѣ проф. Суворовъ [2]).

Теперь пора уже перейти къ главному вопросу, занимающему нашего почтеннаго канониста — къ вопросу о вліяніи католическаго церковнаго права на обѣ редакціи Закона суднаго. Вопросъ поставленъ такъ: „Авторъ настоящаго

---

[1]) Такъ въ извѣстномъ уже номоканонѣ Григоровича, наряду съ 4 и 14-ю статьями изъ краткой редакціи Закона, находятся четыре статьи изъ обширной, изложенныя въ такомъ видѣ: 1) „**Аще кесь родъ оумреть и мѣсто останеть, нива и лоза, да есть црькви**“ (ср. выше, стр. 59 пун. 3); 2) „**Аще отьць неравно имать дѣти, и̑ единомоу дасть много, а другому мало гнѣва ради, да се раздѣлит равно**“ — (ср. Русск. Достоп. II, 177). 3) „**Аще кто реуеть христианиму еретиже, разсоуждение есть томоу быти трьдо и зимюсати**“ — (ср. тамъ же, стр 181); 4) „**Аще ратаи не дожреть крѣмени своего или пастырь, да есть лихъ цены**“ (ср. тамъ же). См. Ягича Opisi i izvodi, стр. 194—195.

[2]) О краткой редакціи авторъ говоритъ въ первой главѣ своего изслѣдованія, объ обширной — въ третьей, а между ними поставилъ уже извѣстную намъ „Заповѣдь св. Отецъ“.

изслѣдованія долженъ откровенно сознаться, что сопоставленіе отдѣльныхъ частей въ славянскомъ Законѣ судномъ съ одной стороны съ византійскими, а съ другой — съ западно-католически источниками, давно уже наводило его на мысль, что 1) передѣлка, которая замѣчается въ краткой редакціи Закона суднаго, сравнительно съ подлинною византійской Эклогой, состоялась подъ вліяніемъ западно-католическимъ, или, по крайней мѣрѣ, благодаря лицу, достаточно знакомому съ западнымъ церковнымъ правомъ, и 2) что нѣкоторыя статьи обширной редакціи Закона суднаго, не имѣя для себя *никакихъ* (!) образцовъ въ византійскомъ законодательствѣ и представляя напротивъ сходство съ памятниками католическаго церковнаго права, явились какъ заимствованія изъ этихъ послѣднихъ“ (стр. 6—7).

Итакъ западное церковное вліяніе на краткую редакцію Закона суднаго сказалось прежде всего въ томъ, чѣмъ эта редакція всего больше отличается отъ своего византійскаго источника,—въ назначеніи за нѣкоторыя преступленія, наряду съ уголовнымъ наказаніемъ, церковнаго покаянія. „Всматриваясь пристально въ передѣланную редакцію статей византійской Эклоги“, авторъ замѣчаетъ слѣдующія черты этой передѣлки, „на которыхъ можно прослѣдить вліяніе западно-католическаго церковнаго права:

1. „Церковное покаяніе въ Законѣ судномъ назначается, какъ *публичное* покаяніе, съ прохожденіемъ по степенямъ, т. е. въ духѣ древне-церковной дисциплины III и IV вв. А извѣстно, что на востокѣ эта древняя дисциплина ослабѣла уже къ V-му столѣтію, между тѣмъ какъ на западѣ, гдѣ католической церкви пришлось играть весьма дѣятельную роль въ воспитаніи и дисциплинированіи варварскихъ народовъ, публичное покаяніе до X (?) столѣтія практиковалось въ обширнѣйшихъ размѣрахъ“ (стр. 9). Правда, нашъ канонистъ не забываетъ, что „и въ восточной практикѣ, современной распространенію христіанства въ Болгаріи, не совсѣмъ забыто было публичное церковное покаяніе“, и въ доказательство такой практики ссылается на опредѣленія Константинопольскаго собора 869 года, который присудилъ лжесвидѣтелей, давшихъ на предыдущемъ соборѣ (861 г.)

ложныя показанія подъ присягой противъ патріарха Игнатія, къ семилѣтнему публичному покаянію, съ прохожденіемъ его по установленнымъ въ канонахъ степенямъ". Но „не надобно забывать, спѣшитъ оговориться авторъ, что соборъ 869 года хотя и состоялъ изъ представителей восточной церкви, но дѣйствовалъ подъ вліяніемъ и руководствомъ папскихъ легатовъ, которые и побудили восточную іерархію „*вспомнить* и примѣнить въ настоящемъ случаѣ древнее церковное право, перевести его *изъ области историческихъ воспоминаній, сдѣлавшихся теоріей,* въ практику" (стр. 10—11). Много мы могли бы привести свидѣтельствъ изъ памятниковъ восточнаго церковнаго права IX — XIV вв., обличающихъ неправильность изложенныхъ заявленій нашего почтеннаго коллеги. Но въ настоящемъ случаѣ ограничимся указаніемъ только на тѣ факты, которые находимъ въ другихъ сочиненіяхъ автора настоящихъ „Слѣдовъ западнокатолическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права". Въ своей магистерской диссертаціи „о церковныхъ наказаніяхъ", писанной еще тогда, когда авторъ, по всей вѣроятности, и не мечталъ о предстоящей ему чести сдѣлать открытіе этихъ „слѣдовъ", онъ приводилъ изъ актовъ Константинопольскаго патріархата XIV вѣка два примѣра преданія публичному покаянію, одинъ разъ — за клятвопреступленіе, другой—за волшебство. „Послѣдній документъ, скажемъ собственными словами автора, важенъ, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что стояніе внѣ церкви и испрошеніе прощенія у входящихъ и исходящихъ представляется въ XIV вѣкѣ *дѣломъ обычнымъ*" (ὡς ἔθος) [1]. Если такъ было на востокѣ даже въ XIV вѣкѣ, то совершенно невѣроятно, чтобы греческая іерархія, присутствовавшая на соборѣ 869 г., смотрѣла на публичныя покаянія, какъ на дѣло давно минувшихъ дней, перешедшее изъ области практики „въ сферу историческихъ воспоминаній", которыя въ свою очередь „сдѣлались теоріей". Напротивъ, въ восточной церкви всегда дѣйствовало и до нашихъ дней остается въ силѣ правило, что за открытое преступленіе

[1] Стр. 76, прим. 2.

противъ церковныхъ законовъ виновный подвергается *публичному* покаянію. Разъ увлекшись предвзятою мыслію, авторъ не только забываетъ, что̀ самъ писалъ прежде, но и не замѣчаетъ, что приводимые имъ въ подтвержденіе этой мысли аргументы съ одинаковою силою могутъ быть обращены и противъ него. Въ самомъ дѣлѣ, если на западѣ „публичное покаяніе до X вѣка практиковалось въ обширнѣйшихъ размѣрахъ“ по той причинѣ, что „католической церкви пришлось играть весьма дѣятельную роль въ воспитаніи и дисциплинированіи варварскихъ народовъ“, то таже самая задача во второй половинѣ IX вѣка (о предыдущихъ временахъ была рѣчь выше) выпала на долю и восточной церкви по отношенію къ варварскому же народу—болгарамъ, для которыхъ и составлена была компиляція, извѣстная подъ именемъ Закона суднаго. Нужно впрочемъ оговориться, что въ публичныхъ покаяніяхъ Закона суднаго авторъ видитъ только „нѣкоторое, не совсѣмъ рѣшительное доказательство западнаго вліянія“ на эту компиляцію.

„Болѣе значенія“ придаетъ онъ—2) „тому обстоятельству, что Законъ судный, присуждая къ посту на многое число лѣтъ, втеченіе всего этого количества или извѣстной части его, назначаетъ питаться хлѣбомъ и водой“ (стр. 12). Но мы уже имѣли случай оцѣнить безотносительное значеніе этого довода въ предыдущей главѣ, посвященной вопросу о подлинникѣ „Заповѣди св. отецъ“.

3. „Характерно—аргументируетъ далѣе проф. Суворовъ—опредѣленіе терминовъ, или сроковъ и границъ для религіознаго общенія лицъ, отбывающихъ покаяніе, съ вѣрующими, находящимися въ обладаніи полною церковною правоспособностію. Въ Законѣ судномъ говорится, что подвергнутый въ видѣ наказанія церковному покаянію сначала стоитъ внѣ церкви, потомъ входитъ въ церковь до евангелія, затѣмъ—до „Вѣрую во единаго Бога“ и наконецъ допускается къ стоянію вмѣстѣ съ вѣрными. Что кающіеся допускались къ присутствію при богослуженіи съ извѣстною постепенностію,—это было руководящимъ правиломъ и для западной и для восточной церковной практики за все время примѣненія церковію публичнаго покаянія“ (стр. 14)..... „Но чтобы

кающіеся допускаемы были къ стоянію за литургіей до чтенія или пѣнія символа вѣры, этого, вѣроятно, никто и никогда не найдетъ ни въ одномъ восточномъ памятникѣ“ (стр. 15). Правда, вслѣдъ затѣмъ самъ авторъ прибавляетъ, что „такой оригинальный терминъ *не* встрѣчается и въ памятникахъ западнаго церковнаго права“; но это обстоятельство все-таки не мѣшаетъ ему видѣть тутъ слѣдъ западнаго вліянія. „Западная литургія, гororитъ онъ, отличается отъ восточной между прочимъ тѣмъ, что херувимская пѣснь, неизвѣстная въ первые вѣка и въ восточномъ церковномъ употребленіи, на западѣ осталась неизвѣстною навсегда. Кромѣ того, рѣзкое разграниченіе между литургіею оглашенныхъ и литургіею вѣрныхъ, которое въ восточномъ церковномъ богослуженіи дѣлалось молитвой объ оглашенныхъ и приглашеніемъ со стороны діакона оглашеннымъ выйти изъ церкви, такъ чтобы за богослуженіемъ оставались лишь „елицы вѣрніи“, въ западной литургіи не удержалось. Вслѣдъ за прочтеніемъ евангелія, въ католической литургіи священникъ произноситъ: Credo in unum Deum, послѣ чего символъ вѣры поется хоромъ, а потомъ прямо начинается важнѣйшее литургическое дѣйствіе словами: Sursum corda (горѣ имѣимъ сердца). Если бы неизвѣстный редакторъ Закона суднаго зналъ одну лишь восточную литургію, то трудно было бы объяснить, какимъ образомъ онъ представлялъ себѣ возможнымъ присутствіе кающихся во время пѣнія херувимской пѣсни, послѣ напоминанія со стороны священника или діакона о томъ, что въ храмѣ должны остаться одни вѣрные“ (стр. 16). Вся сила этого аргумента заключается въ предположеніи, что въ IX вѣкѣ западная и восточная литургіи имѣли тотъ самый видъ, какой имѣютъ онѣ въ настоящее время. Но извѣстно, что дѣло было далеко не такъ. Восточная литургія получила свой нынѣшній видъ только въ XIV вѣкѣ (при патріархѣ Филоѳеѣ) [1]), а западная—послѣ Тридентскаго собора [2]). Каковъ былъ составъ

---

[1]) См. *Невоструевъ*, Опис. ркп. синод. библ. отд. 3 ч. 1 предисл. стр. V — VI.

[2]) См. *Hergenröther*, Handbüch d. Kirchengeschichte, 3 Bd., 3 Aufl. s. 262.

и порядокъ той и другой въ эпоху обращенія болгаръ въ христіанство, — это вопросъ спеціалистовъ по литургикѣ. Для насъ достаточно замѣтить только, что въ восточной церкви херувимская пѣснь и символъ вѣры введены въ составъ литургіи въ VI столѣтіи, и что первоначальный порядокъ ихъ былъ едва ли не противоположный нынѣшнему, т. е. херувимская пѣснь *слѣдовала* за символомъ. По крайней мѣрѣ изъ дѣяній Константинопольскаго собора 536 года видно, что во время этого собора символъ вѣры читался за литургіею „*послѣ евангелія и по заключеніи дверей церковныхъ*, т. е. по выходѣ оглашенныхъ и кающихся, или *въ самомъ началѣ* литургіи вѣрныхъ [1]). На этотъ именно моментъ и указываютъ слова Закона суднаго: „до Вѣрую во единаго Бога“. Тотъ же срокъ стоянія епитимійцевъ въ церкви за литургіею указанъ и въ покаянномъ номоканонѣ Постника: ἕως τῶν κατηχουμένων, т. е. до выхода оглашенныхъ изъ церкви, или до прочтенія молитвъ объ нихъ (по 19-му правилу лаодикійскаго собора, кающіеся, какъ уже *крещенные*, выходили изъ церкви *послѣ* оглашенныхъ).

4) Если не болѣе сильнымъ, то болѣе искуснымъ представляется дальнѣйшій аргументъ проф. Суворова: „византійскому праву, говоритъ онъ, чуждо *намѣренное и сознательное* различеніе и противоположеніе закона свѣтскаго и закона церковнаго.... Между тѣмъ, обращаясь къ западному церковному праву, одновременному или близкому по времени къ составленію Закона суднаго, мы находимъ, что различеніе и противоположеніе (въ принципѣ) законовъ церковнаго и гражданскаго, подъ названіями—съ одной стороны: lex ecclesiastica, lex divina, lex canonica, съ другой: lex vulgaris, lex humana, lex mundana, равно какъ совмѣстное примѣненіе свѣтскаго и церковнаго наказанія (въ практикѣ), было весьма обычнымъ явленіемъ въ законодательствѣ свѣтскомъ и церковномъ“ (стр. 19). Тоже самое, какъ извѣстно, составляетъ особенность и всѣхъ тѣхъ статей Закона суднаго, въ которыхъ наряду съ уголовнымъ наказаніемъ на-

[1]) *Филаретъ*, архіеп. черниг., Историч. обзоръ пѣснописцевъ и пѣснопѣвцевъ греческой церкви, изд. 2, стр. 171; ср. стр. 205–206.

значается церковное покаяніе. Ergo — всѣ эти статьи образовались „подъ вліяніемъ не восточнаго, а западнаго церковнаго права“ (стр. 22). Подтвержденіе этого вывода проф. Суворовъ находитъ въ извѣстныхъ отвѣтахъ папы Николая I на вопросы новообращенныхъ болгаръ. Болгары дѣйствительно просили папу прислать имъ какъ сборникъ правилъ о церковныхъ покаяніяхъ, такъ и сборникъ свѣтскихъ законовъ, и папа препроводилъ имъ то и другое, рекомендуя пользоваться этими книгами подъ руководствомъ своихъ легатовъ (стр. 23). Мы уже знаемъ отъ проф. Суворова, что первый сборникъ былъ не иное что, какъ латинскій такъ называемый Мерзебургскій пенитенціалъ, мнимый подлинникъ славянской „Заповѣди св. отецъ“; а теперь узнаемъ, что и давно извѣстный *греческій* источникъ Закона суднаго—Эклога иконоборцевъ Льва Исаврянина и Константина Копронима—получена была болгарами тоже отъ папы, а не изъ Константинополя, вообще — не отъ грековъ. Послѣдняя догадка оправдывается разными соображеніями, изъ коихъ серіознаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія два: 1) „въ IX и X столѣтіяхъ Эклога пользовалась распространенностію и извѣстностію въ Италіи“; 2) въ Эклогѣ „можно найти *почти всѣ* тѣ преступленія, по поводу которыхъ папа въ своихъ отвѣтахъ (19, 24, 26, 28, 31 и 52-мъ) говоритъ болгарамъ, что они должны развернуть книгу римскихъ законовъ и по этимъ законамъ поступать“ (стр. 24 — 25, примѣч. 38). Итакъ, благодаря остроумнымъ сближеніямъ автора, мы присутствуемъ, такъ сказать, при самомъ процессѣ образованія Закона суднаго: предъ нами на лицо весь или *почти весь* матеріалъ, изъ котораго составилась эта славяно-греко-латинская компиляція; мы можемъ назвать по именамъ всѣхъ или почти всѣхъ участниковъ этого дѣла; можемъ почти съ математическою точностію опредѣлить эпоху появленія не только Закона суднаго, но и Заповѣди св. отецъ: это—тѣ „три-четыре года“ (866—870), когда латинское духовенство господствовало въ Болгаріи и когда, по увѣренію проф. Суворова, „западные церковные порядки могли уже пустить корни въ болгарскую почву, такъ что не могли исчезнуть безслѣдно и по прекращеніи сноше-

ній съ Римомъ“ (стр. 17). Но не будемъ увлекаться „живыми“ историческими картинами, какія показываетъ намъ талантливый авторъ въ далекой перспективѣ давно-минувшихъ вѣковъ, при эффектномъ освѣщеніи съ запада, откуда дѣйствительно падаетъ большой свѣтъ на эпоху обращенія Болгаръ въ христіанство. Попытаемся освѣтить туже эпоху съ противоположной стороны, и прежде всего спросимъ почтеннаго автора: откуда онъ почерпнулъ убѣжденіе, что на востокѣ вовсе не было обычно различеніе и противоположеніе закона свѣтскаго и закона церковнаго? Чтобы не ходить далеко за нужными справками по этому вопросу, остановимся на тѣхъ самыхъ фактахъ, которые только-что показалъ намъ проф. Суворовъ. Новокрещенные болгары просятъ папу прислать имъ не только книгу свѣтскихъ (уголовныхъ) законовъ, по которымъ у старшихъ христіанскихъ народовъ судятся и караются преступники разнаго рода, но и книгу церковныхъ правилъ о покаяніяхъ, какъ средствахъ *нравственнаго* исправленія преступниковъ. Откуда они, вчера еще язычники, научились различать и противуполагать тѣ и другіе законы съ сознаніемъ одинаковой ихъ необходимости для своего перевоспитанія въ народъ цивилизованный и христіанскій? Безъ сомнѣнія — отъ своихъ крестителей-грековъ, къ которымъ они, надобно думать, уже при самомъ крещеніи своемъ обращались съ тою же самою просьбою относительно свѣтскихъ и церковныхъ законовъ, какую повторили потомъ предъ папою Николаемъ I. Прямое указаніе на это находимъ въ посланіи патріарха Фотія къ новокрещенному болгарскому князю Борису-Михаилу. Здѣсь, между прочимъ, содержится слѣдующее наставленіе: „Совершеннѣйшіе изъ законовъ (т. е. грекоримскіе) чти и принимай, и, взирая въ нихъ, напрявляй свою жизнь; однакожъ не по ихъ постановленіямъ налагай на своихъ подданныхъ наказанія—тяжкія и неумолимыя, но исправляй (преступниковъ) посредствомъ законовъ *болѣе человѣколюбивыхъ*“ (т. е. церковныхъ) [1]). Слова эти *съ необ-*

---

[1]) Νόμων τοὺς ἀκριβεστάτους ἐπαίνει καὶ ἀποδέχου, καὶ πρὸς ἐκείνους βλέπων τὸν σεαυτοῦ ῥύθμιζε βίον, μὴ μέντοι κατὰ τὰς ἐκείνων ψήφους τὸ

ходимостію заставляетъ предполагать, что вмѣстѣ съ патріаршимъ посланіемъ къ болгарскому князю отправлены были и самыя книги законовъ, о которыхъ упомянулъ здѣсь Фотій: ибо въ какіе другіе законы могъ „взирать“ Борисъ-Михаилъ, по наставленію патріарха, когда у болгаръ не было еще никакихъ (писаныхъ) законовъ не только церковныхъ, но и свѣтскихъ? При помощи уже извѣстнаго намъ Румянцовскаго списка первоначальнаго славянскаго и по преимуществу болгарскаго номоканона, мы можемъ съ рѣдкою для подобныхъ случаевъ точностію опредѣлить, какія именно книги свѣтскихъ и церковныхъ законовъ могли быть посланы теперь изъ Константинополя въ Болгарію. Въ упомянутомъ славянскомъ номоканонѣ находятся: 1) „Законъ судный людемъ“, составленный какъ-разъ по программѣ патріарха Фотія, ибо здѣсь содержатся: а) извлеченія изъ уголовныхъ законовъ Эклоги (дѣйствительно, весьма суровыхъ) и б) параллельныя извлеченія изъ церковныхъ правилъ, замѣняющія во многихъ случаяхъ уголовное наказаніе церковнымъ покаяніемъ; 2) покаянный номоканонъ Іоанна Постника, судьба котораго въ славянскихъ церквахъ намъ уже извѣстна, и 3) не менѣе извѣстная „Заповѣдь св. отецъ“. Само собою понятно, что всѣ эти законныя книги и, вѣроятно, нѣкоторыя другія статьи, входящія въ составъ Румянцовскаго номоканона, могли появиться на славянскомъ языкѣ не въ первый годъ по крещеніи Болгаріи и не въ слѣдующіе три-четыре года, когда тамъ господствовало латинское духовенство, а значительно позднѣе, когда между болгарами успѣла уже болѣе или менѣе распространиться грамотность,— по всей вѣроятности, во времена болгарскаго царя-„книголюбца“ Симеона. Догадка проф. Суворова, что греческій источникъ „Закона суднаго“—Эклога иконоборцевъ получена была болгарами не изъ Византіи, а изъ Рима, болѣе остроумна, чѣмъ основательна. Мы не отрицаемъ того факта, что Эклога „пользовалась распространенностію и извѣстностію въ Италіи“, но—въ какихъ частяхъ Италіи?—На са-

---

ὑπήκοον ἀπαραιτήτους εἰσπράττον τὰς τιμωρίας, ἀλλὰ διὰ τῶν φιλανθρωποτέρων μᾶλλον παιδαγώγει. Epist. Photii, ed. Balletta, p. 232, cap. 42.

момъ югѣ, въ Калабріи и Сициліи, которыя составляли тогда „тему“ (военный округъ) византійской имперіи и въ которыхъ господствующее населеніе было греческое. Государственная (и вмѣстѣ церковная) территорія города Рима далеко не доходила до границъ этихъ провинцій; она отдѣлялась отъ нихъ разными мелкими независимыми республиками и княжествами средней Италіи. Внѣ указанныхъ греческихъ провинцій, и въ особенности въ Римѣ, Эклога была совершенно неизвѣстна; да если бы и была извѣстна, то папа Николай I никакъ не рѣшился бы послать въ новообращенную Болгарію этотъ памятникъ законодательной дѣятельности „нечестивыхъ“ и въ особенности въ Римѣ ненавистныхъ иконоборцевъ. И странно было бы со стороны папы—послать болгарскому князю, только что разорвавшему свой союзъ съ Византіей, византійскую же законную книгу, и тѣмъ самымъ какъ бы выразить сознаніе, что и римская церковь въ своей цивилизаторской дѣятельности относительно Болгаріи не можетъ обойтись безъ помощи грековъ. Но всего рѣшительнѣе говоритъ противъ догадки проф. Суворова неправильность его показанія, будто въ Эклогѣ „можно найти *почти всѣ* тѣ преступленія, по поводу которыхъ папа въ своихъ отвѣтахъ говоритъ болгарамъ, что они должны развернуть книгу римскихъ законовъ и по этимъ законамъ поступать“. Преувеличенность этого показанія замѣтилъ и самъ авторъ. Въ дополнительныхъ поправкахъ къ своей книгѣ онъ долженъ былъ оговориться, что римскій законъ о скопцахъ указанъ папою (въ 52-мъ отвѣтѣ) по какому либо сборнику Юстиніановыхъ новеллъ (а не по Эклогѣ, въ которой такого закона нѣтъ). Прибавимъ къ этому, что и другіе законы, упомянутые въ папскихъ отвѣтахъ на вопросы болгаръ о различныхъ видахъ убійства (отв. 24, 26 и 27), не могутъ быть сопоставляемы съ 1-ю главою XVII-го титула Эклоги, какъ это дѣлаетъ проф. Суворовъ: папа въ своихъ отвѣтахъ говоритъ о томъ, что всѣ вообще убійцы могутъ избѣжать уголовнаго наказанія, назначеннаго имъ по законамъ, если воспользуются правомъ прибѣжища къ церкви (jus asyli), а Эклога въ указанномъ мѣстѣ опредѣляетъ *наказаніе нарушителямъ этого права*, которое, какъ

извѣстно, предоставлялось греко-римскими законами не однимъ убійцамъ, но и другимъ преступникамъ, и не преступникамъ только, но и всѣмъ, кто искалъ безопасности подъ охраною церковной святыни (рабамъ, убѣгавшимъ отъ жестокости господъ, лицамъ, избѣгавшимъ отъ незаконнаго порабощенія или отъ разъяренной толпы и т. под.). Но и тутъ еще не конецъ всѣмъ недочетамъ въ законахъ византійской Эклоги, сравнительно съ книгою „досточтимыхъ римскихъ законовъ“, посланною Николаемъ I въ Болгарію: въ этой книгѣ, по указанію папы, болгары могли найти законы о бѣглецахъ изъ отечества (cap. 20: quod *leges* decernunt), о рабахъ, убѣгающихъ отъ господъ (cap. 21: *legum scita* non transcendantur in eo), о солдатахъ-дезертирахъ или не слушающихъ команды во время войны (cap. 22 и 23: *legum* temperetur severitas), о стражѣ, пропускающей бѣглыхъ за границу (et de hoc *in legibus* est requirendum) и, наконецъ, о ложныхъ обвинителяхъ (cap. 84: de hoc venerandae leges *abunde* quod justum est innuant [1]).

---

[1]) Вопросъ о томъ, какой именно сборникъ римскихъ гражданскихъ законовъ посланъ былъ папою Николаемъ I новообращеннымъ болгарамъ, по нашему мнѣнію, не имѣетъ особенной важности для исторіи болгарскаго и тѣмъ менѣе русскаго права. Господство латинскаго духовенства въ Болгаріи было такъ непродолжительно, что, по справедливому замѣчанію проф. Богишича, оно не могло оставить тамъ сколько нибудь глубокаго и не скоро изгладимаго слѣда. Тѣмъ не менѣе названный почтенный ученый не уклоняется и отъ рѣшенія вопроса о вышеупомянутомъ сборникѣ. По его мнѣнію, это могли быть или институціи Юстиніана или извѣстная вестготская компиляція Breviarium Alaricianum (Pisani zakoni na slovenskom jugu. Zagreb. 1872, стр. 15). Но на первой догадкѣ не настаиваетъ и самъ авторъ, а принять вторую препятствуетъ то обстоятельство, что названная компиляція произошла и исключительно употреблялась только во Франціи; что же касается до Италіи, то здѣсь въ періодъ византійскаго и лонгобардскаго владычества находились въ употребленіи подлинныя Юстиніановы законныя книги: кодексъ, институціи и новеллы (послѣднія—въ сокращеніи Юліана). *Но въ первой четверти IX в.* появилась въ Италіи весьма богатая компиляція римскихъ гражданскихъ законовъ, *назначенная преимущественно для церковнаго употребленія*,—т. наз. Lex Romana canonice compta (см. *Maassen*, Geschichte d. Quellen und Liter. d. canon. Rechts, s. 887—888). Она-то, по всей вѣроятности, и была послана папою Николаемъ I въ Болгарію. По крайней мѣрѣ въ ней можно найти *всѣ* римскіе законы, на

Всѣхъ этихъ законовъ напрасно бы мы стали искать въ Эклогѣ. Исключеніе составляетъ развѣ только послѣдній законъ (о ложныхъ обвинителяхъ): онъ имѣется и въ Эклогѣ; но это—такое исключеніе, которое всего яснѣе показываетъ, что посланная папою въ Болгарію книга римскихъ законовъ нисколько не походила на византійскую Эклогу: папская книга содержала въ себѣ *большое число* законовъ о ложныхъ обвинителяхъ (leges *abunde* innuant), а Эклога—всего только одну статью и то весьма краткую [1]). О папскомъ посланіи къ новообращеннымъ болгарамъ вообще нужно замѣтить, что оно важно для исторіи древне-болгарскаго права, и въ особенности для рѣшенія вопроса о происхожденіи Закона суднаго, не столько по отвѣтамъ папы на предложенные ему вопросы, сколько по этимъ самимъ вопросамъ. Они рисуютъ предъ нами довольно полную и живую картину внутренняго быта Болгаріи въ эпоху ея обращенія въ христіанство, объясняютъ мотивы появленія здѣсь перваго писаннаго закона и съ тѣмъ вмѣстѣ служатъ лучшимъ, точнѣе сказать, единственнымъ историческимъ комментаріемъ на отдѣльныя статьи его [2]).

Кромѣ сейчасъ разсмотрѣнныхъ статей Закона суднаго, отличающихся отъ соотвѣтственныхъ статей Эклоги прибавкою къ уголовнымъ наказаніямъ церковныхъ покаяній и тѣмъ самымъ будто бы обличающихъ на себѣ слѣды вліянія западно-католическаго церковнаго права, проф. Суворовъ находитъ доказательства того же вліянія въ постановленіяхъ славянскаго Закона по двумъ предметамъ: а) о плотской связи въ кругу духовнаго родства и б) о свидѣтеляхъ.

а) Постановленія о плотской связи между лицами, состоя-

которые ссылался въ своихъ отвѣтахъ папа, называя ихъ именно *римскими*, т. е. повторяя надписаніе самой компиляціи, въ которой они содержались.

[1]) Tit. XVII, cap. 51: Οἱ συκοφάνται ἐν ὁιαβήτιν αἰτίᾳ συκοφαντήσουσί τινα τῇ ταυτοπαθείᾳ ὑποκείσθωσαν. Ср. послѣднія слова 27-ой главы того же титула, гдѣ опредѣляется наказаніе за ложное обвиненіе въ прелюбодѣяніи.

[2]) Со временемъ мы надѣемся издать текстъ Закона Суднаго въ обѣихъ его редакціяхъ, параллельно съ греческими источниками, и снабдить свое изданіе необходимыми комментар'іями, куда войдутъ и папскіе отвѣты.

щими въ духовномъ родствѣ, изложены въ 7 й и 8-й статьяхъ Закона суднаго. Въ первой опредѣляется наказаніе (уголовное и церковное) за бракъ воспріемника съ матерью воспринятаго дитяти, а во второй — такое же наказаніе за бракъ воспріемника съ самою воспринятою, своею крестною дочерью. Въ уголовныхъ законахъ Эклоги (т. е. въ ея XVII титулѣ) имѣется источникъ только для первой изъ указанныхъ статей Закона суднаго, но не для второй. Въ этомъ отличительномъ пунктѣ славянскаго памятника авторъ не прочь видѣть слѣдъ католическаго вліянія (стр. 37), хотя самъ же замѣчаетъ, что „о воспрещеніи брака между воспріемниками и ихъ крестницами говорится и въ Эклогѣ (тит. II, гл. 2), но говорится-де не съ точки зрѣнія уголовной наказуемости подобнаго брака, а съ точки зрѣнія гражданскаго вопроса о недопустимости законнаго супружескаго союза между этими лицами“ (стр. 30). Но такъ какъ — скажемъ мы на эту оговорку—Законъ судный былъ не полнымъ переводомъ Эклоги, а лишь передѣлкою ея уголовныхъ законовъ, то для новообращенныхъ болгаръ необходимо было сдѣлать здѣсь дополненіе къ тексту подлинника, — и оно сдѣлано частію по смыслу предыдущей статьи (о наказуемости брака съ *матерью* крестницы), частію по прямому указанію покаяннаго номоканона Іоанна Постника, правило котораго, *совершенно согласное съ этою дополнительною статьею Закона суднаго*, уже приведено нами выше. Такимъ образомъ мы освобождаемся теперь отъ необходимости производить детальную оцѣнку основаній, на которыхъ проф. Суворовъ утверждаетъ свою догадку о присутствіи тутъ слѣдовъ западно-католическаго вліянія. Мы готовы даже сдѣлать большой сюрпризъ нашему почтенному товарищу по наукѣ. Повидимому, онъ затруднялся найти на западѣ такой источникъ для настоящей (т. е. 8-й) статьи Закона суднаго, который бы не оставлялъ мѣста никакимъ возраженіямъ. „Папы, говоритъ онъ, повидимому, не считали необходимымъ явственно оговаривать воспрещеніе браковъ между воспріемниками и воспринятыми, но о немъ упомянуто въ лонгобардскихъ законахъ и въ нѣкоторыхъ сборникахъ церковнаго права IX—X столѣтій“, т. е. въ пенитенціалахъ (стр. 32). Какъ

угодно, но этого мало для скептиковъ: лонгобардскіе законы дѣйствовали слишкомъ далеко отъ Болгаріи [1]); а латинскіе пенитенціалы, въ которыхъ находится правило о недозволительности брака крестнаго отца съ крестною дочерью (см. примѣч. 59), совсѣмъ не похожи на тотъ, какой проф. Суворовъ вручаетъ папѣ Николаю I для пересылки въ Болгарію. Но зачѣмъ было дѣлать поиски въ лонгобардскихъ законахъ и разныхъ западныхъ пенитенціалахъ, когда искомый латинскій источникъ для занимающей насъ статьи Закона суднаго былъ, такъ сказать, подъ руками у автора, — въ томъ же папскомъ посланіи къ болгарамъ? Во 2-мъ своемъ отвѣтѣ папа высказываетъ рѣшительное запрещеніе брака между воспріемникомъ и воспринятою [2]). Ergo — заключаемъ мы отсюда—новообращенные болгары заняты были и этимъ вопросомъ, но отвѣтъ на него, содержащійся въ 8-й статьѣ „Закона суднаго“, взяли все-таки не изъ посланія папы, а изъ указанныхъ нами *греческихъ* источниковъ. — Другой и болѣе явственный слѣдъ католическаго вліянія въ постановленіяхъ Закона суднаго о духовномъ родствѣ проф. Суворовъ находитъ въ томъ, что въ этихъ постановленіяхъ „сородительское отношеніе расширилось соотвѣтственно латинскимъ терминамъ compater и commater, при чемъ самые эти термины славянизировались, или осла-

---

[1]) Самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ своей книги пишетъ. „Однако говорить о *непосредственномъ* вліяніи германскаго (въ особенности *лонгобардскаго*) права на славянскій Законъ судный нѣтъ достаточнаго основанія: этого непосредственнаго вліянія вообще не видно *ни въ одной* статьѣ Закона суднаго„ (стр. 81).

[2]) Respons 2: Ita diligere debet homo eum, qui se suscipit ex sacro fonte, sicut patrem... Est tamen alia inter eos gratuita et sancta communio, quae non est dicenda consanguinitas, sed potius habenda spiritualis proximitas. Unde inter eos non arbitramur esse quodlibet posse conjugale connubium; quandoquidem nec inter eos qui natura et eos qui adoptione filii sunt, venerandae Romanae leges permittunt (Migne, Patrol lat. t. 119, p. 979). Далѣе приводится выписка изъ Институцій Юстиніана о бракахъ, запрещенныхъ по кровному родству и усыновленію, и эта выписка еще разъ доказываетъ, что папа имѣлъ дѣло не съ Эклогою, въ которой, какъ мы видѣли, содержится уже запрещеніе брака между крестнымъ отцомъ и дочерью, неизвѣстное папѣ изъ гражданскихъ законовъ.

вянились“ (стр. 37). Этимъ авторъ хочетъ сказать, что Законъ судный ставитъ въ отношеніе духовнаго родства не только воспріемника, воспринятаго и родителей послѣдняго, но и воспріемниковъ между собою, *если ихъ нѣсколько* (что, какъ извѣстно, давно уже вошло въ общій обычай на всемъ западѣ), и что самое названіе, какое славянскій законъ даетъ матери воспринятаго, въ отношеніи къ воспріемнику: **коупетра**, очевидно, произошло отъ латинскаго compater и выражаетъ собою тоже самое *расширенное* понятіе духовнаго родства. Признаемся: при всѣхъ нашихъ усиліяхъ уяснить себѣ тотъ логическій процессъ, который привелъ автора къ этимъ двумъ положеніямъ, мы все-таки остались въ полномъ недоумѣніи. Буквальный смыслъ приведенныхъ двухъ статей Закона суднаго о духовномъ родствѣ самимъ авторомъ излагается такъ, что въ нихъ говорится о наказуемости незаконнаго брака между воспріемникомъ и матерію воспринятаго, а также — между воспріемникомъ и воспринятою, — и только (стр. 30). Никакого намека на *многихъ* воспріемниковъ и воспріемницъ одного и того же младенца и на отношеніе *между ними*, какъ „сочадными“, въ словахъ славянскаго Закона не содержится. Этого мало: примѣровъ такого „расширенія сородительскаго отношенія“ авторъ не нашелъ и въ латинскихъ источникахъ, близкихъ по времени къ Закону судному; напротивъ, нашелъ здѣсь нѣчто прямо противоположное. Такъ онъ приводитъ свидѣтельство одного латинскаго канониста конца XI или начала XII вѣка, который, изложивъ современную церковную догму о духовномъ родствѣ, какъ препятствіи къ браку, въ заключеніе говоритъ слѣдующіе: *Altqui* autem dicunt, commatres esse illas, quae filium alicujus *simul* de sarto fonte suscipiunt, quod non credo, *quia unam post aliam ducere aliquis potest* (стр. 32, прим. 58). Если такимъ образомъ даже въ XI и XII вѣкѣ термины compater и commater употреблялись на западѣ только для выраженія духовной связи воспріемниковъ и воспріемницъ (сколько бы ни было тѣхъ и другихъ) съ *родителями* воспринятаго (а не между собою), то почему слово **коупетра**, употребленное въ славянскомъ памятникѣ конца IX или начала X вѣка, должно означать нѣчто боль-

шее? Самое слово—конечно латинское [1]). Но такихъ словъ въ древне-славянскомъ языкѣ не мало, напримѣръ: **крьстъ** (=crux), **оцьтъ** (=acetum), **рака** (=arca), **олтарь** (=altare). Нѣкоторые филологи думаютъ, что всѣ подобныя слова заимствованы славянами (именно болгарами) отъ румыновъ, по старинному—влаховъ [2]). Но если не ошибаемся, между славистами существуетъ и такое мнѣніе, что латинскія слова древне-славянской книжной рѣчи принадлежатъ еще просвѣтителямъ *западныхъ* славянъ—св. Кириллу и Меѳодію. Если же никто такого мнѣнія не высказывалъ, то пусть оно будетъ нашимъ. Во всякомъ случаѣ **коупетра** въ славянскомъ языкѣ значитъ то же, что въ латинскомъ commater: воспріемница и мать воспринятаго—въ ихъ взаимноотношеніи.

б) Трактатъ о свидѣтеляхъ „Закона суднаго“ есть одинъ изъ самыхъ длинныхъ въ книгѣ проф. Суворова (стр. 37—90) и, надобно сознаться, одинъ изъ самыхъ обременительныхъ для читателя. Авторъ вообще любитъ эпизоды, или, какъ онъ самъ выражается въ одномъ случаѣ, „небольшія историческія экскурсіи“ (стр. 30); но здѣсь эпизоды принимаютъ столь широкіе размѣры и появляются такъ неожиданно, что читатель съ трудомъ можетъ слѣдить за развитіемъ главной мысли трактата и удерживать въ сознаніи и памяти логическую связь составныхъ частей его.

Начинаетъ авторъ съ различенія въ Законѣ судномъ свидѣтелей двухъ типовъ: византійскаго и варварскаго. Первые—общи славянскому закону съ Эклогою: это—„не болѣе и не менѣе, какъ свидѣтели—въ положительномъ или въ отрицательномъ смыслѣ—факта, подлежащаго судебному разбирательству, а также факта заключенія той или другой юридической сдѣлки, совершенія того или другаго юриди-

---

[1]) Замѣчательно, что какъ слово (**коупетра**)=(кума)произошло отъ compater (кумъ) и въ мужескомъ родѣ (**коупетръ**) не употребляется, такъ слово **къмотръ** (кумъ), очевидно происходящее отъ commater (а не отъ compater какъ думаетъ проф. Суворовъ, стр. 36), употреблялось преимущественно въ значеніи кума, хотя есть и женское **къмотра** (см. въ Лексиконѣ Миклошича).

[2]) *Дриновъ*, Заселеніе Балканскаго полуострова славянами, стр. 140—141.

ческаго акта, напримѣръ, завѣщанія, при чемъ *семь* было максимальнымъ числомъ свидѣтелей, требовавшихся византійскимъ правомъ“ (стр. 38). -- Для выясненія варварскаго типа свидѣтеля авторъ дѣлаетъ довольно большую „экскурсію“ въ исторію германскаго права (стр. 38—43), и въ результатѣ получаетъ различіе свидѣтелей—рѣшителей дѣла, т. е. вмѣстѣ и судей (шеффеновъ), и свидѣтелей-соприсяжниковъ (conjuratores), которые показывали, что они знаютъ подсудимаго за хорошаго человѣка, вѣрятъ его присягѣ и присоединяютъ къ ней свою собственную. „Полное число соприсяжниковъ, какъ и шеффеновъ, говоритъ авторъ въ заключеніе своей экскурсіи, должно быть двѣнадцать. Вообще у германцевъ это число было числомъ знаменательнымъ. Оно прежде всего господствовало въ мірѣ боговъ: боги, а также валькиріи, препровождавшія героевъ въ валгалу, являются въ количествѣ двѣнадцати. Прославляемые герои имѣли 12 сыновей, или 12 спутниковъ. Человѣкъ, совершившій великій подвигъ, сравнивался по силѣ съ 12 людьми. Затѣмъ въ древнихъ уже сагахъ упоминаются 12 судей. Двѣнадцать мудрыхъ мужей представляется возлѣ короля Олафа святаго. Двѣнадцать членовъ сидѣло въ королевскомъ судѣ въ Бергенѣ. По датскому и норвежскому правамъ, какъ судей, такъ и соприсяжниковъ было 12, а если не 12, то $^1/_2$ 12-ти, или 2×12, 3×12 и т. д., такъ что вообще въ основѣ всѣхъ системъ соприсяжничества у германскаго народа лежитъ число 12. У англо-саксовъ видимъ 12 шеффеновъ и 12 соприсяжниковъ; 12 соприсяжниковъ у франковъ, 12 свидѣтелей требуется по Lex Salica. У лонгобардовъ, по закону короля Ротаря, повторенному Люитпрандомъ и другими, въ спорныхъ дѣлахъ на сумму до 20 солидовъ отвѣтчикъ долженъ принести очистительную присягу самъ-двѣнадцатый, т. е. съ 11-ю соприсяжниками, передъ евангеліемъ; въ дѣлахъ на сумму до 12-ти солидовъ достаточно, чтобы отвѣтчикъ принесъ присягу самъ-шестъ, и наконецъ въ самыхъ незначительныхъ дѣлахъ—самъ третей“ (стр. 42—43).

Свидѣтелей варварскаго или германскаго типа проф. Су-

воровъ находитъ въ слѣдующихъ двухъ статьяхъ Закона суднаго:

Гл. ѕ̀. Въ всакоу прю и клеветоу и шепты достоить кнаѕю и соудии не послоушати безъ свѣдетель многъ, нъ глаголати к соуперникомъ и клеветникомъ и шепътникомъ: аще не притъкнете послоусѣхъ, якоже и ѕаконъ Божии велить, прияти тоуже казнь уѧнте, юже на дроуга глаголасте: Божии ѕаконъ тако велить. Да иже сего не хранить, да боудеть проклатъ.

О послоусѣхъ. Надъ всѣмї же сими достоить на всакои прн кнаѕю и соудїи съ всацѣмь испытаныемъ и тьрпѣниемъ испытаные творити и не бесъ послоухъ ѡсоужати, нъ искати послоухъ истиненъ, бокщихся Бога, нароунтъ и не имоущь враждъı никоемже, нї лоукавьства, ни мьрѕости, ни тажѣ, ни прѣ. на него же глаголють, нъ страха Божиа ради и правдъı его. Уисло же послоухъ да бъıваеть единънадесате, а лише [1]) сего рока, и въ малъıе прѣ ѡ ѕ̀ до трии, а памше [2]) сего рока. Власть же имать на негоже глаголють соудии ѕалагати и глаголати послоухомъ ли присагоу, ли продажю, ли таже казнь, аще ли в коие врема ѡбращються лжюще. Не достоить же ни въ единоу [прю] приимати послоухъ, иже боудоуть когда ѡбличени лжюще и престоупающе ѕаконъ Божии, ли житие скотьское имоуще, или ѡ себе непобѣдими на присагъ ѡмоутьса [3]).

Статей этихъ нѣтъ въ византійской Эклогѣ: вотъ единственная причина, почему проф. Суворовъ нашелъ въ нихъ указаніе на свидѣтелей варварскаго, а не византійскаго типа (стр. 48). На самомъ же дѣлѣ первая изъ приведенныхъ статей не содержитъ въ себѣ ничего варварскаго, или такого, что напоминало бы германскихъ шеффеновъ и свидѣ-

---

1) Надобно думать, что въ оригиналѣ предъ *лише* стояло *ли*: „а ли (=или) лише сего рока“ (или больше этого числа). Ср. Лексиконъ Миклошича подъ *а*.

2) *а памше* произошло, вѣроятно, изъ *а ни мне* (т. е. а не меньше). Въ позднѣйшихъ спискахъ слова эти читаются такъ: въ первомъ случаѣ (см. предыдущее примѣчаніе) — „лише не ниже сего рока;“ во второмъ: „а не менѣ сего рока“ (Соф. Врем. I, 133). Или: „а не ниже“ въ обоихъ случаяхъ (Новгор. Лѣтоп. по синодальному харатейному списку, изд. 1888, стр. 477).

3) Мы привели эти статьи по списку Софійско-новгородской Кормчей конца XIII вѣка (л. 337).

телей-соприсяжниковъ. Въ ней высказывается только общая мысль о необходимости достовѣрныхъ свидѣтелей на судѣ для рѣшенія дѣла по частной жалобѣ на то или другое правонарушеніе, и назначается „клеветникамъ“, т. е. обвинителямъ, не доказавшимъ виновности отвѣтчика, тоже самое наказаніе, какому подвергся бы этотъ послѣдній, если бы его преступленіе было доказано. Въ сущности то и другое можно найти и въ Эклогѣ (см. тит. XIV—о свидѣтеляхъ и тит. XVII гл. 51—о наказаніи за ложное обвиненіе на судѣ). Но статья прямо ссылается на другой источникъ, на другую византійскую Эклогу, извѣстную въ славянскомъ переводѣ подъ именемъ „Избранія (Ἐκλογή) отъ закона, Богомъ даннаго Израильтяномъ чрезъ Моисея“. Предпослѣдняя статья этого „Избранія“, дѣйствительно, оказывается вполнѣ сходною съ настоящею статьею Закона суднаго. Приведемъ ту и другую параллельно:

Закона суднаго ст. 2.

Въ всякоу прю и клевєту и шепты достонть кнадю и соудии не послоушати безъ свѣдєтель многъ, нъ глаголати к соупернікомъ и клевєтникомъ и шепътникомъ: аще не притъкнєтє послоусѣхъ, якоженъзаконъ Божии велитъ, пріяти тоуже казнь уантє, юже на дроуга глаголастє: Божии законъ тако велитъ. Да нже сего не хранитъ, да боудєть проклатъ.

Избранія гл. 49.

При оустѣхъ двою свидѣтель, или трієхъ, да станєтъ всако слово. Аще ли станєтъ послухъ неправдивъ на человѣка, глагола на него безчєстіе, да станета оба человѣка предъ Господемъ, и предъ жерцы, и предъ судіями, иже будутъ въ ты дни: и да испытаютъ ихъ судіи прилежно: и се послухъ неправедєнъ послушествовавше неправду, и супротивлялся на брата своєго, да сотворитє ємоу, якоже и онъ оумысан супротивъ на брата своєго [1]).

Итакъ первая статья Закона суднаго о послухахъ не содержитъ въ себѣ ничего такого, что напоминало бы свидѣ-

---

4) Текстъ этой статьи „Избранія“ приведенъ нами по печатной Кормчей (см. 45-ю главу этой книги).

телей варварскаго или германскаго типа и чего нельзя было бы найти въ современныхъ ей источникахъ византійскаго права.—Что же касается до второй статьи того же содержанія, то въ ней, дѣйствительно, проглядываетъ одна черта, напоминающая средневѣковые германскіе судебные порядки, именно: максимальное число свидѣтелей на судѣ назначается 11 или, присчитывая сюда и сторону, призвавшую свидѣтелей, 12. Соединяя съ этою цифрою представленіе о свидѣтеляхъ именно *варварскаго*, а не византійскаго типа, т. е. такихъ, которые являлись на судѣ въ роли, совершенно неизвѣстной греко-римскому праву, проф. Суворовъ, для открытія источниковъ и вообще „для уясненія историческаго смысла“ выше приведенныхъ статей Закона суднаго о послухахъ, ставитъ себѣ два вопроса: 1) нужно-ли смотрѣть на эти статьи, какъ на выраженіе „юридическаго сознанія“, или на свидѣтельство о „юридическомъ бытѣ народа, для котораго предназначался Законъ судный“, или — 2) статьи эти внесены въ названную болгарскую компиляцію „подъ тѣмъ же (западно-церковнымъ) вліяніемъ, подъ которымъ произведена была составителемъ Закона суднаго передѣлка подлиннаго текста Эклоги и въ другихъ пунктахъ?“ (стр. 59).

Рѣшеніе перваго вопроса авторъ начинаетъ издалека — такъ издалека, что читатель сразу и не догадается, куда его поведутъ. Именно, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о *болгарскомъ* Законѣ судномъ съ его статьями о послухахъ, проф. Суворовъ неожиданно заводитъ рѣчь о томъ, „была ли судебная организація, документированная памятниками древняго *русскаго* права, продуктомъ германскаго вліянія, или создалась на самобытныхъ основахъ славянскаго правосознанія“; затѣмъ — приводитъ мнѣнія ученыхъ по этому вопросу; потомъ—указываетъ пути, какими могло проникать въ древнюю Русь германское вліяніе; наконецъ—устанавливаетъ слѣдующій общій принципъ, какъ необходимое руководство при рѣшеніи всѣхъ подобныхъ вопросовъ изъ исторіи древняго русскаго права: „при обсужденіи вопроса о томъ, долженъ-ли быть разсматриваемъ извѣстный юридическій институтъ, какъ національный, или какъ заимствованный, немаловажное значеніе имѣютъ слѣдующія соображенія: на-

сколько отчетливымъ и опредѣленнымъ представляется этотъ институтъ въ самыхъ тѣхъ источникахъ, которые о немъ говорятъ, насколько глубокіе корни имѣетъ онъ въ юридической жизни народа, по находящимся въ распоряженіи науки историческимъ даннымъ, и насколько онъ былъ распространенъ между разными славянскими народами" (стр. 59—62).

Само собою понятно, что съ этимъ общимъ руководительнымъ принципомъ авторъ, разъ вступившій въ область древняго русскаго права, обращается прежде всего къ Русской Правдѣ, и тутъ только читатель узнаетъ, о какомъ это „юридическомъ институтѣ, національномъ или заимствованномъ", была рѣчь въ сейчасъ приведенныхъ „соображеніяхъ", и какая существуетъ если не *матеріальная*, то хоть *формальная*, логическая связь между новымъ вопросомъ „о вліяніи германскаго права на древне-русскую судебную организацію", и старымъ—о послухахъ по болгарскому Закону судному. Прерванный трактатъ о варварскомъ вліяніи на этотъ *болгарскій* законъ возобновляется теперь въ видѣ трактата о вліяніи германскаго права на древне-*русскія* юридическія нормы, относящіяся къ тому же самому предмету, т. е. къ вопросу о числѣ и значеніи послуховъ.

„Въ Русской Правдѣ — такъ начинаетъ проф. Суворовъ свое изслѣдованіе по этому вопросу—говорится, что въ случаѣ долговаго взысканія, если должникъ запирается въ томъ, что онъ долженъ истцу такую-то сумму, нужно итти на „изводъ предъ 12 человѣка". Такъ говоритъ 14-я статья старшей Правды—Правды Ярослава и его сыновей. Что такое эти „12 человѣка?" Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается авторомъ изъ сопоставленія приведенной статьи, вопервыхъ—съ двумя статьями позднѣйшей Правды (Карамз. сп. ст. 15 и 44); вовторыхъ—съ 10-ю статьею мирной грамоты новгородцевъ съ нѣмцами 1195 года. Всѣ эти три статьи говорятъ о *послухахъ*, какъ о лицахъ, рѣшающихъ спорное или уголовное дѣло своими показаніями. Значитъ, и „12 человѣка" старшей Правды суть *послухи* въ этомъ же смыслѣ. Первая изъ указанныхъ статей, т. е. 15 я Карамз. сп., требуетъ *семи* послуховъ для „сверженія поклепной виры", т. е.

для снятія съ себя заподозрѣннымъ въ убійствѣ лицомъ тяготѣющаго надъ нимъ подозрѣнія и связанной съ этимъ подозрѣніемъ обязанности уплаты виры. Двѣ послѣднія статьи, т. е. 44-я Карамз. сп. и 10-я мирной грамоты 1195 года, говорятъ о томъ же самомъ предметѣ, о которомъ идетъ рѣчь и въ приведенной статьѣ старшей Правды—объ удовлетвореніи денежной претензіи истца-заимодавца къ запирающемуся должнику: первая, по совершенно правильному замѣчанію проф. Суворова, ничего не говоритъ о *числѣ* лицъ, долженствующихъ подкрѣпить исковое требованіе истца, но прямо и ясно называетъ ихъ *послухами;* вторая не только называетъ ихъ *послухами,* но и опредѣляетъ ихъ количество, именно назначаетъ 12 послуховъ, т. е. ровно столько же, сколько опредѣляется въ 14 статьѣ Русской Правды по Акад. списку" (стр. 56). Но какіе это послухи? — *Свидѣтели-соприсяжники* древне германскаго права, т. е. свидѣтели доброй славы, хорошей репутаціи (testes de credulitate)—безъ малѣйшаго колебанія отвѣчаетъ проф. Суворовъ (стр. 66). По нашему мнѣнію, авторъ напрасно брался за рѣшеніе этого совершенно для него посторонняго и, въ добавокъ, труднаго и спорнаго вопроса. Наши историки-юристы отвѣчаютъ на него различно: одни, напримѣръ, проф. Сергіевичъ, видятъ въ послухахъ Русской Правды свидѣтелей-соприсяжниковъ, свидѣтелей доброй славы; другіе (проф. Мрочекъ-Дроздовскій) рѣшительно отвергаютъ въ нихъ этотъ характеръ и признаютъ ихъ за свидѣтелей *факта,* а не лица [1]); третьи, наконецъ, приписываютъ древне-русскимъ „послухамъ" двоякую роль: въ дѣлахъ уголовныхъ это — соприсяжники истца и отвѣтчика, по семи съ той и другой стороны; въ дѣлахъ тяжебнымъ по долговымъ обязательствамъ — судные мужи, всегда въ числѣ 12-ти. Послѣднее мнѣніе весьма убѣдительно доказывается въ новомъ превосходномъ трудѣ проф. Леонтовича: „Старый земскій обычай" (Одесса, 1889) [2]). Для проф. Суворова достаточно было бы ограничиться прямою своею задачею—вопросомъ о

---

[1]) Изслѣдованіе о Русс. Правдѣ, вып. 2, стр. 238—242.

[2]) См. въ особенности стр. 119—121 и стр. 138 141.

происхожденіи института 12-ти мужей („послуховъ“) древнерусскаго (и болгарскаго) права. Прилагая къ „изводу предъ 12 человѣка“ Русской Правды уже извѣстный намъ критерій для распознаванія національнаго или иноземнаго происхожденія юридическихъ институтовъ, авторъ находитъ, конечно, что это не національно-русскій институтъ, а заимствованный у германцевъ. „Любопытно, говоритъ проф. Суворовъ въ подтвержденіе этой мысли, что тотъ списокъ Р. Правды, который говоритъ объ „изводѣ предъ 12-те человѣка“, ничего не говоритъ о свержепіи поклепной виры семью послухами, и наоборотъ, въ томъ спискѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ этихъ семь послуховъ, очищающихъ заподозрѣннаго отъ подозрѣнія въ убійствѣ, не оказывается 12 послуховъ, подкрѣпляющихъ исковое требованіе истца-заимодавца. Если не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ 14-й статьѣ Академическаго списка и въ 44-й Карамзинскаго говорится объ однихъ и тѣхъ же лицахъ—послухахъ, то отнюдь не съ несомнѣнною ясностію выступаетъ тенденція древняго права отстоять число 12“ (стр. 67). Два положенія, — и два недосмотра. Въ Акад. спискѣ Правды, въ которомъ говорится объ „изводѣ предъ 12-те человѣка“, *нѣтъ* статьи, которую можно было бы сопоставить съ 15-ою статьею Карамз. списка — „о поклепной вирѣ“. Затѣмъ, въ 44-ой статьѣ Карамз. списка, соотвѣтствующей 14-ой статьѣ Акад., хотя и не показано никакого опредѣленнаго числа послуховъ, но самое это слово употреблено во *множественномъ* числѣ („оже нань *послуси* выведетъ“), что не исключало возможности для современной практики крѣпко держаться исконнаго числа 12-ти, вошедшаго въ общій обычай при рѣшеніи споровъ по долговымъ обязательствамъ. Вообще о „тенденціяхъ древняго русскаго права“, которое творила и соблюдала сама жизнь, не всегда можно судить безошибочно по тому, какъ позднѣйшіе грамотеи кодифицировали это право въ своихъ изводахъ Русской Правды: *частная* запись дѣйствующей юридической нормы могла быть сдѣлана не точно, съ умолчаніемъ о томъ, что писецъ предполагалъ общеизвѣстнымъ. Но въ *оффиціальныхъ* источникахъ древняго рускаго права, именно въ выше упомянутой мирной грамотѣ новгородцевъ

съ нѣмцами 1195 года, мы снова встрѣчаемъ 12 „мужей—послуховъ“ древнѣйшаго извода Русской Правды. Проф. Суворовъ пытается ослабить силу этого свидѣтельства указаніемъ на международный характеръ памятника, въ которомъ оно содержится: это-де „такой памятникъ, на которомъ столько-же — не говоримъ болѣе — могло отразиться вліяніе германскаго права, какъ и вліяніе туземнаго права“ (стр. 67). Для рѣшенія вопроса о томъ, чье тутъ вліяніе перевѣсило, авторъ указываетъ на нѣсколько позднѣйшій памятникъ того же характера — договорную грамоту смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ нѣмецкими городами 1229 года. Въ 33-й статьѣ этой грамоты говорится, что тяжебное дѣло между русскимъ и латиняномъ, покончeнное въ русской землѣ *предъ судьями и добрыми людьми*, не пересуживается въ Ригѣ и на Готскомъ берегу, и наоборотъ: дѣло, покончeнное такимъ же точно способомъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегу, не пересуживается въ русской землѣ. „Кого здѣсь нужно разумѣть подъ *добрыми людьми*, продолжаетъ авторъ, видно изъ 13-й статьи той же дововорной грамоты, гдѣ сказано: „русину не оупирати латинина однемь послухомь, аже не будѣтѣ двою послуху, одиного немчича, а другого русина, добрыхъ людей. Тако латинину не пьрьпрети русина, аже не будѣть послуха русина, а другого немчина у Ризѣ и на Гочкомь березѣ“. Слѣдовательно, добрые люди суть послухи, при помощи которыхъ поканчивается судное дѣло между русскимъ и нѣмцемъ, и этихъ послуховъ должно быть по *два* съ каждой стороны“ (стр. 67—68). Въ приведенномъ аргументѣ почтеннаго профессора представляется замѣчательный образчикъ несоблюденія мѣры, указанной въ извѣстномъ правилѣ формальной логики: доказать больше значитъ ничего не доказать. Если въ позднѣйшихъ договорныхъ грамотахъ русскихъ съ нѣмцами старое число послуховъ — 12—исчезаетъ, то вина въ этомъ должна падать столько же на русскихъ, сколько — „не говоримъ болѣе“ — и на нѣмцевъ, ибо, какъ теперь оказалось, и ихъ право не всегда обнаруживало „тенденцію отстоять священное число 12“, хотя институтъ 12-ти соприсяжниковъ былъ у нихъ „органическимъ членомъ національной системы права“ (стр. 66). Конечно, проф. Суво-

ровъ не согласится допустить, что въ настоящемъ случаѣ сильнѣйшая сторона (нѣмцы) поддалась вліянію слабѣйшей (русскихъ), да и нѣтъ надобности въ такомъ предположеніи [1]). Дѣло объясняется очень просто. Опытъ не замедлилъ доказать обѣимъ договаривающимся сторонамъ, что для той и другой, при рѣшеніи споровъ, возникающихъ въ чужой землѣ, гораздо удобнѣе довольствоваться меньшимъ числомъ свидѣтелей: нѣмцу трудно было найти 12 послуховъ въ русскомъ городѣ, а русскому—въ нѣмецкомъ, и рѣшено было —ограничиться послушествомъ двухъ „добрыхъ людей“, представителей той и другой національности. Но у себя дома наши предки не хуже нѣмцевъ соблюдали завѣтъ своей старины о 12-ти мужахъ во всѣхъ случаяхъ, когда требовалось *полное* представительство народа какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ (автономическихъ) общественныхъ единицахъ. За-

---

[1]) Однакожъ это предположеніе, взятое въ обратномъ смыслѣ, въ томъ именно, что русскіе въ своихъ договорахъ съ нѣмцами оказывались не слабѣйшею, а сильнѣйшею стороною, принимается историками русскаго права за безспорную историческую истину. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ проф. Загоскинъ въ своей прекрасной рѣчи произнесенной имъ въ минувшемъ году на актѣ Казанскаго университета: „Договоры“ русскихъ съ нѣмцами, (1195, 1270 и 1229 гг.), опредѣляющіе, между прочимъ, тѣ нормы суда, на основаніи которыхъ должны были караться уголовныя правонарушенія, совершаемыя нѣмцами и русскими, при ихъ взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ, совершенно отрицаютъ смертную казнь въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ она назначалась по законамъ нѣмецкимъ. Русскіе не поступаются, такимъ образомъ, своимъ національнымъ правомъ, своею „пошланою“, даже предъ нѣмецкимъ ганзейскимъ союзомъ, и заставляютъ нѣмецкіе города подчиниться своему правосознанію, отвергающему смертную казнь. Обращаясь къ уголовнымъ опредѣленіямъ всѣхъ трехъ упомянутыхъ нами выше договоровъ, мы находимъ, что они назначаютъ за преступленіе убійства денежную пеню двоякаго размѣра — нормальную и двойную.... т. е. совершено держатся на почвѣ Русской Правды. Если же мы обратимся къ такъ называемой Новгородской Скрѣ, содержащей въ себѣ отечественные (для нѣмцевъ) законы, по которымъ они судились *между собою* въ Новгородѣ, то найдемъ, что здѣсь за убійство опредѣляется смертная казнь чрезъ отсѣченіе головы“. Въ примѣчаніи къ этимъ словамъ приводится и „другой примѣръ побѣды, въ договорахъ, русскаго права надъ правомъ нѣмецкимъ: согласно съ Русскою Правдою, нанесеніе увѣчья влечетъ за собою денежную пеню, между тѣмъ какъ Новгородская Скра опредѣляетъ за тоже преступленіе отсѣченіе руки“ (стр. 18). Ср. еще „Обзоръ исторіи русскаго права“ проф. М. Ф. Владимірскаго—Буданова, изд. 2, стр. 39.

вѣтъ былъ, дѣйствительно, стародавній. Древнѣйшее свидѣтельство о немъ находимъ въ разсказѣ начальной лѣтописи о крещеніи Кіевской Руси. Великій князь Владиміръ, говоритъ лѣтопись подъ 988 годомъ, незадолго предъ днемъ всенароднаго крещенія, повелѣлъ торжественно низвергнуть главное національное божество русскихъ—Перуна, и приставилъ 12 мужей „тети (бить) его жезліемъ“. 12 мужей, безъ сомнѣнія, являются въ настоящемъ случаѣ представителями всего народа въ знаменательную эпоху его обращенія изъ язычества въ христіанство: весь народъ руками этихъ двѣнадцати бьетъ своего низверженнаго кумира, которому онъ до сихъ поръ приносилъ кровавыя жертвы. Затѣмъ институтъ 12-ти мужей, засвидѣтельствованный, какъ мы видѣли, Русскою Правдою и мирной грамотой 1195 года, продолжалъ держаться на Руси почти до конца XV вѣка. Слѣды его, какъ „переживанія“, историки-юристы указываютъ въ русско-литовской *копѣ* и въ новгородскомъ *докладномъ судѣ*. „Копою“ въ памятникахъ западной (литовской) Руси XIV—XV вѣка назывался общинный судъ по тяжебнымъ дѣламъ о землевладѣніи. Она составлялась всегда изъ опредѣленнаго числа „добрыхъ людей“—изъ 18 „сумежниковъ съ обу сторонъ“ (т. е. отъ каждой стороны особо по 18 мужей [1]). Затѣмъ изъ каждыхъ трехъ

1) Эта цифра (18) не лишена значенія и по отношенію къ Закону судному. Въ спискахъ обширной редакціи этого памятника число послуховъ (максимальное) означено не 11, а 18. Послѣднюю цифру проф. Суворовъ признаетъ ошибкою, происшедшею отъ смѣшенія старыми писцами двухъ сходныхъ начертаній ѩ и ѭ, тогда какъ въ чтеніи старшихъ списковъ краткой редакціи нельзя допустить никакой ошибки уже потому, что здѣсь число послуховъ показано не цифрою, а складомъ **єдинънадєсатє**. Свою догадку объ ошибочности цифры 18 авторъ подтверждаетъ и такимъ соображеніемъ: если слова списковъ обширной редакціи: ѿ единого до ѭ понимать буквально, то въ нихъ получится такой нелѣпый смыслъ: „въ важныхъ дѣлахъ пусть будетъ свидѣтелей отъ одного до восемнадцати, т. е. можетъ быть и одинъ свидѣтель, а въ менѣе важныхъ — отъ трехъ до семи, т. е. никакъ не меньше трехъ“ (стр. 55 - 56). На это мы замѣтимъ, что приведенное чтеніе списковъ обширной редакціи могло быть неудачною попыткою писца ихъ оригинала сокращенно изобразить цифрами два числа: 11 и 18, которыя (какъ и другія подобныя), вѣроятно сокращались и въ живой рѣчи, именно произносились связно: отъ единаго до-осми*надесяте*, подобно тому, какъ мы и теперь говоримъ отъ трех-

мужей избирался сторонами одинъ „присяглый светокъ“, пока не составится 12 (по 6 мужей съ каждой стороны). Эти-то выборные мужи, „добрые люди“, или „мужи копники“ и производили „обводъ“ или „объѣханье“ границъ спорной земли и вообще рѣшали всѣ вопросы факта и права [1]). О составѣ новгородскаго докладнаго суда мы узнаемъ изъ тамошней уставной грамоты 1471 года. „Лучшее объясненіе этого института, говоритъ проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, у котораго мы заимствовали и описаніе копы, по нашему мнѣнію, дано профессоромъ Дювернуа. На „докладъ“ (вершеніе дѣлъ въ высшей инстанціи, по переносу ихъ судьею) у тіуна сидѣла коллегія 10-ти докладчиковъ (по боярину и житьему отъ каждаго изъ пяти новгородскихъ концовъ) и двухъ приставовъ (по одному съ каждой стороны). „Здѣсь какъ бы весь Новгородъ въ лицѣ немногихъ представителей. Всѣ вмѣстѣ, 10 докладчиковъ и 2 пристава, образуютъ такой форумъ, который во всякомъ случаѣ могъ *указать судъ*, какъ бы ни было мало извѣстно право“ [2]).

Не находитъ возможнымъ проф. Суворовъ признать институтъ 12-ти мужей національною собственностію и другихъ славянскихъ народовъ. Скептическій взглядъ автора всего дольше останавливается на законодательныхъ памятникахъ Сербіи и Хорватіи, содержащихъ въ себѣ постановленія о „поротѣ“ и „поротникахъ“.—У сербовъ, говоритъ онъ, „порота“, подъ этимъ именно названіемъ, развилась, повидимому, въ строго опредѣленный юридическій институтъ. „Поротци“, или „поротники“ — это тѣ судьи, которые избирались для одного только дѣла и для этого именно спеціальнаго случая

до-семи*сотъ*, что значитъ не 3 и 700, а 300 и 700. Во всякомъ случаѣ 18 мужей русско-литовской копы даютъ реальное основаніе для такого же числа послуховъ обширной редакціи Закона суднаго. При этомъ не лишне замѣтить, что рукопись, по которой напечатанъ во 2-й части Русс. Достопам. старшій списокъ обширной редакціи Закона суднаго, носитъ на себѣ явные признаки западно-русскаго происхожденія.

[1]) *Леонтовичъ*, Старый земскій обычай, стр. 135.

[2]) Тамъ же, стр. 142. Другое мнѣніе о докладномъ судѣ высказываетъ проф. Владимірскій-Будановъ въ 34 примѣчаніи къ тексту новгородской судной грамоты (см. его Христоматію).

принимали присягу. Они избирались съ той и другой стороны изъ того сословія, къ которому принадлежали тяжущіеся, но не изъ родственниковъ ихъ. Въ Законникѣ Стефана Душана опредѣлено: „отнынѣ и въ будущемъ да будетъ порота и за большое дѣло, и за малое: въ большомъ да будетъ 24 поротника, въ маломъ 12 поротниковъ, а въ меньшемъ дѣлѣ 6,—и эти поротники да невольны никого помирить, но только оправдать или обвинить, и пусть будетъ всякая порота въ церкви, и попъ въ ризахъ да приведетъ ихъ къ присягѣ, и въ поротѣ за кого большинство клянется, и кого большинство оправдаетъ, тѣмъ слѣдуетъ и вѣрить". Но—сейчасъ же возражаетъ авторъ—„Законникъ Стефана Душана явился въ половинѣ XIV вѣка: можно ли доказать, что въ законодательствѣ Душана приведено въ ясность и санкціонировано лишь то, что имѣло обычаемъ созданную силу въ теченіе предшествовавшихъ столѣтій? Порота, по словамъ Майкова (Исторія серб. языка, стр. 108) является въ Сербіи (Майковъ говоритъ не „въ Сербіи", а „въ сербскихъ *памятникахъ*, что, конечно, не одно и то же) съ половины XIII вѣка, но нѣтъ сомнѣнія, что она существовала тамъ искони, какъ древній обычай. Однако же онъ самъ доказываетъ, что при сербскихъ корольхъ Урошѣ I и Милутинѣ, въ спорѣ сербовъ съ дубровничанами и нѣмцами, требовалось только по одному поротнику съ той и другой стороны, да и самыхъ терминовъ „порота" и „поротци" до Законника Стефана Душана не видно. Въ первый разъ „поротци", какъ таковые, выступаютъ въ Законникѣ, и въ Законникѣ же въ первый разъ число ихъ отъ двухъ увеличено до 24 для важнаго дѣла, 12-ти для дѣла средней важности, и 6-ти для малозначущаго. Принимая же наконецъ во вниманіе то обстоятельство, что до второй половины XII вѣка историческая жизнь сербовъ была и остается мало извѣстною, и что народы Балканскаго полуострова, особенно сербы и хорваты, испытывали на себѣ сильныя романо-германскія вліянія, мы безъ особаго риска впасть въ противорѣчіе съ требованіями науки, можемъ утверждать, что законодательство Стефана Душана не можетъ быть приводимо въ доказательство сла-

вянскаго происхожденія института 12, или 2×12, или $^1/_2$ 12-ти поротниковъ“ (стр. 75—76).

Провѣримъ этотъ выводъ по извѣстнымъ намъ памятникамъ древняго сербскаго права и прежде всего—по самому Законнику Душана. Въ немъ говорится, что еще при дѣдѣ царя-законодателя изданъ былъ законъ о поротникахъ—тотъ именно, что они должны быть избираемы изъ лицъ одного состоянія съ тяжущимися [1]). Уже самое содержаніе этого закона показываетъ, что онъ относился къ институту не новому, а давно существовавшему, и только дѣлалъ въ немъ нѣкоторую поправку, по указанію опыта. Законникъ не только воспоминаетъ объ этомъ законѣ царева дѣда, но и приводитъ подлинный его текстъ, въ которомъ стоитъ уже терминъ: **поротници**, — значитъ, слово это не въ первый разъ употреблено въ Законникѣ Душана [2]). Мы уже не говоримъ о томъ, что во всемірной исторіи права, особенно у народовъ, только что выступающихъ на историческое поприще, не бывало такого примѣра, чтобы законодатель бралъ на себя роль иниціатора, творца небывалыхъ доселѣ юридическихъ институтовъ. У всѣхъ народовъ первые кодексы законовъ были обыкновенно сборниками уже готовыхъ юридическихъ нормъ, созданныхъ самою народною жизнію и сохранявшихся народнымъ обычаемъ. Почему же Сербія при Стефанѣ Душанѣ должна была въ этомъ отношеніи составлять исключеніе? Очень можетъ быть, что въ Законникѣ, Душана старый институтъ „пороты“ получилъ болѣе опредѣленное очертаніе, въ особенности—относительно числа поротниковъ, необходимаго для рѣшенія дѣлъ различной важности. Но число 12 едва-ли и въ древней Сербіи не было, такъ сказать, нормальнымъ, т. е. наиболѣе обычнымъ. По крайней мѣрѣ, о предшественникѣ Душана, Стефанѣ Дечанскомъ, извѣстно, что онъ въ 1325 г. по одному спорному дѣлу о землѣ повелѣлъ „привести 12 старожиловъ-жуплянъ, достовѣрныхъ

1) См. 154 статью Законника по Призрѣнскому списку у Зигеля, стр. 88.

2) Тоже самое слово читается еще въ грамотѣ Стефана Дечанскаго, датированной 23 октября 1332 года: **Да ми се поротници одь негова племена** *Миклошичъ*, Monumenta Serbiae, p. 101.

людей, пусть они, пришедши на межу, поклянутся страшною клятвою и укажутъ, гдѣ межа одной стороны, гдѣ—другой. И пришли сторожилы на межу, и привелъ ихъ приставъ къ присягѣ“ [1]). Какъ видитъ читатель, это истинный двойникъ современной русско-литовской копы. Если же „при короляхъ Урошѣ I и Милутинѣ, въ спорахъ сербовъ съ дубровничанами и *нѣмцами*, требовалось только по *одному* поротнику“, то не нужно забывать. что при судебномъ рѣшеніи международныхъ споровъ тѣ или другія отступленія отъ тузсмныхъ для каждой стороны обрядовъ и формъ судопроизводства являются почти дѣломъ необходимости, такъ что и *нѣмцы* — эти Urheber'ы института 12-ти — должны были въ своихъ спорахъ съ славянами довольствоваться только *однимъ* судьей-поротникомъ; словомъ: тутъ повторилось тоже самое явленіе, какое уже показала намъ русская договорная грамота съ нѣмцами 1229 года. Наконецъ, что касается до предположенія, будто на законодательствѣ Душана могли отразиться слѣды старо-давняго германскаго вліянія на юридическій бытъ и юридическія воззрѣнія сербовъ, то, пожалуй, мы не видимъ въ этомъ предположеніи „особаго противорѣчія съ требованіями науки“, но—не видимъ такъ же и особаго пріобрѣтенія для науки въ подобныхъ голословныхъ гипотезахъ.

Въ хорвато-далматскомъ законодательствѣ, именно — въ Винодольскомъ статутѣ 1288 года, проф. Суворовъ готовъ признать „болѣе солидное“ доказательство самобытно славянскаго происхожденія института 12 поротниковъ. Въ этомъ статутѣ, по отзыву проф. Леонтовича, удержалась славянская старина во всей своей первобытной свѣжести и неприкосновенности: здѣсь въ довольно полной картинѣ воспроизведенъ юридическій бытъ хорватскихъ и долматскихъ общинъ, „по изстариннымъ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ“ (это собственныя слова статута), при самомъ слабомъ вліяніи чуждыхъ источниковъ“ (стр. 76).—„Предположимъ, говоритъ на это нашъ авторъ, что юридическіе институты, засвидѣтельствованные Винодольскими законами, принадлежатъ не XIII

1) См. Зигеля, Законникъ Стефана Душана, стр. 97.

столѣтію, а гораздо болѣе раннему времени. Хорваты, какъ извѣстно, уже съ X столѣтія подчинились римской церкви и, говоря вообще, опередили другихъ славянъ въ дѣлѣ законодательства. Они въ X уже столѣтіи получили первый церковный уставъ, выработанный въ присутствіи князя Томислава и римскихъ легатовъ. Извѣстно далѣе, что хорваты до конца IX столѣтія находились подъ властію нѣмецкихъ каролинговъ, а затѣмъ и позднѣе всегда стояли въ непосредственно живомъ взаимоотношеніи съ романо-германскимъ міромъ и большею частію въ подчиненіи ему. Почему же именно у этихъ самыхъ хорватовъ въ нѣсколькихъ хорватскихъ жупахъ (т. е. общинахъ), *разбросанныхъ по Далмаціи*, могла удержаться „славянская старина во всей ея свѣжести и не прикосновенности?“ Почему нельзя предположить, что если въ юридической жизни находившагося въ такихъ условіяхъ славянскаго племени выработались извѣстные опредѣленные юридическіе институты, то на выработку этихъ институтовъ повліяла юридическая жизнь окружающихъ его германскихъ народовъ?“ Обращаясь затѣмъ къ вопросу о поротникахъ, проф, Суворовъ находитъ, что этотъ институтъ „развился у хорватовъ въ такихъ формахъ, которыя имѣютъ *весьма мало общаго* съ сербскимъ и *русскимъ* правомъ. Статутъ Винодольскій знаетъ подъ именемъ ротниковъ или поротниковъ не судей, оправдывающихъ или обвиняющихъ, какъ сербскіе поротники, а исключительно соприсяжниковъ той и другой стороны, очищающихъ репутацію обвиняемаго въ преступленіи, или поддерживающихъ репутацію истца“ (стр. 76—79). Но вѣдь и 12 мужей Русской Правды, по недавнему увѣренію проф. Суворова, были тоже послухи—*соприсяжники*: какъ же теперь они оказались „имѣющими весьма мало общаго“ съ поротниками Винодольскаго статута? На замѣчая этого маленькаго противорѣчія, авторъ продолжаетъ: „дѣла, по которымъ допускались поротники, суть: убійство, разбой, грабежъ и насилія всякаго рода, въ особенности изнасилованіе женщинъ, кража и поджогъ, вообще дѣла уголовнаго, а не гражданскаго характера. Число поротниковъ колеблется, смотря по важности дѣла, т. е. по тяжести преступленія: въ разбоѣ обвиняемый очищаетъ себя съ *85-ю* порот-

никами; обвиняемый въ убійствѣ присягаетъ самъ 50 й; при изнасилованіи требуется 25 поротниковъ, при большой татбѣ 12, при малой 6“ (стр. 78).

Существенный недостатокъ приведенной аргументаціи проф. Суворова состоитъ въ томъ, что онъ пользовался Винодольскимъ статутомъ не изъ первыхъ, а изъ вторыхъ рукъ: зналъ объ немъ только изъ сочиненія проф. Леонтовича. Между тѣмъ еще въ 1880 г. вышло образцовое изданіе этого памятника съ русскимъ переводомъ и комментаріями извѣстнаго слависта, профессора и академика В. В. Ягича [1]). Изъ этого изданія и объяснительныхъ примѣчаній авторитетнаго издателя нашъ авторъ узналъ бы, что населеніе Винодола было не „разбросанное по Далмаціи“, а сплошное и чистославянское (сербское, за исключеніемъ развѣ ремесленниковъ) и состояло изъ девяти территоріальныхъ общинъ, составлявшихъ одно княжество, подчиненное Венеціанской республикѣ [2]); что „ротники“ и „поротники“ Винодольскаго статута — не одно и тоже [3]); что максимальное число послѣднихъ было не 85, а 49 (самъ-50) [4]); что число 12 во всякомъ случаѣ было основнымъ: оно употреблялось и въ цѣломъ [5]), и въ доляхъ: $^1/_{24}$, $^1/_2$ 12-ти, [6]), и умноженное вдвое и вчетверо [7]). Позднѣйшій статутъ той же мѣстности, именно Къркскій, изданный въ 1388 году (на островѣ Къркѣ-Вельлѣ), знаетъ только тѣ самыя числа поротниковъ, какія ука-

---

1) См. изданія Общества любителей древней письменности № LIV.

2) Тамъ же, стр. 143—145.

3) Тамъ же, стр. 58, прим. 115. „Ротники“ были, по объясненію Ягича, нѣчто въ родѣ синодальныхъ свидѣтелей, о которыхъ будетъ рѣчь дальше.

4) Тамъ же, стр. 23, прим. 37. Именно, самъ 50-й присягалъ подозрѣваемый въ убійствѣ (ст. LXVIII).

5) Самъ 12-й присягалъ подозрѣваемый въ большой татбѣ (ст. IX и XI пун. 3).

6) *Три* свидѣтеля требовались для доказательства безчестія, нанесеннаго женщинѣ сорваніемъ съ нея покрывала головнаго (ст. XXVII), и для уличенія въ лжесвидетельствѣ (ст. LI и LII). *Самъ 6-й* присягалъ подозрѣваемый въ мелкой татьбѣ (ст. X).

7) *Самъ 25 й* присягалъ обвиняемый въ разбоѣ (ст. IX) и женщина, потерпевшая насиліе безъ свидѣтелей (ст. LVI, пун. 2); *самъ 50-й*—подозрѣваемый въ убійствѣ (см, выше прим. 4).

заны въ болгарскомъ Законѣ судномъ для послуховъ, т. е. 12, 6 и 3 [1]). Поротники обоихъ статутовъ несомнѣнно были соприсяжниками сторонъ: этимъ они, конечно, рѣзко отличаются отъ поротниковъ Душанова Законника; но это еще не есть доказательство, что они явились у далматинцевъ подъ вліяніемъ иноплеменнаго (романскаго или германскаго) права. Правда, проф. Ягичъ допускаетъ нѣчто, повидимому, прямо благопріятное такому воззрѣнію, именно говоритъ, что „Винодолъ уже въ XIII вѣкѣ поддавался культурному вліянію сосѣдней Италіи“ (стр. 143); но слѣды этого вліянія знаменитый славистъ усматриваетъ только „въ лексическомъ составѣ“ Винодольскаго закона, а не въ институтахъ его и, въ частности, не въ институтѣ „поротниковъ“, исконное славянское происхожденіе котораго сказывается уже въ самомъ его названіи. О внутреннемъ бытѣ славянскаго населенія Кърка и Винодола проф. Ягичъ въ предисловіи къ Кърскому статуту замѣчаетъ: „Венеціанская республика, верховная повелительница Кърка и Винодола, во внутреннюю автономію славянскаго княжества, въ самоуправленіе общинъ — не вмѣшивалась. Общины вели свои дѣла *по старинному славянскому обычаю*, на родномъ языкѣ хорватскомъ, письмамъ глаголическимъ, которое вмѣстѣ съ славянскимъ богослуженіемъ ихъ предки отстояли въ борьбѣ съ Римомъ“ (стр. 5). Если, наконецъ, мы признаемъ вмѣстѣ съ проф. Суворовымъ, что самымъ достовѣрнымъ признакомъ національнаго происхожденія того или другого юридическаго института служитъ его живучесть у даннаго народа, то 12 поротниковъ сербскихъ и далматинскихъ окажутся одинъ изъ наиболѣе чистыхъ національно-славянскихъ институтовъ. Дѣло въ томъ, что институтъ этотъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, *до настоящаго времени* сохраняется у нѣкоторыхъ сербскихъ пле-

---

1) См. Кърскій статутъ въ изданіи того же общества № XLIV (снимокъ подлиннаго глаголическаго текста съ предисловіемъ Ягича и транскрипція русскимъ и латинскимъ шрифтомъ). Максимальное число поротниковъ: *самъ 12-й* указано въ Кърскомъ статутѣ два раза (см. въ транскрипціи стр. 3, строк. 17 и стр. 7, строк. 14).

менъ, именно—у Босняковъ, Герцеговинцевъ и Черногорцевъ. Въ случаѣ прекращенія „вражды“, т. е. кровной мести за убійство, обрядъ примиренія враждующихъ родовъ совершается у названныхъ племенъ такимъ образомъ: въ день, назначенный для примиренія, рано утромъ, 12 женщинъ изъ рода убійцы, съ 12-ю некрещенными дѣтьми, собираются у дома убитаго и вызываютъ домохозяина словами: „будь, кумъ, ради Бога и св. Іоанна Крестителя воспріемникомъ нашихъ дѣтей!“ На этотъ зовъ выходятъ изъ дома 12 мущинъ, берутъ дѣтей на руки и цѣлуютъ, и это составляетъ первый шагъ къ примиренію. Вслѣдъ за тѣмъ собирается передъ домомъ убійцы все его родство и родство убитаго съ 24-мя (2×12) „добрыми человѣками“ (кметство), заранѣе избранными для суда надъ виновнымъ, который, смотря по обстоятельствамъ, при какихъ совершено было убійство, приговаривается къ большей или меньшей денежной пенѣ въ пользу потерпѣвшаго рода. Судъ оканчивается общимъ пиромъ на счетъ бывшаго „врага“ и заключеніемъ между примирившимися сторонами 12-ти (или 24-хъ) „побратимствъ“ [1]).

Но вотъ наконецъ, послѣ продолжительныхъ странствованія по областямъ германскаго, русскаго и юго-славянскаго, именно сербскаго права, мы снова пришли вслѣдъ за проф. Суворовымъ къ давно позабытому болгарскому Закону судному. „Вышеизложенныя замѣчанія объ институтѣ свидѣтелей по германскому и славянскому праву, говоритъ авторъ въ заключеніе всѣхъ своихъ „экскурсій“, даютъ возможность *съ нѣкоторою ясностію* опредѣлить смыслъ и происхожденіе извѣстныхъ намъ постановленій славянскаго Закона суднаго о послухахъ. Объяснять эти постановленія вліяніемъ славянскаго права было бы *противонаучнымъ* предпріятіемъ даже и потому, что сохранившіеся до нашего времени законодательные памятники разныхъ славянскихъ народовъ принадлежатъ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ славянская передѣлка Эклоги, извѣстная подъ именемъ Закона суднаго“

[1]) Примѣры прекращенія „вражды“ указаннымъ способомъ у сербскихъ племенъ см. у Миклошича въ приложеніяхъ къ монографіи: Die Blutrache bei den Slaven. Wien. 1887. (стр. 52—66). Ср. изслѣдованіе о томъ же Веснича (Wesnitsch) въ Zeitschr. für vergleich. Rechtswiss. IX Bd. Heft I—II, s. 65 flg.

(стр. 79). Авторъ, очевидно, стоитъ на такой точкѣ зрѣнія, съ которой время письменнаго изложенія той или другой юридической нормы представляется совпадающимъ съ эпохою ея происхожденія: взглядъ—не весьма „научный“, такъ какъ за нимъ скрывается мысль, что пока у даннаго народа нѣтъ *письменныхъ* источниковъ права, до тѣхъ поръ нѣтъ у него и права! И наоборотъ: мы не видимъ ничего „противонаучнаго“ въ томъ, если фактъ нахожденія въ старшемъ памятникѣ славянскаго права, т. е. въ Законѣ судномъ, нормы объ 11 послухахъ (точнѣе 12-ти вмѣстѣ съ истцомъ и отвѣтчикомъ) и затѣмъ повтореніе той же самой нормы въ позднѣйшихъ памятникахъ славянскаго законодательства принимается за вполнѣ достовѣрный признакъ ея національно-славянскаго происхожденія. У самихъ болгаръ норма эта еще разъ повторена была въ извѣстной уже намъ статьѣ обширной редакціи Закона суднаго „о послушествѣ поповскомъ“: „Попъ бываетъ въ послушьствѣ за 12 мужа“. Ясно, что число 12 является здѣсь, какъ общеизвѣстная и общепринятая норма, въ точности опредѣляющая значеніе „поповскаго послушьства“. Но если, не смотря на всѣ приведенныя свидѣтельства, проф. Суворовъ все-таки не соглашается признать институтъ 12-ти мужей за національно-славянскій и, въ частности, болгарскій: то откуда же, наконецъ, онъ взялся въ Законѣ судномъ? Судя по всему, что мы до сихъ поръ слышали отъ автора, слѣдовало бы ожидать отъ него такого отвѣта: институтъ этотъ заимствованъ болгарами, равно какъ и другими славянскими народами, у германцевъ. Но къ не малому для насъ удивленію, послѣ столь утомительныхъ для читателя экскурсій въ область германскаго и славянскаго права, проф. Суворовъ категорически заявляетъ, что „послухи Закона суднаго не суть ни судьи (шеффены), ни соприсяжники“ (стр. 80), и что говорить о *непосредственномъ* вліяніи германскаго права на славянскій Законъ судный нѣтъ достаточнаго основанія: этого непосредственнаго вліянія вообще не видно *ни въ одной* статьѣ Закона суднаго“ (стр. 81). Было-де, пожалуй, вліяніе и съ этой стороны, но не прямое, а косвенное—чрезъ посредство католическаго церковнаго права, на которомъ несомнѣнно

„отразилось германское вліяніе“. Такъ авторъ вспомнилъ, наконецъ, о своей главной темѣ. Сущность его разсужденій на эту тему состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ католической церкви, въ эпоху обращенія болгаръ въ христіанство, процвѣталъ институтъ такъ называемыхъ синодальныхъ судовъ (Sendgerichte). Суды эти, какъ и всякіе другіе, конечно, не могли обходиться безъ свидѣтелей особаго типа, и вотъ отъ этихъ-то именно синодальныхъ свидѣтей (testes synodales) проф. Суворовъ и ведетъ теперь довольно длинную родословную послуховъ „Закона суднаго“ (стр. 82—90). Нормальное число синодальныхъ свидѣтелей было *семь*: это, конечно, не вполнѣ совпадаетъ съ цифрами послуховъ болгарскаго закона, за то функція тѣхъ и другихъ, на взглядъ нашего канониста, была совершенно тожественна. Она состояла въ томъ, чтобы „дать судьѣ возможность знать обстоятельства дѣла и прійти къ вѣрному и безошибочному рѣшенію“ (стр. 88). Но если это такъ, то чѣмъ западные синодальные свидѣтели отличались отъ свидѣтелей византійскаго типа, которые, говоря собственными словами проф. Суворова, „были не болѣе и не менѣе, какъ свидѣтелями—въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ—факта, *подлежащаго судебному разбирательству*“, и число которыхъ (максимальное) было тоже *семь?* (стр. 38). Безъ всякаго сомнѣнія, значеніе *такихъ* свидѣтелей на судѣ было, есть и будетъ то, чтобы „давать судьѣ возможность знать обстоятельства дѣла и прійти къ вѣрному и безошибочному рѣшенію“. Но на самомъ дѣлѣ функція западныхъ синодальныхъ свидѣтелей была совсѣмъ другая. Это были присяжные сыщики епископа (jurati inquisitores), имъ самимъ избранные на опредѣленный срокъ и обязанные присягою доносить (denuntiare) синодальному суду о всѣхъ преступленіяхъ, совершающихся въ районѣ и во время ихъ служебной дѣятельности, не щадя при этомъ ни друзей, ни родныхъ. Словомъ: въ ихъ лицѣ соединились функціи нынѣшнихъ судебныхъ слѣдователей и прокуроровъ. Пожалуй, ихъ можно назвать и свидѣтелями (testes), но они свидѣтельствовали на судѣ ex officio, а не по выбору или указанію сторонъ, и были не помощниками той или другой

стороны, а органами самаго суда, на которомъ они являлись всегда въ одной и той же роли—въ роли обвинителей. Сопоставимъ теперь съ ними послуховъ Закона суднаго: „Достоитъ судіи глаголати къ суперникомъ и клеветникомъ и шепотникомъ: *аще не притъкнете* послусѣхъ, якоже и законъ Божій велитъ, пріяти туже казнь чайте, юже на друга глаголасте“. Итакъ послухи Закона суднаго являются на судъ по выбору и приглашенію сторонъ, а не ex officio... Судья обязанъ, по предписанію того же закона Божія, испытать „со всяцѣмъ терпѣньемъ“ послуховъ той и другой стороны, при чемъ отвѣтчикъ въ правѣ требовать, чтобы послухи противной стороны были приведены къ присягѣ, или чтобы имъ былъ поставленъ на видъ денежный штрафъ, даже таліонъ. Все это опять не идетъ къ западнымъ синодальнымъ свидѣтелямъ: они, какъ оффиціальные и присяжные обвинители, не подвергались каждый разъ предварительному „испытанію“ отъ судьи, по требованію обвиняемаго, и хотя, „по принципамъ обвинительнаго процесса, могли навлечь на себя наказаніе ложнымъ обвиненіемъ“ (стр. 88), но это наказаніе не было таліономъ [1]). Впрочемъ и самъ авторъ не рѣшается доказывать существованіе католическихъ синодальныхъ судовъ въ Болгаріи, въ какой бы то ни было моментъ ея исторіи (стр. 89). Все дѣло ограничивается на этотъ разъ только тѣмъ, что нашъ ученый канонистъ остроумно сопоставляетъ себя съ компиляторомъ Закона суднаго и говоритъ: „Для составителя Закона суднаго достаточно было быть знакомымъ, *хотя бы даже по слухамъ только*, съ институтомъ зендгерихтовъ и синодальныхъ свидѣтелей... А изслѣдователь, имѣющій уже въ рукахъ достаточныя доказательства знакомства редактора Закона суднаго съ западнымъ церковнымъ правомъ, тѣмъ менѣе имѣетъ основаній отрицать возможность подобнаго знакомства въ данномъ пунктѣ, что именно въ IX в. институтъ синодальныхъ судовъ сдѣлался популярнымъ на западѣ, и что тамъ не-

---

[1]) Ихъ наказывали за невѣрность присягѣ, данной при вступленіи въ должность. См. статью Дове о синодальныхъ судахъ въ Zeitschr. für Kirchenrecht, V Jahrgang, s. 18).

безъизвѣстны были и попытки распространенія этого института на славянъ, жившихъ *смѣшанно съ франками въ предѣлахъ майнцкаго архіепископства*“ (стр. 90). Мы находимъ, что это было довольно далеко отъ Болгаріи и едва ли могло сопровождаться какимъ нибудь вліяніемъ на юридическій бытъ ея населенія, которое, въ добавокъ, не имѣло въ своей средѣ никакихъ франкскихъ или германскихъ примѣсей. Притомъ же институтъ присяжныхъ свидѣтелей, или обвинителей на синодальныхъ судахъ, по изслѣдованію Дове, на котораго не разъ ссылается и самъ авторъ, возникъ на Западѣ не вмѣстѣ съ этими судами, а значительно позднѣе, именно во второй половинѣ IX вѣка [1]), т. е. какъ разъ въ эпоху обращенія болгаръ въ христіанство. Вѣроятно-ли, чтобы этотъ новый институтъ сразу сдѣлался не только „популярнымъ“ на мѣстѣ своего происхожденія, но и достаточно извѣстнымъ въ отдаленной Болгаріи, такъ что здѣсь сумѣли даже снять съ него довольно близкую копію?

Посмотримъ теперь, какіе слѣды вліянія западно-католическаго церковнаго права находитъ авторъ въ *обширной* редакціи Закона суднаго. Первый слѣдъ—это довольно многочисленныя выписки изъ Моисеева законодательства, отличающія обширную редакцію памятника отъ краткой. „На западѣ, говоритъ по этому поводу проф. Суворовъ, издавна было сдѣлано извлеченіе изъ Моисеева законодательства, подъ названіемъ Lex Dei seu Mosaicarum et Romanarum legum collatio. Это извлеченіе изъ ветхозавѣтныхъ книгъ: Исхода, Левитъ, Числъ, Второзаконія было сдѣлано для римлянъ съ цѣлію разъяснить имъ, что Моисей еще раньше римскихъ юристовъ установилъ ту или другую норму. Позднѣе же, какъ кажется, римская церковь пропагандировала Моисеево законодательство между варварами, какъ возможный коррективъ неполноты и слабости варварскихъ законодательствъ, основанныхъ на композиціяхъ, безъ сопоставленія уже съ римскимъ правомъ. По крайней мѣрѣ въ IX вѣкѣ у западныхъ церковныхъ писателей замѣчается силь-

[1]) См. цитов. статью Дове въ VI-мъ томѣ названнаго изд., стр. 30 и слѣд.

ная склонность пользоваться законами Моисея и ссылаться на нихъ. Для IX и X столѣтій ветхій завѣтъ былъ, такъ сказать, въ духѣ времени: этотъ духъ времени отразился замѣтнымъ образомъ и на Болгаріи. Любопытно, что сыновья Шишмана, который во второй половинѣ X вѣка образовалъ для себя въ Македоніи и Албаніи особое западно-болгарское царство, носили ветхозавѣтныя имена: Давида, Моисея, Аарона, Самуила. Извѣстно далѣе, что въ Болгаріи рано явился „Завѣтъ 12-ти патріарховъ“, т. е. 12-ти сыновей ветхозавѣтнаго патріарха Іакова, въ которомъ между прочимъ дѣлается сильное удареніе на жреческомъ характерѣ колѣна Левіина: *этотъ завѣтъ есть произведеніе западной, а не восточной церковной литературы*.... Все это, заключаетъ авторъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что замѣчаемая въ Болгаріи склонность къ ветхому завѣту имѣетъ свой источникъ не въ восточной, а въ западной церкви“. Правда, проф. Суворову извѣстны и греческія извлеченія изъ Моисеева законодательства; но „*самыя раннія* изъ нихъ, по его свѣдѣніямъ, восходятъ приблизительно къ XI-му вѣку“ и „могли появиться уже послѣ того, какъ, благодаря сосѣдству и сношеніямъ съ западомъ, мысль о приложеніи Моисеева законодательства къ юридическому быту варваровъ достаточно популяризировалась *и между греками*“ (стр. 149—151).

Приведенныя выписки представляютъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ образчиковъ аргументаціи нашего ученаго канониста. Необходимо поэтому остановиться на нихъ подольше. Вся рѣчь очевидно клонится къ тому, чтобы не только навести читателя на мысль о возможности слѣдовъ западно-католическаго вліянія въ обширной редакціи Закона суднаго, но и показать ему, что эта редакція произошла тамъ же и почти тогда же, гдѣ и когда образовалась, съ такими же слѣдами, и краткая редакція, т. е. въ Болгаріи, не позднѣе второй половины X вѣка. Выходитъ, слѣдовательно, что проф. Суворовъ не далекъ отъ нашего взгляда на мѣсто и время происхожденія обширной редакціи Закона суднаго, и, наоборотъ, значительно уклоняется отъ своей собственной догадки, по которой эта редакція есть не болѣе,

какъ „келейно-умозрительное упражненіе, сдѣланное, можетъ быть, уже на Руси, а не у южныхъ славянъ“ (стр. 158), и „вѣрнѣе, что на Руси: ибо, напримѣръ, статья этой редакціи „о послушествѣ поповскомъ“ показываетъ въ компиляторѣ „знакомство съ изводомъ предъ 12 человѣка по Русской Правдѣ“ (стр. 145, прим. 221). Но это негласное противорѣчіе есть только *методологическая* особенность настоящей аргументаціи проф. Суворова. Посмотримъ теперь, каковы его доводы съ *матеріальной* стороны. То обстоятельство, что Шишманъ давалъ своимъ сыновьямъ ветхозавѣтныя библейскія имена, доказываетъ только, что онъ *лично* предпочиталъ такія имена новозавѣтнымъ. Видѣть тутъ слѣдъ какого-то особеннаго вліянія на Болгарію со стороны католическаго запада тѣмъ болѣе странно, что у самихъ западныхъ народовъ, которые находились подъ давнишнимъ и непрерывнымъ вліяніемъ своей церкви, никогда не было въ обычаѣ давать дѣтямъ имена ветхозавѣтныхъ святыхъ предпочтительно предъ новозавѣтными, или своими народными. Другой фактъ—болгарскій переводъ апокрифическаго „завѣта 12-ти патріарховъ“, можетъ быть, говорилъ бы нѣчто въ пользу западнаго вліянія на Болгарію, если бы подлинникъ этого апокрифа, дѣйствительно, былъ „произведеніемъ западной, а не восточной церковной литературы“. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ принадлежитъ не западу, а востоку. Проф. Суворовъ легко могъ убѣдиться въ этомъ, заглянувъ въ любое изданіе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ, напримѣръ хоть въ Фабриціевъ Codex pseudepigraphus veteris testamenti, гдѣ (начиная со стр. 519-й) напечатанъ *греческій* подлинникъ изданнаго проф. Тихонравовымъ славянскаго „Завѣта 12 ти патріарховъ“. Наконецъ, заявленіе нашего автора, что *самыя раннія* греческія *извлеченія* изъ Моисеева законодательства не восходятъ далѣе XI вѣка и что они образовались тоже подъ вліяніемъ запада, ошибочно въ обѣихъ своихъ частяхъ. Самые старшіе *списки* этихъ извлеченій, *сколько намъ извѣстно*, дѣйствительно, относятся къ XI вѣку. Но что же отсюда слѣдуетъ? Самые старшіе списки Закона суднаго, какъ извѣстно, принадлежатъ только концу XIII вѣка; однакожъ это не мѣшаетъ

намъ относить происхожденіе *самаго „Закона суднаго“* къ эпохѣ обращенія болгаръ въ христіанство. Когда, по какому поводу и при какихъ обстоятельствахъ возникли греческія извлеченія изъ Моисеевыхъ законовъ и каково было ихъ значеніе въ исторіи византійскаго права,—эти вопросы не были прямо и во всей полнотѣ ихъ содержанія затронуты не только въ нашей историко-юридической литературѣ (если, конечно, не считать выше приведенной догадки проф. Суворова), но и въ трудахъ западныхъ ученыхъ юристовъ, такъ много сдѣлавшихъ для исторіи византійскаго или грекоримскаго права. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь вкратцѣ результаты нашихъ собственныхъ занятій изложенными вопросами.

Въ западной литературѣ по исторіи источниковъ византійскаго права твердо установленъ только тотъ библіографическій фактъ, что списки извѣстнаго греческаго „Избранія отъ закона, Богомъ даннаго чрезъ Моисея израильтянамъ“ (Ἐκλογὴ τοῦ παρὰ θεοῦ διὰ Μωυσῆ δοθέντος νόμου τοῖς Ἰσραηλίταις) обыкновенно стоятъ въ разныхъ юридическихъ сборникахъ *рядомъ или по близости* съ двумя важнѣйшими памятниками законодательной дѣятельности императоровъ-иконоборцевъ Льва Исаврянина и Константина Копронима—съ Эклогою и Земледѣльческимъ закономъ (νόμος γεωργικός) [1]). Всего чаще „Избраніе“ входитъ

---

[1]) См. *Mortreuil*, Histroire du droit byzantin, t. I. p. 376 и слѣд. Къ указаннымъ здѣсь рукописямъ мы можемъ прибавить еще: 1) греческую Кормчую Москов. синод. библіот. XI — XII в. № 476: здѣсь „Избраніе“ стоитъ предъ Νόμος γεωργικός (л. 203); 2) Ватиканской библіотеки codex Palatinus № 371. XIV в.: „Избраніе“—въ числѣ дополненій къ Эклогѣ (см. Codices mss. Palatini. Romae. 1885, p. 239); 3 и 4) двѣ рукописи XII вѣка, указанныя Цахаріэ въ аѳонскихъ монастырскихъ библіотекахъ: „Избраніе“—предъ Эклогою (см. Ἀνέκδοτα juris graeco-romani, praef. p. X, § V. 1; p. XVIII, n. 6); 5) рукопись библіотеки св. Марка въ Венеціи 1175 г.: „Избраніе“—послѣ Эклоги и Земледѣльческаго закона (см. *Zanetti*, Catalogus, p. 100; ср. *Morelli*, Divi Marci Bibliotheca mss-ta, p. 98). Большая часть этихъ рукописей—каноническаго содержанія. Дѣлаемъ это замѣчаніе въ виду предположительнаго заявленія проф. Суворова, что „въ греческихъ Кормчихъ не было, повидимому, обычнымъ включеніе Моисеева законодательства въ число статей, ихъ составляющихъ“ (стр. 151, прим. 237). Авторъ могъ бы легко убѣдиться въ противномъ, если бы, за неимѣніемъ подъ руками опи-

въ составъ особаго „дополненія къ Эклогѣ“ (Appendix Eclogae), которое въ рукописяхъ присоединяется и къ подлинному ея тексту, и къ позднѣйшимъ частнымъ переработкамъ [1]). А какъ это „дополненіе“, по согласному отзыву ученыхъ юристовъ-византологовъ, сдѣлано вскорѣ послѣ изданія Эклоги (Цахаріэ пріурочиваетъ его ко временамъ императрицы Ирины [1]), то „Избраніе отъ Моисеева законодательства“, составляющее само по себѣ самостоятельное цѣлое, могло появиться и нѣсколько раньше, т. е. вмѣстѣ съ Эклогою, съ которою оно раздѣляетъ и свое названіе (Ἐκλογή). Но если западные ученые и установили внѣшнюю (хронологическую) связь этой компиляціи съ законодательствомъ иконоборцевъ, то никому изъ нихъ не пришлось обращать вниманія на *внутреннее отношеніе* Эклоги изъ Моисеевыхъ законовъ къ Эклогѣ изъ прежнихъ римскихъ законовъ, несомнѣнно изданной первыми иконоборцами. Послѣдніе, уже по самымъ догматическимъ воззрѣніямъ своимъ, должны были питать особенное уваженіе къ „богоданнымъ“ Моисеевымъ законамъ, въ которыхъ они находили прямое запрещеніе иконопочитанія. Съ другой стороны, порвавъ во многихъ отношеніяхъ связь съ древнимъ римскимъ (Юстиніановымъ) правомъ, которое въ Эклогѣ является уже съ значительною примѣсью новыхъ, чисто-варварскихъ элементовъ, законодатели-иконоборцы тѣмъ охотнѣе должны были обращаться къ Моисеевымъ законнымъ книгамъ, что здѣсь находилось не мало такихъ

саній греческихъ рукописей разныхъ европейскихъ библіотекъ (на что онъ жалуется), внимательно просмотрѣлъ Мортрёля, предисловіе Цахаріэ къ его изданію Прохирона и приложеніе къ этому изданію, посвященное довольно подробному описанію греческихъ юридическихъ рукописей Бодлеевой библіотеки. Мы съ своей стороны могли бы вдвое увеличить сообщенный нами реэстръ рукописей, содержащихъ въ себѣ „Избраніе отъ закона Божія“, но считаемъ это въ настоящемъ случаѣ дѣломъ излишнимъ.

[1]) Appendix Eclogae изданъ у Цахаріэ въ Ἀνέκδοτα juris graeco-romani, p. 184—194. Какъ составная часть одной частной переработки Эклоги (такъ называемой Ecloga ad Prochiron mutata), „Избраніе отъ закона Божія“ издано тѣмъ же Цахаріэ въ Jus graeco-romanum, Pars VI, p. 52—54.

[2]) См. Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 2-te Aufl. s. 12. Ирина царствовала съ 797 по 802 г.

нормъ, которыя оказывались совершенно пригодными для современныхъ соціальныхъ отношеній и совершенно согласными съ юридическими воззрѣніями варварскихъ и полуварварскихъ массъ, составлявшихъ громадное большинство тогдашняго населенія византійской имперіи. Вотъ историческія причины, установившія внутреннюю связь законодательства императоровъ исаврійской династіи съ законодательствомъ Моисея. Связь эта съ особенною ясностію можетъ быть наблюдаема въ тѣхъ самыхъ памятникахъ законодательной дѣятельности иконоборцевъ, которые въ рукописяхъ всего чаще соединяются съ „Избраніемъ отъ закона Божія, даннаго израильтянамъ чрезъ Моисея“, – въ Эклогѣ и Земледѣльческомъ законѣ. Предисловіе къ Эклогѣ наполнено библейскими мѣстами о правосудіи, между прочимъ, и такими, какія находятся въ первой главѣ „Избранія отъ закона Божія“ [1]). Въ самыхъ постановленіяхъ Эклоги встрѣчаются дословныя цитаты изъ разныхъ св. книгъ ветхаго завѣта [2]). Что же касается до Земледѣльческаго закона, то нѣкоторыя статьи его суть почти буквальныя выписки изъ Моисеевыхъ законныхъ книгъ [3]). Но такъ какъ ни Эклога, ни Земледѣльческій законъ, ни другіе законодательные акты иконоборцевъ далеко не обнимали собою всего дѣйствовавшаго тогда права византійской имперіи, то на ряду съ ними для практики необходимы были разныя дополнительныя компиляціи, извлеченныя частію изъ источниковъ прежняго рим-

1) Большая часть этихъ библейскихъ мѣстъ указаны издателемъ Эклоги Цахаріэ; но онъ не досмотрѣлъ цитаты; сближающей предисловіе Эклоги съ первою главою „Избранія отъ закона Божія“: въ томъ и другой приводятся слова Второзаконія гл. XVI ст. 19: τὰ γὰρ δῶρα ἐκτυφλοῖ ὀφθαλμοὺς βλεπόντων (по Эклогѣ: σοφῶν ὀφθαλμούς).

2) Напримѣръ въ tit II, с. 6 приводится мѣсто изъ Сираха (III, 9—11); въ tit. II, с. 12—библейское сказаніе о сотвореніи человѣка въ видѣ мужа и жены и неразрывномъ соединеніи ихъ въ плоть едину; въ tit XVIII (о раздѣленіи военной добычи) приводятся слова Второзаконія гл. XXIII, ст. 9: ἐὰν δὲ ἐξέλθῃς προεμβαλεῖν ἐπὶ τοὺς ἐχθρούς σου, καὶ φυλάξῃ ἀπὸ παντὸς ῥήματος πονηροῦ (Эклога: Τοὺς ἐξερχομένους εἰς ἐχθρους ἐπὶ πολέμῳ φυλάξασθαι δεῖ ἑαυτοὺς ἀπὸ παντὸς πονηροῦ ῥήματος καὶ πράγματος).

3) Ср. напримѣръ глл. 23, 26, 27 и 41 греческаго текста Земледѣльческаго закона (по нашему изданію въ „Книгахъ Законныхъ“) съ Исход. гл. XXII, ст. 13, 10, 11, 14; гл. 43—съ Второз. гл. XXII, ст. 1—2; гл. 61-ю—съ Второзак. гл. XXIII, ст. 24.

скаго права, на сколько оно оставалось еще въ дѣйствіи, частію изъ Моисеева законодательства, изъ котораго, какъ мы видѣли, черпали матеріалъ для своихъ законовъ и сами императоры. Такъ произошло *особое* извлеченіе изъ Моисеевыхъ законныхъ книгъ, составленное если и частнымъ лицомъ, то, по всей вѣроятности, не безъ импульса со стороны самой законодательной власти.

Таже самая, т. е. внѣшняя и внутренняя связь византійской Эклоги съ законодательствомъ Моисея дастъ себя видѣть и въ болгарской законодательной работѣ, извѣстной подъ именемъ „Закона суднаго“. И эту связь можно наблюдать не только въ обширной, но и въ краткой редакціи славянскаго Закона. Такъ мы уже видѣли, что 2-я статья этого Закона въ краткой его редакціи оказывается весьма близкою къ предпослѣдней главѣ „Избранія отъ закона Божія“. Что же касается до заимствованій изъ Моисеева законодательства, входящихъ въ составъ обширной редакціи „Закона суднаго“, то всѣ они довольно обстоятельно указаны въ примѣчаніяхъ къ тексту этой редакціи, напечатанному во 2-й части Русскихъ Достопамятностей [1]).

Нужно впрочемъ оговориться, что самъ авторъ, повидимому, сознавалъ слабость всѣхъ до сихъ поръ приведенныхъ имъ доказательствъ западнаго вліянія на обширную редакцію Закона суднаго. Свое „сужденіе“, основанное на этихъ только доказательствахъ, онъ прямо называетъ „гипотетическимъ“ (стр. 156) и затѣмъ переходитъ къ указанію „несомнѣнныхъ“ слѣдовъ католическаго вліянія на упомянутую редакцію Закона суднаго, именно: „мы находимъ здѣсь, говоритъ онъ, нѣсколько статей изъ Мерзебургскаго пенитенціала, или, правильнѣе (да, это будетъ *гораздо правильнѣе*) изъ „Заповѣди св. Отецъ“. Дѣйствительно, двѣ статьи распространеннаго „Закона суднаго, какъ видно изъ

---

[1]) Замѣчательно, что и въ славянскихъ рукописныхъ Кормчихъ, Мѣрилахъ Праведныхъ и другихъ юридическихъ сборникахъ „Избраніе отъ закона Божія“, Законъ Судный и Эклога обыкновенно помѣщаются рядомъ или почти рядомъ (такъ, что между двумя послѣдними статьями ставится „Градской законъ“—Прохиронъ).

представленнаго авторомъ сравненія ихъ съ „Заповѣдію„ (стр. 156—157), должны быть признаны прямыми заимствованіями изъ этой послѣдней. Принимаемъ къ свѣдѣнію этотъ фактъ, вопервыхъ, какъ доказательство глубокой древности „Заповѣди св. Отецъ“, и вовторыхъ, какъ первый и старшій примѣръ, оправдывающій высказанное нами замѣчаніе, что всѣ вообще памятники, подобные „Заповѣди св. Отецъ“, разъ пущенные въ обращеніе, дѣлались потомъ источникомъ для разныхъ однородныхъ съ ними компиляцій. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ массу и другихъ примѣровъ въ томъ же родѣ.

III.

Отъ закона суднаго авторъ переноситъ свои наблюденія на разные древне-русскіе и славянскіе памятники канонническаго и обрядоваго содержанія, открывая въ тѣхъ и другихъ „болѣе или менѣе замѣтные слѣды вліянія западно-католическаго церковнаго права“ (стр. 160). Здѣсь онъ всего чаще встрѣчаетъ „слѣды“ уже хорошо знакомой намъ Заповѣди св. отецъ и, само собою понятно, указываетъ на нихъ, какъ на „несомнѣнныя“ доказательства вліянія западнаго церковнаго права на церковное правообразованіе въ древней Руси и у другихъ славянскихъ народовъ, принявшихъ христіанство изъ Византіи. Эти указанія почтеннаго автора не лишены интереса и для насъ. Они даютъ намъ самый удобный случай иллюстрировать на примѣрѣ Заповѣди общую судьбу, какую испытывали и на востокѣ и на западѣ всѣ подобные памятники подъ руками позднѣйшихъ „списателей“ или, по нынѣшнему, компиляторовъ. Встрѣчая то тутъ, то тамъ разные отрывки Заповѣди, мы все болѣе укрѣпляемся въ убѣжденіи, что такова же была судьба и ея греческаго подлинника, исчезнувшаго для насъ въ необъятной массѣ неизданныхъ греческихъ епитимейниковъ, о которыхъ мы знаемъ пока только по печатнымъ каталогамъ рукописей, хранящихся въ разныхъ библіотекахъ запада и востока.

Самое древнее свидѣтельство о томъ, что Заповѣдь св. отецъ была извѣстна и употреблялась въ Россіи, проф. Суворовъ совершенно правильно указываетъ въ „Въпрошаніяхъ“ Кирика и другихъ духовныхъ лицъ Новгородскому епископу Нифонту, слѣдовательно, въ памятникѣ первой половины XII вѣка. Кирикъ, записавъ отвѣтъ своего владыки на вопросъ: „аще человѣкъ блюеть причащався?“,— сдѣлалъ и отъ себя прибавку: „А се нѣвкоторой заповѣди налѣзохъ (вотъ что я нашелъ въ одной заповѣди): „Аще кто обьядъся изблюеть причастіе, да трегубуетъ м̄ дній— р̄ и к̄. Аще отъ болѣзни кто изблюеть причастье, г̄ дни да поститься, а еже есть изблевалъ, да схранить на огни, р̄ псаломъ да испоетъ; аще ли то пси вкусять, м̄ дній да поститься“ [1]). „Это—скажемъ словами автора—есть буквальная выдержка или выписка изъ 16 и 18 статей Заповѣди св. отецъ“ (стр. 161). Затѣмъ самъ Нифонтъ въ отвѣтахъ другому своему вопрошателю — Саввѣ привелъ, тоже почти дословно, одно (42-е) правило изъ Заповѣди, не указывая впрочемъ на этотъ источникъ [2]).

„Доказательствомъ широкаго распространенія на Руси Заповѣди св. отецъ - продолжаетъ проф, Суворовъ—служитъ и то, что составители и переписчики русскихъ церковныхъ сборниковъ включали въ епитимійныя правила большее или меньшее количество статей изъ Заповѣди св. отецъ. Это доказательство прежде всего мы находимъ въ „Заповѣди св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщерямъ“, которая проф. Тихонравовымъ издана въ „Памятникахъ отреченной русской литературы“ подъ рубрикой: „Худые номоканунцы“, а проф. Голубинскимъ напечатана въ его „Исторіи русской церкви“ въ качествѣ „устава бѣлеческаго“ (т. е. устава для мірянъ) русскаго митрополита Георгія“ (стр. 163). По поводу этихъ двухъ названій

---

1) Рус Истор. Библ. т. VI, стр. 23.

2) Тамъ же, стр. 52, статья 3: „Аще ли, речеть, (кто—Нифонтъ или „Заповѣдь св. отецъ“?) умреть дѣтя нехрьщено, небреженіемъ родитель, или поповымь, велми (не нужно ли читать: вели?) за душегубье поста г̄ лѣта; аще ли не вѣдуче, то нѣту епитемьи“.

одного и того же памятника, авторъ замѣчаетъ, что „ни то, ни другое не приличествуетъ „Заповѣди св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ“. Къ худымъ номоканунцамъ она не причислялась въ старинныхъ церковныхъ сборникахъ (въ индексахъ „отреченныхъ книгъ“ — хочетъ, вѣроятно, сказать авторъ ?), да и по существу не можетъ быть причисляема къ нимъ, *такъ какъ въ ней нѣтъ ничего апокрифическаго* (?). Уставомъ митрополита Георгія назвать ее нельзя потому, что она представляетъ собою смѣсь разнородныхъ вещей, а не произведеніе одного автора“ (стр. 164). Первое замѣчаніе мы признаемъ вполнѣ неправильнымъ. Въ старинныхъ нашихъ индексахъ „отреченныхъ книгъ“ упоминаются, между прочимъ, „худые номоканунцы у поповъ по молитвенникомъ“; а что „Заповѣдь св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ“ *по существу* должна быть причислена къ худымъ или апокрическимъ номоканунцамъ, это видно изъ того, что въ ней находится немалое число правилъ, поражающихъ странностію своего содержанія. Одно изъ такихъ правилъ, гласящее: „оже въ недѣлю и въ субботу и въ пятокъ лежитъ человѣкъ, а зачнетъ дѣтя, будетъ любо татъ, любо разбойникъ, любо трепетивъ, а родительма опитемья два лѣта“, было прочитано тѣмъ же Кирикомъ епископу Нифонту, и вызвало со стороны послѣдняго такой отвѣтъ: „А ты книгы годиться сжечи“ [1]). Что же касается до названія, какое дано этому худому номоканунцу въ „Исторіи русской церкви“ проф. Голубинскаго, то мы совершенно согласны съ мнѣніемъ нашего почтеннаго товарища по наукѣ, что „Заповѣдь ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ“ никакъ не можетъ быть выдаваема за „уставъ митрополита Георгія“. По этому предмету мы уже имѣли случай высказать свое

---

1) Русс. Ист. Биб. т. VI, стр. 44, статья 74. Замѣчательно, что и самъ проф. Суворовъ, не досмотрѣвъ этого правила въ „Заповѣди св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ“ (см. у Тихонравова т. II, стр. 302—303), находитъ, что другой худой номоканунецъ *съ тѣмъ же самымъ правиломъ*,, изданный Тихонравовымъ вслѣдъ за „заповѣдью“, *несомнѣнно принадлежитъ къ числу апокрифовъ*, „*худыхъ номоканунцевъ*“ въ собственномъ смыслѣ слова“ (стр. 163).

мнѣніе въ открытомъ письмѣ къ достоуважаемому автору „Исторіи русской церкви“, напечатанномъ въ февраль. книжкѣ „Православнаго Обозрѣнія“ за 1881 годъ. Такъ какъ это письмо осталось неизвѣстнымъ проф. Суворову, а между тѣмъ высказанныя въ немъ возраженія противъ подлинности такъ названнаго профессоромъ Голубинскимъ „Георгіева устава“ раздѣлены были съ нами лицами вполнѣ компетентными (разумѣемъ профессора Кіевской духов. академіи И. И. Малышевскаго, написавшаго, по порученію Академіи Наукъ, подробную рецензію на „Исторію русской церкви“ Е. Е. Голубинскаго), то мы находимъ нелишнимъ сдѣлать оттуда нѣкоторыя выписки, относящіяся къ настоящему вопросу. Вотъ что, между прочимъ, мы писали тогда автору „Исторіи русской церкви“: „Основанія, на которыхъ Вы утверждаете догадку о принадлежности одного изъ „худыхъ помоканунцевъ“ митрополиту Георгію, заключаются въ слѣдующемъ: „Кирикъ въ своемъ „Вопрошаніи“ пишетъ: „рѣхъ (епископу Нифонту): написано, владыко, есть *въ уставѣ бѣлеческомъ*, яко добро бы блюстися (мужамъ отъ женъ въ великій постъ), яко Христовъ постъ есть“. Еще: „прочтохъ ему (Нифонту) *изъ нѣкоторой заповѣди*: „аже въ недѣлю и въ субботу и пр. (приведено выше). И еще: „прошахъ и сего: аже даютъ сорокоустье служити за упокой, а еще живи суще?—Не можетъ, рече, взборонити того, аже приносятъ спасенья хотяче души своей, *еже творишь и митрополита Георгія написавша*, а нѣту того нигдѣже“.—Первое и второе написано, говорите Вы, а третье запрещается именно въ нашей заповѣди, изъ чего и слѣдуетъ, что она есть то сочиненіе, которое онъ (Кирикъ) называетъ уставомъ бѣлеческимъ и нѣкоторою заповѣдью и которое онъ приписываетъ митрополиту Георгію“ (И. Р. Ц. т. I, стр. 371, прим. 1). Такое заключеніе представляется мнѣ слишкомъ поспѣшнымъ. Уже самое разнообразіе цитатъ Кирика: „нѣкоторая заповѣдь“, „уставъ бѣлеческій“, „написаніе митрополита Георгія“ показываетъ, что онъ имѣлъ дѣло не съ однимъ, а съ разными источниками. Если же Вы находите всѣ эти источники въ составѣ одного цѣлаго, *принадлежащаго, по письму, XV или*

XVI в. (т. е. въ „заповѣди ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ“), то отсюда нельзя еще заключать, чтобы *такое же точно цѣлое* существовало уже въ XII вѣкѣ, только подъ различными или (точнѣе выражая Вашу мысль) съ *тремя* различными надписаніями. Напротивъ, общая судьба памятниковъ, подобныхъ Вашему „уставу митрополита Георгія“, была такова, что они подъ руками позднѣйшихъ переписчиковъ и компиляторовъ разнообразились въ своемъ составѣ и содержаніи почти до безконечности. Единственная цитата у Кирика, въ которой *прямо* упоминается митрополитъ Георгій, сама по себѣ даетъ только право заключать, что ему, Кирику, извѣстно было какое-то правило или постановленіе названнаго митрополита о сорокоустѣ по живыхъ. Но ни откуда не видно, чтобы правило это въ передачѣ Кирика или, точнѣе, Нифонта имѣло тотъ самый *запретительный* смыслъ, какой данъ ему въ Вашемъ „Георгіевомъ уставѣ“ [1]). Послушаемъ еще разъ и подольше бесѣду новгородскаго владыки съ своимъ клирикомъ: „*Не* можетъ (попъ) взборонити того (сорокоуста по живыхъ), отвѣчалъ Нифонтъ, аже приносять спасенія хотяче души своей, еже творишь и митрополита Георгія написавша, *а нѣту того нигдѣ же*. Луче бы имъ, да быша добру другу поручили, давше что, абы послѣди исправилъ, или убогимъ, и всѣмъ Бога ради пріемлющимъ“ [2]) и проч. Я перевожу это такъ: „нельзя возбранять сорокоуста по живыхъ, если они сами дѣлаютъ такія приношенія для спасенія своей души, *что*, какъ ты говоришь, написалъ и митрополитъ Георгій, *хотя онъ нигдѣ этого не писалъ*. Я же думаю, что лучше было бы имъ поручать доброму другу часть своего имѣнія, съ тѣмъ, чтобы онъ, послѣ ихъ смерти, исправилъ по нихъ сорокоустъ и роздалъ милостыню“. Итакъ весь контекстъ рѣчи — скорѣе въ пользу того, что Кирикъ имѣлъ въ виду правило митрополита Георгія. *дозволяющее* сорокоусты по живыхъ, съ чѣмъ былъ *невполнѣ*

[1]) Оно читается здѣсь такъ: „Аще кто живъ сый, вдасть за ся сорокоустье, пѣти *не* достоитъ ему“, прав. 58 (у Голубинскаго, т. I, стр. 516).

[2]) Вѣроятно, сорокоусты при жизни заказывали по себѣ люди одинокіе, у которыхъ не было своихъ поминателей (теперешняя приписка).

согласенъ Нифонтъ. Впрочемъ для нашего вопроса всего важнѣе то, что Новгородскій владыка *вовсе отрицалъ* существованіе какого либо Георгіева правила по предмету бесѣды [1]). Въ виду этого авторитетнаго и, надобно согласиться, крайне для Васъ неблагопріятнаго свидѣтельства, Вы нашлись вынужденнымъ сдѣлать такую оговорку: „странную судьбу имѣло сочиненіе Георгія въ періодъ домонгольскій. Какъ написанное митрополитомъ, оно, повидимому, должно было получить всеобщую распространенность и всеобщую извѣстность и стать до нѣкоторой степени какъ бы оффиціальнымъ уставомъ русской церкви. Однако этого вовсе не случилось. Спустя 50 лѣтъ послѣ смерти Георгія, а можетъ быть и менѣе, о существованіи его сочиненія вовсе не знали епископы, и оно извѣстно было только нѣкоторымъ“ (371). Для меня (какъ вѣроятно и для многихъ другихъ) въ настоящемъ случаѣ знаменательно уже то, что о правилахъ митрополита Георгія ничего не знаетъ такой епископъ, какъ Нифонтъ Новгородскій, котораго и Вы гдѣ-то похваляете за хорошее знакомство съ церковными правилами, и наоборотъ, знаетъ какой нибудь Кирикъ— одинъ изъ сонма тѣхъ малограмотныхъ поповъ, въ средѣ которыхъ, по свидѣтельству извѣстнаго списка „отреченныхъ“ книгъ, и обращались всѣ „худые номоканунцы“ (стр. 345—347). Затѣмъ, приведя уже извѣстный отзывъ Нифонта о правилѣ, прочитанномъ ему Кирикомъ „изъ нѣкоторой заповѣди“ (или изъ мнимаго „Георгіева устава“), мы замѣтили почтенному автору „Исторіи русской церкви“: „Итакъ Вы еще не вполнѣ изобразили „странную судьбу“ Георгіева сочиненія въ до-монгольскій періодъ: епископы, спустя 50 лѣтъ послѣ смерти Георгія, а можетъ быть и менѣе, не только не знали этого сочиненія, но узнавъ, приказывали сожигать оное“ (стр. 348). Кромѣ того, подобно проф. Суворову, мы указывали въ своемъ письмѣ на разновременность и разнородность составныхъ частей мнимо Георгіева устава, между прочимъ, отмѣтили въ его

[1]) Замѣчательно, что къ Нифонту обращался *съ тѣмъ же* вопросомъ и какой-то Савва; но на этотъ разъ уже не было помину о митрополитѣ Георгіи. См. Рус Ист. Библ. т. VI. стр. 56—57.

составѣ нѣсколько дословныхъ выписокъ изъ извѣстнаго сочиненія болгарскаго пресвитера Косьмы противъ Богомиловъ, и высказали такое общее заключеніе: „всѣ доселѣ указанные источники мнимаго „устава м-та Георгія“ ведутъ насъ въ Болгарію, родину почти всѣхъ нашихъ апокрифовъ. Въ Россію онъ перешелъ весьма рано и, какъ видно, былъ уже въ рукахъ у Кирика. Здѣсь, т. е. въ Россіи, болгарскій „номоканунецъ“ естественно получилъ мѣстную окраску и мѣстныя дополненія, къ которымъ мы относимъ, между прочимъ, всѣ пункты „устава“, гдѣ онъ оказывается сходнымъ (иногда буквально) съ „въпрошаніями“ Кирика“ (стр. 349—350).

Послѣ этой выписки, намъ остается только повторить слова проф. Суворова: „въ составъ „Заповѣди св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ“ или „устава бѣлеческаго“, какъ называетъ ее проф. Голубинскій, вошло нѣсколько статей изъ той „Заповѣди св. отецъ“, которая находится въ Румянцовской Кормчей № 230 и которая издана Гейтлеромъ въ его Евхологіѣ“ (стр. 166). Тоже должно сказать о значительномъ числѣ южно-славянскихъ (болгарскихъ и сербскихъ) епитимейниковъ, оставшихся неизвѣстными проф. Суворову. Изъ одного изъ нихъ (пергаминнаго XIV вѣка), принадлежавшаго покойному В. И. Григоровичу, мы привели въ VI-мъ томѣ Русской Исторической Библіотеки, въ примѣчаніи къ первому вопросу Кирика, текстъ вписанной имъ въ свои „въпрошанія“ статьи изъ Заповѣди св. отецъ. Это примѣчаніе не ускользнуло отъ вниманія автора и, очевидно, возбудило въ немъ интересъ, такъ какъ онъ выразилъ желаніе знать: „всѣ или только нѣкоторыя статьи этой заповѣди вошли въ епитимейникъ“ (стр. 167). Спѣшимъ удовлетворить любознательности нашего почтеннаго товарища по наукѣ,—и тѣмъ охотнѣе, что какъ выше упомянутый епитимейникъ, бывшій Григоровича, такъ и пять другихъ, *давно уже изданы* академикомъ Ягичемъ въ его Opisi i Izvodi iz nekoliko juznoslovinskich rucopisa (Загребъ, 1873—1874, стр. 165—169 и 184—194. 200. Статьи изъ „Заповѣди св. отецъ“ приводятся въ двухъ изъ этихъ епитимейниковъ, означенныхъ у

издателя №№ 1 и 6: въ первомъ находимъ 9 статей [1]), а во второмъ—болѣе 30-ти [2]). Этотъ примѣръ изъ исторіи древне-славянской канонической письменности наглядно показываетъ, чего можно было бы ожидать и отъ *греческихъ* епитимейниковъ, остающихся пока въ рукописяхъ, для возстановленія текста того оригинала, съ котораго переведена славянская Заповѣдь св. отецъ.

Но не одна эта Заповѣдь, по наблюденіямъ проф. Суворова, оставила „слѣдъ западно-католическаго вліянія“ на памятникахъ древне-славянскаго и русскаго церковнаго права Почтенный авторъ подозрѣваетъ, что на Руси не безъизвѣстенъ былъ и другой латинскій пенитенціалъ, кромѣ „Заповѣди св. отецъ“. Указаніе на этотъ теперь неизвѣстный пенитенціалъ авторъ находитъ въ слѣдующей цитатѣ Кирика: „а се прочтохъ ему (Нифонту), како епитемьи избавляетъ ѳ литургій за д̑ мѣсяцы, а к̑ за н̑, а а̑ за лѣто“. Выраженный здѣсь „принципъ замѣны покаянія служеніемъ литургій“ проф. Суворовъ признаетъ за исключительную принадлежность западныхъ пенитенціаловъ и потому не находитъ возможнымъ предположить для прочитаннаго Кирикомъ правила существованіе какого нибудь другого источника, кромѣ латинскаго. Ставъ на эту точку зрѣнія, авторъ оправдываетъ свою догадку свидѣтельствами препод. Ѳеодосія печерскаго и самого Кирика, изъ коихъ онъ усматриваетъ, что въ XI и XII вв. русская земля открыта была самому широкому вліянію латинскаго запада. Но какая необходимость и въ настоящемъ случаѣ предполагать западное вліяніе, когда извѣстенъ полный текстъ того *юго-славянскаго* епитимейника, изъ котораго Кирикъ прочиталъ своему епископу выше приведенное правило? [3]). Все содержаніе этого епити-

1) Именно слѣдующія: 21, 42, 19, 26, 30, 10, 34, 14, 2 (въ такомъ порядкѣ приводятся онѣ въ епитимейникѣ).

2) Именно слѣдующія: 20, 21, 45, 46, 47, 29, 31, 33, 34, 41, 39, 42, 44, 43, 2, 4, 8, 9, 10, 11, 13, 19, 26, 36, 17, 5, 6 (послѣднія двѣ статьи слиты въ одну), 15, 16, 18 (послѣднія двѣ соединены въ одну), 14, 32 (измѣнена), 38.

3) Прочитанное Кирикомъ Нифонту правило о покаянныхъ литургіяхъ находится въ не разъ упомянутомъ нами епитимейникѣ Григоровича XIV в. См. у Ягича въ цитов. соч. стр. 178.

мейника—несомнѣнно греко-восточное, и хотя мы не знаемъ совершенно такого же греческаго канонарія, но можемъ указать на другіе, по которымъ служеніе литургій точно также входило въ составъ епитиміи, какъ это принято было и въ латинскихъ пенитенціалахъ. Напримѣръ, въ извѣстномъ Котельеровомъ номоканонѣ (XI—XII в.) совершеніе литургій представляется такимъ подвигомъ покаянія, за который кающіеся удостоиваются вѣнца небеснаго, прощенія всѣхъ грѣховъ, разрѣшенія отъ всѣхъ нравственныхъ паденій, и получаютъ надежду услышать отъ Праведнаго Судіи евангельскій призывъ: *пріидите благословенніи Отца моего* [1]). Само собою понятно, что при такомъ воззрѣніи на покаянныя литургіи частое и усердное совершеніе ихъ по заказу епитимійцевъ признавалось вполнѣ уважительнымъ поводомъ къ сокращенію для нихъ срока самой епитиміи [2]).

[1]) Nomoc. Coteler. cap. 323: περὶ δὲ πάντων τῶν πτωμάτων αἱ λειτουργίαι εἰσὶν, στέφανος οὐράνιος, καὶ συγχώρησις παντοίων ἁμαρτιῶν, καὶ λύσις τῶν πταισμάτων, καὶ τῆς αἰωνίου ζωῆς ἐλπίδα (sic), καὶ μακάριοι οἱ ζῶντες καὶ παιοῦντες αὐτάς· οὗτοι γὰρ μέλλουσιν ἀκοῦσαι· Δεῦτε οἱ εὐλογημένοι τοῦ πατρός μου. Мы относимъ этотъ номоканонъ къ XI—XII в. по его происхожденію, а не по списку, по которому онъ изданъ. Примѣры изъ другихъ греческихъ номоканоновъ, говорящихъ о служеніи литургій, какъ составной части епитиміи, см. у Дюканжа въ средневѣковомъ греческомъ Глоссаріи подъ словомъ λειτουργία и въ номоканонѣ, изданномъ проф. Суворовымъ въ приложеніи № 3 (статьи 27—29 и 50, 51). Или издатель и здѣсь предполагаетъ слѣдъ католическаго вліянія? Но мы уже видѣли, что тѣ статьи этого номоканона, въ которыхъ онъ прямо указываетъ такіе слѣды, находятъ себѣ двойниковъ въ старшихъ греческихъ покаянныхъ номоканонахъ, которые должны быть признаны свободными отъ всякаго католическаго вліянія (см. выше, стр.). Тоже приходится повторить и теперь.

[2]) Какъ обычно было въ греческой церковной практикѣ назначать въ епитимію, наряду съ другими подвигами покаянія, и совершеніе литургій, видно изъ того, что этой практики держались не только простые духовники, но и сами вселенскіе патріархи. Такъ патріархъ Матѳей (ок. 1400 г.), назначая епитимію убійцѣ, писалъ ему: πρῶτον μὲν κλαῖε, καὶ πρόσπιπτε, καὶ ἐκλιπάρει πρὸς ἐξιλέωσιν, λειτουργίας ἐργαζόμενος καὶ εὐχέλαια (Миклошичъ и Мюллеръ, Acta patriarchatus Constantinopolitani, t. II, p. 319). Неодобрительный отзывъ объ этой практикѣ, данный русскимъ епископомъ XII вѣка (Нифонтомъ Новгородскимъ), мотивированъ такимъ соображе-

Новый слѣдъ католическаго вліянія на древне-славянскую дисциплину церковныхъ покаяній проф. Суворовъ находитъ въ одной разрѣшительной молитвѣ, входящей въ составъ особаго чина покаянія или „примиренія“, который всего чаще встрѣчается въ юго-славянскихъ (и русскихъ) Кормчихъ съ такимъ надписаніемъ: **Уныъ, рекше молитвы оцѣщенню и примиренню каюшихъся. Молитва надъ каюшимъся, рекше прьвоіе н̃ пр̃мь и х̃ъ и р̃в. таже молитвоу сню**“. Самая молитва начинается словами: **Вл̃дко г̃н б̃е нашь, иже каюуа цр̃твыа твоего Петроу верьховнемоу ап̃лоу пороуувъ и на немъ с̃тоую твою цр̃кьь создавъ и давъ емоу власть твоіею бл̃годѣтью вазати и разрѣшати на земли** и проч. Слова эти настолько поразили нашего автора, что онъ, не найдя ничего подобнаго въ греческихъ разрѣшительныхъ молитвахъ, напечатанныхъ у Морина и Гоара (въ чинопослѣдованіяхъ исповѣди), безъ дальнихъ околичностей объявляетъ, что „напрасно было бы“ и искать такой молитвы у грековъ: „грекъ не могъ-де составить такой молитвы, въ которой личность апостола Петра выдвигается изъ ряду другихъ апостоловъ такъ, что Господь ему, верховному апостолу, поручилъ ключи царства небеснаго, на немъ, верховномъ апостолѣ, основалъ и создалъ свою церковь, и ему далъ власть Своею благодатію вязать и разрѣшать на землѣ. Подобныя воззрѣнія на апостола Петра—продолжаетъ авторъ не согласуются съ тѣмъ экзегетическимъ пріемомъ восточной теологіи, по которому слова Господа: „ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей“ относятся не къ лицу апостола, къ которому обращена рѣчь Христа, а къ вѣрѣ, какъ понятію, отвлеченному отъ лица“ (стр. 171). Все это—апріорныя соображенія, доказывающія только, что авторъ недостаточно зна-

ніемъ: „царь бы, али иніи богатіи съгрѣшающе, а даяли за ся службу, а сами ся не отрече нимало. Неугодно“. Но замѣчательно, что во многихъ спискахъ „Въпрошаній“ Кирика у Нифонта смыслъ епископскаго отвѣта измѣненъ въ противоположный, именно вмѣсто слова: „неугодно“ стоитъ: „се годно“ (см. Русс. Истор. Библіот. т. VI, стр. 44, прим. 16). Если это послѣднее чтеніе не есть оригинальное, то оно во всякомъ случаѣ показываетъ, что мнѣніе Нифонта не сдѣлалось общимъ правиломъ русской церковной практики.

комъ съ литературою затронутаго имъ богословскаго вопроса и, въ добавокъ, не довольно внимательно справлялся съ тѣми книгами, на которыя такъ рѣшительно ссылается. Въ Гоаровомъ изданіи греческаго Евхологіона находится прямой подлинникъ славянской молитвы, смутившей нашего ученаго канониста своимъ мнимо „католическимъ духомъ“, но находится онъ не тамъ, гдѣ искалъ его нашъ авторъ — не въ чинопослѣдованіи исповѣди, а въ чинѣ принятія отступниковъ отъ православной вѣры, извѣстномъ подъ именемъ патріарха Меѳодія и до сихъ поръ составляющемъ традиціонную принадлежность какъ греческихъ, такъи славянскихъ (русскихъ) Требниковъ[1]). Тотъ же самый чинъ, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ и безъ имени патріарха Меѳодія, встрѣчается и въ греческихъ Кормчихъ той самой редакціи, къ которой принадлежатъ югославянскія Кормчія, содержащія въ себѣ дословный переводъ этого чина, т. е. въ Кормчихъ, представляющихъ церковныя правила въ сокращенномъ текстѣ и съ толкованіями Аристина[2]). Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ спискахъ Евхологіона, занимающій насъ чинъ покаянія или „примиренія кающихся“ является

[1]) Погречески молитва начинается словами: Δέσποτα κύριε ὁ θεὸς ἡμῶν, ὁ τὰς κλεῖς βασιλείας σου Πέτρῳ τῷ κορυφαίῳ τῶν ἀποστόλων κατεμπιστεύσας, καὶ ἐπ' αὐτῷ τὴν ἁγίαν σου ἐκκλησίαν οἰκοδομήσας, καὶ δοὺς αὐτῷ ἐξουσίαν διὰ τῆς σῆς χάριτος τοῦ δεσμεῖν καὶ λύειν τὰ ἐπὶ τῆς γῆς κτλ. См. Goar, Euchologion, ed. Parisiis. 1647, p. 878. Замѣчательно, впрочемъ, что въ позднѣйшихъ изданіяхъ греческаго Евхологіона молитва эта измѣнена такъ, что въ ней говорится уже не объ одномъ верховномъ апостолѣ, а о всѣхъ апостолахъ (анонимно), какъ въ равной мѣрѣ пріявшихъ отъ Господа власть вязать и рѣшить. См. напр. Евхологіонъ веніціанскаго изданія 1869 г., стр. 593. Но наши славянскіе Требники до сихъ поръ остаются неизмѣнно вѣрными первоначальному греческому тексту молитвы. См. въ новыхъ изданіяхъ Большаго Требника гл. 97.

[2]) Довольно обстоятельное описаніе такой греческой Кормчей читатель можетъ найти въ капитальномъ трудѣ проф. Н. Ѳ. Красносельцева, подъ заглавіемъ: „Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской библіотеки“. Казань 1885, стр. 61—63. Въ Кормчихъ, греческихъ и славянскихъ, „чинъ примиренія“ имѣетъ только двѣ молитвы — ту, о которой идетъ рѣчь въ текстѣ, и другую начинающуюся словами: „Боже, простивый Нафаномъ пророкомъ Давида“, тогда какъ въ Требникахъ, гдѣ чинъ этотъ является съ именемъ патріарха Меѳодія, всѣхъ молитвъ шесть.

съ тѣмъ же самымъ надписаніемъ, какое даютъ ему славянскія Кормчія, именно: Εὐχὴ εἰς ἱλασμόν (далѣе подразумѣвается: ἀναγινωσκομένη) μετὰ τὸν ν' ψαλμόν, καὶ λ', καὶ ρβ' [1]) Мы дѣлаемъ это, повидимому, мелочное замѣчаніе въ виду того обстоятельства, что проф. Суворовъ и въ выше приведенномъ славянскомъ надписаніи „чина примиренія“ усматриваетъ нѣчто „западно-католическое“ и подтверждаетъ свой взглядъ слѣдующими доводами: 1) „этотъ чинъ примиренія уже *самымъ названіемъ* своимъ подаетъ мысль о западномъ, а не о восточномъ вліяніи на его составителей, потому что на западѣ, гдѣ практиковалось *публичное* церковное покаяніе, былъ въ употребленіи и особый чинъ или порядокъ *примиренія* публично кающагося съ церковію“ (ordo ad reconciliandum poenitentem); 2) „въ восточныхъ чинопослѣдованіяхъ исповѣди, какія существовали въ то время (т. е. въ эпоху появленія славянскаго „чина примиренія“), указывались не тѣ псалмы“, какіе означены въ надписаніи этого чина (стр. 172—173). На первый доводъ мы уже дали отвѣтъ выше, приведя документальныя свидѣтельства о непрерывномъ существованіи на востокѣ публичныхъ покаяній, наряду съ епитиміями, налагаемыми по тайной исповѣди, а теперь видимъ еще, что на востокѣ существовалъ также и особый чинъ принятія въ церковь публично кающихся (между прочимъ — отступниковъ отъ вѣры). Погречески чинъ этотъ надписывался: εἰς ἱλασμόν—„на очищеніе“, или по-славянски: „оцѣщенію“, къ чему старый переводчикъ прибавилъ пояснительную глоссу: „рекше примиренію“,—и прибавилъ съ большимъ толкомъ, такъ какъ по употребленію въ Библіи и на языкѣ церкви ἱλασμός значитъ и то и другое. Видѣть тутъ „переводъ“ латинскаго recon-

1) Мы привели это надписаніе по книгѣ проф. Красносельцева (см. предыдущее примѣчаніе). По свидѣтельству Гоара, занимающая насъ молитва „чина очищенія или примиренія“ имѣетъ почти такое же надписаніе въ знаменитомъ Криптоферрарскомъ спискѣ греческаго Евхологіона, именно: Εὐχὴ ἄλλη (въ спискахъ Евхологіона молитва эта стоитъ на второмъ мѣстѣ „чина“, а не на первомъ, какъ въ Кормчихъ) εἰς ἱλασμόν· μετὰ τὸ εἰπεῖν ψαλμὸν πεντηκοστὸν, τριακοστὸν ἕβδομον καὶ ἑκατοστὸν δεύτερον (Goar, op. cit. p. 881, not. *v*).

ciliatio нѣтъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что въ томъ западномъ пенитенціалѣ, съ которымъ проф. Суворовъ сближаетъ славянскій чинъ „примиренія“, именно—въ извѣстномъ уже намъ Мерзебургскомъ, чинъ покаянія надписывается не ordo ad *reconciliandum* poenitentem, а ordo ad dandam poenitentiam, что, конечно, не одно и тоже. Послѣднее названіе можетъ относиться не только къ публичному покаянію, но и къ тайной исповѣди, на что прямо указываютъ слѣдующія слова чина покаянія, поставленнаго въ началѣ Мерзебурскаго пенитенціала: Cum ergo *venerit* aliquis ad sacerdotem *confiteri peccata sua* [1]). Правда, въ ordo ad dandam poenitentiam названнаго пенитенціала положено читать тѣ же самые три покаянные псалма, какіе означены и въ надписаніи славянскаго „чина примиренія“ (хотя въ другомъ порядкѣ: 37, 102 а 50), а не тѣ, какіе указывались въ греческихъ чинопослѣдованіяхъ исповѣди“; но если мы уже знаемъ прямой греческій подлинникъ этого чина — съ перечнемъ тѣхъ же самыхъ псалмовъ, исчисленныхъ въ томъ же самомъ порядкѣ (50, 37 и 102), то намъ остается только пожалѣть, что проф. Суворовъ не доискался этого подлинника.

IV.

Намъ остается еще разсмотрѣть, по указанію проф. Суворова, слѣды католическаго вліянія въ двухъ важнѣйшихъ памятникахъ древне-русскаго церковнаго права — въ извѣстныхъ церковныхъ уставахъ, приписываемыхъ первымъ двумъ христіанскимъ князьямъ Руси—св. Владиміру и сыну его Ярославу. Новый вопросъ о возможности и дѣйствительности этого вліянія авторъ связываетъ со старымъ вопросомъ о подлинности того и другого устава. Въ рѣшеніи этого послѣдняго вопроса онъ вполнѣ слѣдуетъ Карамзину и проф. Е. Е. Голубинскому, которые, какъ извѣстно, признаютъ оба устава позднѣйшими подлогами [2]). Оригиналь-

[1]) *Wasserschleben*, op. cit. p. 389.

[2]) Карамзинъ—въ своей Исторіи государства россійскаго, т. I, стр. 145

нымъ становится нашъ авторъ лишь настолько, насколько ему нужно было пріурочить происхожденіе обоихъ подлоговъ къ такой эпохѣ, которая представлялась бы наиболѣе благопріятною для проникновенія въ нихъ иноцерковнаго, т. е. католическаго вліянія. Извѣстно, что въ концѣ XIV вѣка православная западная Русь подпала подъ власть католическихъ, литовскихъ и польскихъ государей: къ этой именно эпохѣ проф. Суворовъ и относитъ происхожденіе старшаго русскаго церковнаго устава, дошедшаго до насъ съ именемъ св. Владиміра. Авторъ дѣлаетъ даже довольно прозрачный намекъ на митрополита Кипріана, какъ на одного изъ главныхъ виновниковъ этого подлога. „Митрополитъ Кипріанъ—повѣствуетъ намъ проф. Суворовъ — провелъ довольно времени въ Литвѣ, прежде чѣмъ поселиться въ Москвѣ, въ качествѣ общепризнаннаго всероссійскаго митрополита. А ненадобно забывать важности той исторической эпохи, которую переживала юго-западная Русь въ концѣ XIV и въ первой половинѣ XV столѣтія. Литовскіе князья, которымъ подчинялась юго-западная Русь, послѣ недолго продолжавшагося колебанія между язычествомъ, православіемъ и католицизмомъ, со времени Витовта (1386 г.) рѣшительно примкнули къ католицизму. Близкое сосѣдство съ католическою церковію, которая имѣла опредѣленную каноническимъ правомъ и признанную государственною властію судебную компетенцію, и необходимость исходатайствовать у иновѣрныхъ князей гарантированіе церковнаго суда православной церкви (*церковнаго суда церкви!*) въ опредѣленномъ же объемѣ, въ точно обозначенныхъ границахъ, а не съ туманными только указаніями на греческій номоканонъ (?), могли послужить достаточнымъ поводомъ для западно-русской православной іерархіи и для западно-русскихъ книжниковъ къ тому, чтобы историческія преданія о завѣтѣ Владиміра и существовавшую до XIV вѣка практику облечь въ форму письменнаго устава, причемъ на редакцію этого устава (только на редакцію, а не самое содержаніе?) должно было естественно повліять западно-католическое церковное

и прим. 506. Т. II, стр. 38 и прим. 108 (по изд. Эйнерлинга); проф. Голубинскій—въ Исторіи русской церкви, т. I, полов. I. 1880 г., стр. 342–374.

право, подобно тому, какъ оно вліяло позднѣе, въ XVII столѣтіи, на редакторовъ православнаго Катихизиса и православнаго Требника, когда необходимость заставила по возможности ясно формулировать церковное ученіе и церковные обряды“ (стр. 212—213) [2]).

Оставляя пока въ сторонѣ сложный вопросъ о подлинности, точнѣе, о происхожденіи устава св. Владиміра, какъ *письменнаго* памятника древняго русскаго церковнаго права, мы въ настоящемъ случаѣ ограничимся только оцѣнкою сейчасъ приведенныхъ историческихъ соображеній проф. Суворова. Начнемъ эту оцѣнку съ точки зрѣнія фактовъ, указанныхъ самимъ авторомъ. Если подложный русскій церковный уставъ, съ именемъ св. Владиміра, произошелъ только въ концѣ XIV вѣка, вслѣдствіе подчиненія западной Руси подъ власть иновѣрныхъ государей и въ силу необходимости для тамошней православной іерархіи „исходатайствовать у этихъ государей гарантированіе неприкосновенности суда православной церкви въ опредѣленномъ объемѣ“: то, само собою, понятно, составители подложнаго устава должны были немедленно представить его на *утвержденіе* мѣстной государственной власти, чтобы такимъ образомъ получить возможность для себя и своихъ преемниковъ пользоваться подлогомъ, какъ подлиннымъ и *формально признаннымъ* источникомъ своего церковнаго права. А между тѣмъ въ значи-

---

[1]) Намекъ на м-та Кипріана, какъ прикосновеннаго къ дѣлу о подлогѣ Владимірова устава, проф. Суворовъ обращаетъ даже въ прямое и рѣшительное обвиненіе при помощи „Исторіи русс. церкви“ преосв. Макарія. Выписавъ отсюда разсказъ о проискахъ и враждебныхъ дѣйствіяхъ, предпринятыхъ Кипріаномъ противъ м-та Алексія съ цѣлію свергнуть его съ каѳедры и занять его мѣсто, авторъ выводитъ отсюда такое заключеніе: „Въ данномъ случаѣ такое выдающееся историческое лицо, какъ м-тъ Кипріанъ, въ видахъ достиженія собственныхъ цѣлей, прибѣгалъ къ средствамъ не совсѣмъ чистымъ; но тѣмъ болѣе благочестивая цѣль—отстаиваніе церковныхъ правъ и преимуществъ—*могла побудить къ составленію подложнаго устава отъ имени св. Владиміра*“ (стр. 219—220). Повидимому, проф. Суворовъ находитъ, что при рѣшеніи историческихъ вопросовъ необязательно помнить правило формальной логики: a posse ad esse consequentia non valet. Но мы увидимъ далѣе, что въ настоящемъ случаѣ требованія логики вполнѣ оправдываются самою исторіей.

тельномъ числѣ грамотъ литовскихъ князей и польскихъ королей XV—XVI вв. „о духовныхъ правахъ греческой вѣры“ до насъ не дошло ни одной такой, въ которой бы содержалось подтвержденіе устава св. Владиміра или дѣлалась хотя бы глухая ссылка на него: всѣ упомянутыя грамоты, какъ ниже увидимъ, знаютъ и подтверждаютъ только церковный уставъ Ярослава („свитокъ Ярославль“). Это не значитъ однакожъ, что до конца XIV вѣка, или до временъ митрополита Кипріана, уставъ Владиміра въ западной Руси былъ вовсе неизвѣстенъ. Явный слѣдъ его существованія здѣсь, задолго до временъ названнаго митрополита, находимъ въ жалованной (фундушевой) грамотѣ Луцкаго и Владимірскаго князя Любарта Гедиминовича, данной въ 1322 году соборной церкви Іоанна Богослова въ Луцкѣ. Въ этой грамотѣ приводится слѣдующая дословная выписка изъ устава св. Владиміра: „А по семъ ненадобѣ вступатися ни детемъ моимъ, ни внучатомъ, ни всему роду моему до века, ни въ люди церковныя, ни въ суды ихъ, — то все далъ есми церкви Божой“ [1]). Но такъ какъ и въ грамотѣ Любарта Гедиминовича нѣтъ прямого указанія на уставъ св. Владиміра, то—если бы она была извѣстна проф. Суворову — послѣдній навѣрное сталъ бы доказывать, что не эта грамота повторяетъ слова уже готоваго и общеизвѣстнаго русскаго церковнаго устава, а наоборотъ: позднѣйшіе сочинители церковнаго устава воспользовались малоизвѣстною грамотою 1322 года, какъ однимъ изъ своихъ источниковъ [2]). Такъ,

---

[1]) См. Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый Кіевскою Археограф. Коммиссіею, ч. I, т. VI, № 1.

[2]) Конечно, при такой аргументаціи оставалось бы совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ, почему составители подложнаго устава св. Владиміра не воспользовались буквально грамотою Любарта Гедиминовича тамъ, гдѣ это было всего нужнѣе, — при опредѣленіи круга лицъ церковныхъ и пространства церковнаго суда, а предпочли держаться въ томъ и другомъ отношеніи какого-то другого источника, болѣе темнаго по языку и менѣе пригоднаго для современной церковной практики. Грамота 1322 г. даетъ на тотъ и другой предметъ постановленія, несомнѣнно содержавшія въ себѣ *дѣйствующее* право, именно: „Маетъ господинъ богомолецъ нашъ Климентый владыка Луцкий и Острозский и вси наступъники его вечъно и непорушоно... всѣми церквами и ихъ свещенъниками, нищихъ обителми,

по крайней мѣрѣ, аргументируетъ проф. Суворовъ относительно другого, болѣе древняго памятника, въ которомъ дословно повторяется почти все содержаніе устава св. Владиміра, но опять — безъ всякой ссылки на этотъ источникъ. Мы говоримъ о посланіи неизвѣстнаго Владимірскаго епископа конца XIII вѣка къ мѣстному князю, сыну великаго князя Александра Невскаго. Само собою, понятно, что всѣ русскіе ученые, кому только приходилось имѣть дѣло съ уставомъ св. Владиміра и кто не имѣлъ надобности отыскивать въ немъ слѣды католическаго вліянія, напримѣръ, преосвященный Макарій, ссылались на это посланіе, какъ на прямое доказательство существованія въ XIII вѣкѣ списковъ Владимірова устава, и притомъ—уже въ разныхъ редакціяхъ [1]). Не такъ смотритъ на дѣло проф. Суворовъ. Онъ находитъ, что до сихъ поръ русская историческая наука не оказывала посланію Владимірскаго епископа того вниманія, какого оно заслуживаетъ (стр. 187), именно упускала изъ виду то обстоятельство, что „авторъ посланія не сдѣлалъ ссылки на уставъ Владиміра или на спеціальный уставъ какого-либо другаго русскаго князя, а ссылается вообще *на примѣры* предковъ, прежнихъ великихъ князей русскихъ,

---

болницами, странноприемницами радити, благихъ миловати, а злобныхъ казнити,... архимандриты благословити, игумены наставляти, попы и дьяконы совершати, какъ въ нашой области, въ богоспасаемыхъ городахъ въ Луцку и Острозе, и въ селахъ до нихъ прислушающихъ, такожде и бояръ и земянъ нашихъ; а соблазны творячыхъ изверзати, церкви освесчати, антымисы благословити, еретыковъ и непослушныхъ клясти, никакоже паче благословенія его церкви созиждати, или самовластне разорити, или священъниковъ отъ него благословенныхъ отъ церкви отгняти, или дидаскалію основати, мети ставропи[гі]ю, но всякъ ему, яко настоятелю повиноватись и все со благословеніемъ его творити (слѣдуютъ слова, приведенныя у насъ въ текстѣ)... Ктому (далъ есми) и куницы отъ поповъ по всемъ городомъ и погостомъ и по свободамъ, где суть хрестиане, и своимъ тывуномъ приказуемъ судовъ церковъныхъ не судити, ибо мирскимъ не просчено отъ закона Божія доступоватыся въ тые рады. Аще ли хто подъ областію нашою въ епархіей Луцкой и Острозской, гординею превозносяйся, сія преданія отческая и повеленія княжения нашего переступити дерзнетъ, десять тысячей рублей на насъ и на епископа да казнится и отъ Бога проклятъ будетъ“.

[1]) Макарій, Ист. русс. церкви, т. I, стр. 130 и прим. 268 (стр. 276).

одинаково отличавшихся усердіемъ къ церкви, и на *законъ Божій*, а также на *прежнихъ царей*", короче: „онъ имѣлъ передъ глазами практику жизни, существовавшій порядокъ вещей, какъ сложился или складывался этотъ порядокъ отъ начала существованія христіанства на Руси до XIII вѣка" (стр. 188). Съ своей стороны, русская историческая наука можетъ, и съ большимъ правомъ, сдѣлать упрекъ проф. Суворову за то, что онъ *совершенно умолчалъ* о буквальномъ сходствѣ посланія Владимірскаго епископа съ уставомъ св. Владиміра и, такимъ образомъ, оставилъ своихъ читателей въ полномъ недоумѣніи предъ вопросомъ: какъ объяснить это сходство? Самъ авторъ, повидимому, представляетъ себѣ дѣло такъ, что именно посланіе Владимірскаго епископа и послужило *первымъ* письменнымъ источникомъ для составленія русскаго церковнаго устава, усвоеннаго потомъ св. Владиміру. По крайней мѣрѣ, всѣ предметы церковнаго суда, исчисленные въ уставѣ, но не упомянутые въ посланіи, проф. Суворовъ прямо признаетъ позднѣйшими дополненіями къ этому послѣднему (стр. 206—208). Русская историческая наука, конечно, никогда не приходила и, надобно думать, никогда не придетъ къ такому заключенію. Этому препятствуетъ, прежде всего, подлинный смыслъ посланія Владимірскаго епископа. „*Вижь*, сыну князь, пишетъ епископъ въ своемъ посланіи, како ти были велиции князи, твои прадѣды и дѣды и отецъ твой великый князь Олександръ: украсили церковь Божію клирошаны и книгами, и богатили домы великыми, десятинами по всѣмъ градомъ и суды церковными". На что указываетъ Владимірскій епископъ своему князю этимъ словомъ: „вижь"? Конечно, не на современное богатство своей церкви, о которой вслѣдъ затѣмъ сказано: „церкви та ограблена и домы ея пусты", а на какое-то *документальное* доказательство прежняго благосостоянія Владимірской церкви, на какой-то *письменный актъ*, доставлявшій ей разные источники обогащенія и ограждавшій неприкосновенность ея судовъ и имуществъ, актъ хорошо извѣстный и самому князю и теперь только отчасти „напомянутый" ему въ посланіи епископа „по правиломъ", т. е. по Кормчей книгѣ. Но если это былъ церковный уставъ

св. Владиміра, то почему авторъ посланія прямо не назвалъ столь авторитетнаго имени? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ тѣ редакціи, точнѣе, тѣ литературныя формы Владимірова устава, въ которыхъ онъ является не въ видѣ церковно-уставной грамоты, изданной отъ лица великаго князя Владиміра, „крестившаго русскую землю“, а въ видѣ анонимной исторической записи о томъ, что сдѣлано въ пользу церкви прежними христіанскими князьями Руси *вообще*. Въ другое время и въ другомъ мѣстѣ мы надѣемся доказать, что такова именно и была первоначальная литературная форма Владимірова устава, а теперь ограничимся только сопоставленіемъ посланія Владимірскаго епископа съ одною изъ такихъ записей, носящею въ рукописяхъ глухое надписаніе: „о церковныхъ людѣхъ, и о судѣхъ, и о десятинахъ, и о мѣрахъ городскихъ“ [1]). Изъ этого сопоставленія прямо открывается тотъ *письменный* источникъ, которымъ пользовался Владимірскій епископъ и на который, какъ мы видѣли, онъ самъ довольно явственно указывалъ въ своемъ посланіи.

Статья о церковныхъ людѣхъ, и о судѣхъ и пр.

...**правовѣрнии велицин князи, создавше цр҃кве Божиѣ Мтєрн пискупью, городы, и погостъı, и села, виноградъı, ꙁемлѣ, борти, оꙁера, рѣки, волости дали со всѣми прибꙑтки, и десатоіе изъ всего княжениа, а княгинѣ ихъ—свою бесцѣньную кꙋꙁнь, и портъı, ꙁолото и каменіе дорогоіе, и великии женьꙋгъ, иконъı и ꙓвангелиа, и трапєꙁъı,**

Посланіе Владимірскаго епископа.

Вижь, сыну князь, како ти были велицин князи, твои прадѣды и дѣды и отець твой великый князь Олександръ: украсили церковь Божию клирошаны и книгами и богатили домы великыми, десятинами по всѣмъ градомъ и суды церковными.

---

[1]) Другая такая же, но болѣе краткая форма Владимірова устава въ рукописяхъ начинается словами: „Сий рядъ и судъ церковный уставили первіи князи“. Доказательство, что эта форма устава существовала на Руси уже во времена в. кн. Ивана Даниловича Калиты († 1341 г.), приведено въ нашемъ изслѣдованіи о сборникѣ византійскихъ законовъ, извѣстномъ въ древней Руси подъ именемъ „Книгъ законныхъ“, стр. 36.

и сосуды цр҃кнми оукрасивше, и обогатили паче и тѣхъ, ѿ кого то приимали. Писано єсть [въ] ст҃ыхъ а҃пълъ правилѣ н҃ѳ: цр҃ковное богатьство — нищихъ богатьство, възраста дѣла сирѡтъ, и старости и немощи, і въ недузѣ впадшихъ, нищихъ кормленіе и чадъ многъ, страньнымъ прилежанніе, сирѡтамъ і оубогимъ промышленіе, вдовамъ пособіе, дѣвицамъ потребы, обидн[мымъ заступленье въ напастѣхъ поможенье, в пожарѣ и в потопѣ, плѣнным искупленье, въ гладѣ прекормленье, в худобѣ оумирая — покровы, гробы и погребаньи, церквамъ и монастыремъ пустымъ подъятье, живымъ прибѣжище и оутѣшенье, а мертвымъ память. Того дѣла на потребу церковную имѣнье и люди своѣ дали.

То дано клирошаномъ на потребу, и старости и немощи, и въ недугъ впадшихъ, чадъ многъ кормленье, нищихъ кормленье, обидимымъ помоганье страньнымъ прилежанье, въ напастехъ пособье, въ пожарѣ и въ потопѣ, плѣньнымъ искупленье, въ гладѣ прекормленье, сиротамъ и убогымъ промышленье, вдовамъ пособие, худобѣ умирая—покровы и гробы и погребанье, церквамъ и монастыремъ подъятье, живымъ прибѣжище и утѣшенье, а мертвымъ памятъ [1]).

А се церковные люди: игуменъ, попъ и дьяконъ и кто въ клиросѣ, чернецъ, черница, попадьи, поповичь, лѣчець, прощенникъ, задушный человѣкъ, монастыреве, больницѣ, гостинницѣ, страннопріимницѣ...

А се ти пишю другое слово: по правиломъ суды церковныя во всѣхъ крестьяньскыхъ людехъ: игумены и игуменьи, попы и дьяконы, черньци и черници,

А се церковные суды, даны закономъ Божиимъ, по правиломъ сватыхъ ѿць, крестьяньскими цари и князи въ всѣхъ крестьянскихъ людехъ: роспустъ,

роспустъ, смилное, оумыкание, пошибание, заставанье, промежю мужемъ и женою чьто

[1]) Въ посланіи Владимірскаго епископа этотъ пунктъ (о назначеніи церковнаго богатства) поставленъ въ самомъ концѣ.

смилное, оумыканье, ꙁаставанье промєжи мужемъ и женою о животѣ ихъ, в племени, ли в сватьствѣ понмутьса, вѣдьство, ꙁѣлья, оурѣканьи три, бладнею ꙁелїи, єретичьство, ꙁубоѣжа, ѡца и матерь бьеть сынъ, ли дчи, братья или дѣти тяжются о ꙁадници, церковнаꙗ татба, мертвєци сволочать, гробы крадуть, крєстъ посѣкуть, ли на стѣнахъ рѣжють, въ церкви скотъ, ли псы, ли поткы без великы нужи введєть, ли что неподобно церкви сдѣеть. То всє церковныи суды: кнꙗзю и бояромъ и судьямъ не прощєно имъ ѡ ꙁакона Божьꙗ вступатиса в тѣ суды] [1]).

будетъ рѣчь о животѣ, вѣдовьство, зелье, уреканье бляднею и зельи, еретичьство, зубоѣжа, иже отца и матерь бьеть сынъ или дчи, братья или дѣти тяжуться о задници, церковная татба.

То все суды церковныя, даны закономъ Божиимъ и прежними цари и великими нашими князи: князю и боляромъ и судьямъ въ тѣ судыне лзѣ въступатися, не прощено имъ отъ закона Божия [2]).

Ясно, что Владимірскій епископъ именно только „напоминалъ“ своему князю о церковныхъ людяхъ, когда-то наполнявшихъ „домы церковные“, и о церковныхъ судахъ, когда-то составлявшихъ для епископіи обильный источникъ обогащенія, но не исчислялъ тѣхъ и другихъ *вполнѣ* по своему источнику, какъ общеизвѣстному. Всего яснѣе открывается это изъ подведенія авторомъ посланія (для крат-

---

[1]) Начало это статьи до словъ, поставленныхъ въ прямоугольныя скобки, взято изъ извѣстнаго пергаминнаго Мѣрила Праведнаго Троицкой Лавры (№ 15, л. 331 об.), а продолженіе — изъ бумажнаго Мѣрила Праведнаго Московской синод. библіотеки XV вѣка (№ 525, л. 349 об.). Нужно замѣтить, что въ позднѣйшихъ редакціяхъ, напечатанныхъ у Калачова въ изслѣдованіи о Кормчей (стр. 122—123), въ Прав. Собесѣдникѣ за 1861 г. (ч. II, стр. 437—442) и въ приложеніяхъ къ первой Новгородской лѣтописи (изд. 1888 г., стр. 446—451), статья „о церковныхъ людѣхъ“ и пр. является уже со вставкою сказанія о крещеніи Владиміра и объ „уставѣ“, данномъ имъ соборной церкви.

[2]) По списку XIV вѣка посланіе Владимірскаго епископа издано нами въ VI томѣ Русс. Истор. Библіотеки стр. 117—118, откуда приведено и здѣсь.

кости) подъ одну общую рубрику „судовъ церковныхъ“ не только предметовъ церковнаго суда „во всѣхъ крестьяньскихъ людѣхъ“, т. е. суда *общаго*, но и лицъ, подлежавшихъ *особенному* суду церкви, т. е. подчиненныхъ епископской власти во всѣхъ своихъ жизненныхъ отношеніяхъ. Нужно еще замѣтить, что въ источникѣ, которымъ пользовался Владимірскій епископъ, находится одна мелкая, но дорогая для насъ черта, которая даетъ возможность съ приблизительною точностію опредѣлить эпоху происхожденія этого источника въ томъ видѣ, въ какомъ онъ извѣстенъ по старшимъ своимъ спискамъ. Мы разумѣемъ ссылку на 59-е апостольское правило, приведенную въ доказательство того, что „церковное богатство есть нищихъ богатство“. Слова эти читаются *не* въ самомъ указанномъ правилѣ, а въ *толкованіи* на него (Аристина), которое, вмѣстѣ съ толкованіями на всѣ другія церковныя правила, содержащіяся въ Кормчей, сдѣлалось извѣстнымъ у насъ не въ концѣ XIII вѣка, когда Владимірскій епископъ писалъ свое посланіе, а за нѣсколько десятилѣтій прежде, именно—въ 1262 году, когда русскій митрополитъ Кириллъ II получилъ изъ Болгаріи списокъ славянской Кормчей съ толкованіями [1]). Впрочемъ, могло быть и такъ, что Владимірскій епископъ пользовался другою, болѣе древнею редакціею статьи „о церковныхъ людяхъ и о судѣхъ“ и пр., въ которой еще не было ссылки на 59-е апостольское правило, какъ нѣтъ ея и въ епископскомъ посланіи [2]).

О существованіи Владимірова устава въ XIII вѣкѣ русская историческая наука знала не только по сокращенному изложенію его въ посланіи Владимірскаго епископа, но и по дошедшимъ до насъ полнымъ спискамъ этого устава, которые до проф. Суворова всѣми учеными относились къ послѣдней четверти XIII столѣтія. Въ виду этихъ списковъ даже тѣ русскіе историки, которые отрицали подлинность Владимірова устава (Карамзинъ и проф. Голубинскій), не

---

[1]) См. Первоначальный славяно-русскій намоканонъ, стр. 66, прим 100.

[2]) Этой ссылки нѣтъ, напримѣръ, въ волынской редакціи Владимірова устава, о которой будетъ рѣчь дальше.

рѣшались отодвигать эпоху его происхожденія далѣе сейчасъ указаннаго хронологическаго предѣла. Самый старшій списокъ, какъ извѣстно, находится въ Новгородско-софійской Кормчей, писанной около 1280 года [1]). Объ этомъ спискѣ издатели „Русскихъ Достопамятностей“ въ свое время замѣтили, что онъ писанъ другою, *„нѣсколько* позднѣйшею“ рукою, чѣмъ вся рукопись [2]). А проф. Суворовъ, „при личномъ ознакомленіи съ этою Кормчею“, нашелъ еще новые признаки позднѣйшаго прибавленія къ ней не только устава Владиміра, но даже, пожалуй, и Русской Правды, именно: между Русскою Правдою и предыдущею статьей—съ одной стороны, и между Русскою Правдою и слѣдующимъ за ней церковнымъ уставомъ Владиміра—съ другой, оставлены пробѣлы, чего-де *„раньше во всемъ рукописномъ сборникѣ не замѣчается* (курсивъ нашъ). Итакъ, заключаетъ отсюда авторъ, и въ отношеніи къ древнѣйшему списку устава Владиміра, отнюдь не несомнѣннымъ, а напротивъ сомнительнымъ представляется возникновеніе его въ XIII вѣкѣ, а слѣдовательно нельзя доказать, чтобы уставъ Владиміра существовалъ и дѣйствовалъ раньше XIV столѣтія“ (стр. 186). т. е.—нужно было бы прибавить для точности—раньше временъ митрополита Кипріана, вѣроятнаго сочинителя этого устава (1376—1406). Мы не разъ имѣли въ рукахъ Кормчую, о которой теперь идетъ рѣчь, и никакъ не можемъ признать приведенныя палеографическія показанія о ней проф. Суворова достаточнымъ основаніемъ для того вывода, къ какому пришелъ онъ съ обычною своею смѣлостію. Не полагаясь на свои личныя свѣдѣнія въ русской палеографіи, мы будемъ въ настоящемъ случаѣ придерживаться сужденія лицъ, болѣе насъ компетентныхъ въ рѣшеніи вопросовъ этого рода. Такъ, напримѣръ, если Калайдовичъ, отецъ научной русской палеографіи, которому собственно и принадлежитъ изданіе Владимірова устава въ Русскихъ Достопамятностяхъ по списку Новгородско-софійской Кормчей XIII

---

[1]) Въ настоящее время эта Кормчая находится въ числѣ рукописей Москов. синод. библіотеки подъ № 132.

[2]) См. этого изданія ч. I, стр. 21; ср. стр. 82.

вѣка, отозвался объ этомъ спискѣ, что онъ писанъ *нѣсколько* позднѣе, чѣмъ вся рукопись: то этотъ отзывъ никакъ нельзя понимать въ смыслѣ: „позднѣе почти *на цѣлое столѣтіе*“; ибо въ такомъ случаѣ одно письмо настолько бы отличалось отъ другого и рисункомъ буквъ и цвѣтомъ чернилъ, что этого не могъ бы не замѣтить названный ученый издатель устава. Въ особенности нельзя допустить, чтобы на это различіе (если бы оно дѣйствительно существовало) не обратилъ никакого вниманія покойный академикъ И. И. Срезневскій, отъ котораго мы имѣемъ подробное *палеографическое* описаніе занимающей насъ Новгородской Кормчей, съ образцами буквъ изъ разныхъ частей ея, писанныхъ, правда, тремя разными, но не настолько разновременными руками, какъ хочется думать профессору Суворову [1]). Съ своей стороны замѣтимъ, что указанные нашимъ авторомъ пробѣлы, отдѣляющіе церковный уставъ Владиміра отъ стоящей передъ нимъ Русской Правды, а эту послѣднюю—отъ предыдущей статьи („Рѣчь жидовскаго языка, преложена на русскую“), нисколько не доказываютъ, чтобы эти два памятника (Русская Правда и уставъ Владиміра) внесены были въ Новгородскую Кормчую, спустя почти цѣлое столѣтіе послѣ ея написанія. Съ этимъ нельзя было бы безусловно согласиться даже и въ томъ случаѣ, если бы, какъ увѣряетъ проф. Суворовъ, въ рукописи дѣйствительно „раньше не встрѣчалось такихъ пробѣловъ“. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ не то: пробѣлы находятся и въ другихъ мѣстахъ рукописи. Укажемъ на одинъ изъ нихъ, замѣчательный какъ по своему размѣру (въ половину столбца), такъ и по вѣроятной причинѣ, по которой онъ оставленъ. Находится онъ на л. 575, послѣ статьи: „Никифора патріарха Царяграда лѣтописецъ вскорѣ“ (начало на л. 567 об.). Писецъ оставилъ тутъ пустое мѣсто, конечно, въ виду возможности позднѣйшихъ дополненій къ лѣтописцу—*русскому* по своимъ послѣднимъ извѣстіямъ. Совершенно по такой же причинѣ

---

[1]) Срезневскій, Славяно-русская палеографія XI—XIV в. Спб. 1885, стр. 203—209.

могли быть оставлены и тѣ пробѣлы, которые такъ соблазнили проф. Суворова. Стоящая передъ Русскою Правдою статья: „Рѣчь жидовскаго языка, преложена на русскую“, безъ всякаго сомнѣнія, допускала возможность различныхъ прибавокъ, съ какими она, дѣйствительно, и является въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ [1]). О Русской Правдѣ и говорить нечего: ибо кому неизвѣстны многочисленные и разнообразные изводы ея, образовавшіеся въ продолженіе XI—XIII столѣтій? Скорѣе было бы удивительно, если бы Новгородскій писецъ послѣдней четверти XIII вѣка не оставилъ въ концѣ своего списка Правды никакого пробѣла для позднѣйшихъ дополненій. Слѣдующій за этимъ пробѣломъ церковный уставъ Владиміра несомнѣнно писанъ *тѣмъ же самымъ* писцомъ: въ этомъ убѣждаетъ насъ одинаковый характеръ письменъ и одинаковый цвѣтъ чернилъ, которыми написанъ тотъ и другой памятникъ. Но пусть будетъ такъ, какъ угодно проф. Суворову: пусть старшій списокъ Владимірова устава, по суду присяжныхъ палеографовъ, отойдетъ съ конца XIII на конецъ XIV вѣка. Что же отсюда слѣдовало бы для окончательнаго рѣшенія вопроса о *времени происхожденія самаго устава*? Древнѣйшій изводъ Русской Правды—Правды Ярослава и его сыновей сохранился до насъ въ спискѣ довольно позднемъ—XV вѣка (извѣстный академическій); но отсюда, вѣроятно, и самъ проф. Суворовъ не рѣшится вывести заключенія: „слѣдовательно, нельзя доказать, чтобы изводъ Правды, представляемый этимъ спискомъ, *существовалъ* и *дѣйствовалъ* раньше XV вѣка“.

Есть и еще одинъ списокъ Владимірова устава, принадлежащій если не самъ по себѣ, то по своему оригиналу, послѣдней четверти XIII вѣка. Это—списокъ, находящійся въ двухъ Кормчихъ XVI столѣтія, въ которыхъ сохранилось послѣсловіе ихъ общаго оригинала, написаннаго въ 1286 году

---

[1]) Востоковъ въ описаніи Румянцовской Кормчей № 221 (XV—XVI в.) замѣтилъ объ этой статьѣ, что она сравнительно съ печатнымъ изданіемъ ея по списку Новгородской Кормчей 1282 г. оказывается въ описываемой рукописи „*вдвое полнѣе* и содержитъ въ себѣ лишнихъ 140 словъ“.

для волынскаго князя Владиміра Васильковича [1]). Приведемъ это любопытное послѣсловіе вполнѣ: „**В лѣто ҂ѕ҃ѳ҃ѵ҃д списанъ бысть сїи Монаканонъ вѣголюбивым княземъ Владимиром, сномъ Василковым, внѹком Романовымъ, и вѣголюбивою княгинею его Ѳлгою Романовною. Амнинь, рекше конецъ. Бгу нашемоу слава въ вѣкы, амнинь. Пишущи(мъ) же намъ сїа книгы, поеха гнь нашъ к Ногоевѣ, а спожа наша ѡстала вѹ Владимери, зане же бѣше немощь ю оугонила люта зѣло. Того ради немощно бысть ей проводити его**“ [2]). Въ обѣихъ Кормчихъ имѣется по два списка Владимірова устава одной и той же редакціи, которая въ *существенныхъ* частяхъ своего содержанія весьма близко подходитъ къ извѣстной уже намъ статьѣ „о церковныхъ людѣхъ, и о судѣхъ, и о десятинахъ, и о мѣрахъ городскихъ“ и къ посланію Владимірскаго епископа [3]). Одинъ списокъ помѣщенъ въ самомъ концѣ Кормчихъ, вслѣдъ за сейчасъ приведеннымъ послѣсловіемъ ихъ оригинала 1286 г., другой—почти въ серединѣ, послѣ правилъ седьмаго вселенскаго собора. Стремясь къ своей цѣли, т. е. къ концу XIV вѣка, какъ эпохѣ происхожденія Владимірова устава, проф. Суворовъ, конечно, долженъ былъ устранить съ своего пути оба эти списка. Съ тѣмъ изъ нихъ, который помѣщенъ въ концѣ копій съ волынской Кормчей, нашъ авторъ управился очень легко, съ помощію простого замѣчанія, что „въ XVI столѣтіи переписчикъ, списавъ всю Кормчую XIII вѣка, воспроизвелъ вмѣстѣ съ тѣмъ, съ полною точностію, приписку (послѣ-

---

[1]) До сихъ поръ извѣстна была только одна такая Кормчая—Румянцовская, описанная Востоковымъ подъ № 235. Но есть и другая, писанная нѣсколько прежде, болѣе полная и исправная. Это—Кормчая Погодинскаго Древлехранилища Имп. Пуб. Библіотеки № 234. Въ послѣдней имѣется, между прочимъ, оглавленіе волынскаго оригинала 1286 года съ слѣдующимъ надписаніемъ: „**Книгы глемыя грѣческым ѧзыкомъ Номоканонъ ѡ Бзѣ поучаемъ благочестивым княземъ Владимиромъ сномъ Василковымъ**“ (л. 7).

[2]) Мы привели это послѣсловіе по Погодинскому списку.

[3]) По Румянцовской Кормчей уставъ Владиміра этой редакціи изданъ преосв. Макаріемъ въ 237-мъ примѣч. къ I-му тому Ист. русс. церкви, стр. 268 (изд. I).

словіе) первоначальнаго писца, а въ заключеніе *самъ уже отъ себя* прибавилъ церковный уставъ Владиміра“ (стр. 182). Но другой списокъ уже самымъ положеніемъ своимъ въ книгѣ, видимо, поставилъ почтеннаго профессора въ большое затрудненіе. Нужно было доказать, что и онъ вставленъ въ Кормчую князя Владиміра Васильковича позднѣйшими переписчиками ея. Но какъ доказать это? Авторъ прежде всего настаиваетъ на томъ, что „трудно доказать“ и противное, т. е. принадлежность устава св. Владиміра къ составу волынской Кормчей 1286 года. Онъ находитъ, что „цвѣты краснорѣчія, разсыпанные щедрою рукою въ предисловіи къ уставу, указаніе на митрополита, почтеннаго лампадой и сакомъ (саккосомъ), „яко втораго патріарха“,... суть признаки не XIII-го столѣтія, а болѣе поздняго времени“, такъ какъ „XIII-е столѣтіе вовсе-де не благопріятствовало развитію въ русской духовной іерархіи горделивыхъ претензій и вожделѣній насчетъ приравненія русскаго митрополита къ патріарху“ (стр. 183). Если только эти соображенія не дозволяютъ признать ниодинъ изъ списковъ Владимірова устава, находящихся въ указанныхъ двухъ Кормчихъ, за копію съ оригинала XIII вѣка: то нѣтъ ничего легче, какъ доказать противное, т. е. полное соотвѣтствіе такой литературной редакціи устава съ обстоятельствами мѣста и времени, при которыхъ написана была волынская Кормчая 1286 года. Въ самомъ дѣлѣ во всей древней исторіи русской церкви до половины XV вѣка (до паденія византійской имперіи) трудно указать другую эпоху, которая бы такъ благопріятствовала возникновенію въ русской духовной іерархіи стремленій, выраженныхъ въ волынской редакціи Владимірова устава, какъ именно XIII-е столѣтіе. Константинополь въ это время находился во власти крестоносцевъ; императоръ и патріархъ, изгнанные изъ столицы, имѣли резиденцію въ Никеѣ. Это стѣсненное положеніе естественно располагало обоихъ верховныхъ владыкъ православнаго востока къ уступчивости по отношенію къ славянскимъ церквамъ, подчиненнымъ Царю-граду, которыя уже не разъ пытались сдѣлаться самостоятельными (автокефальными). Дѣйствительно, въ первой половинѣ XIII вѣка двѣ юго-

славянскія церкви—болгарская и сербская, благодаря именно сейчасъ указаннымъ обстоятельствамъ, успѣли достигнуть полной независимости отъ Константинопольскаго патріаршаго престола [1]). Стремленіе къ той же цѣли довольно явственно обнаруживается теперь и у насъ на Руси. Послѣ монгольскаго погрома, когда при взятіи и разореніи Кіева Батыемъ безъ вѣсти погибъ митрополитъ Іосифъ, никто изъ грековъ не являлся къ намъ на вакантную и уже вовсе непривлекательную митрополію. Съ этого времени, говоря словами преосвящ. Макарія, „начала заниматься заря новаго порядка вещей для церкви русской. Вслѣдствіе ли тяжкихъ бѣдствій, постигшихъ Россію и препятствовавшихъ сношенію ея съ патріархомъ, или по другимъ причинамъ, русскіе сами избрали для управленія осиротѣлою церковію одного изъ своихъ соотечественниковъ—Кирилла... То былъ первый, хотя едва замѣтный, шагъ къ ослабленію зависимости нашей церкви отъ Византійской каѳедры“ [2]). Избраніе Кирилла было собственно дѣломъ галицкаго князя Даніила, во власти котораго находился тогда разоренный Кіевъ, но еще прежде этого избранія (до 1243 года) Угровскій епископъ Іоасафъ пытался было самовольно занять каѳедру митрополіи [3]). Итакъ около половины XIII в. въ средѣ южно-русской, именно галицкой и волынской, духовной іерархіи легко могли найтись литературные дѣятели съ воззрѣніями на русскаго митрополита, „яко втораго патріарха“, какъ находились въ той же средѣ лица, считавшія возможнымъ получить митрополичью каѳедру безъ патріаршаго избранія и поставленія. Будь Даніилъ галицкій единодержавнымъ княземъ всей Руси, хотя бы и подъ верховнымъ владычествомъ монголовъ,—избранникъ его Кириллъ могъ бы сдѣлаться всероссійскимъ митрополитомъ и безъ поѣздки въ Никею за полученіемъ хиротоніи и каѳедры отъ патріарха. Монгольское иго, само по себѣ, даже прямо

---

[1]) *Голубинскій*, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, стр. 80—81 и 452.

[2]) Исторія русс. церкви, т. IV, стр. 2.

[3]) Тамъ же, стр. 7—8.

благопріятствовало ослабленію зависимости нашей церкви отъ Константинопольскаго патріарха, и только благодаря безконечнымъ усобицамъ между русскими удѣльными князьями, эта зависимость продолжилась еще почти на цѣлыя два столѣтія. Съ указанной тенденціей волынской редакціи устава св. Владиміра—поставить русскаго митрополита вровень съ патріархами—вполнѣ согласно и то положеніе, какое занимаетъ этотъ уставъ въ копіяхъ съ тамошней Кормчей 1286 года. Какъ альфа и омега особеннаго русскаго церковнаго права, онъ помѣщенъ здѣсь вслѣдъ за правилами послѣдняго (седьмаго) вселенскаго собора и затѣмъ повторенъ въ самомъ концѣ книги съ припискою 3-го правила Константинопольскаго собора въ храмѣ св. Софіи (879 г.), которое подвергаетъ анаѳемѣ всѣхъ, кто дерзнетъ бить епископа или, подъ какимъ нибудь предлогомъ, заключить его въ темницу. На эту приписку обратилъ вниманіе и проф. Суворовъ, но только для того, чтобы еще разъ подкрѣпить свою догадку о митрополитѣ Кипріанѣ, какъ вѣроятномъ авторѣ Владимірова устава. „Достойно замѣчанія, пишетъ онъ въ настоящемъ случаѣ, что митрополитъ Кипріанъ въ посланіи къ преподобному Сергію Радонежскому 1378 года, жалуясь, что князь великій Дмитрій Ивановичъ „безъ вины его обезчестилъ, пограбилъ, зепрѣвъ держалъ голодна и нага“, сдѣлалъ ссылку на тоже самое соборное правило, какое приписано къ уставу св. Владиміра въ концѣ волынской Кормчей“ (стр. 184—185). Но не говоря уже о томъ, что случаи безчестія, какое митрополитъ Кипріанъ потерпѣлъ отъ вел. кн. Дмитрія Ивановича, могли быть и съ іерархами XIII вѣка, – и навѣрное такому безчестію подвергся отъ галицкаго князя Даніила выше упомянутый Угровскій епископъ Іоасафъ, „иже скочи на столъ митрополичь и за то (безъ каноническаго суда) сверженъ бысть и своего (епископскаго) стола, – укажемъ на одно обстоятельство, исключающее всякую возможность связывать посланіе Кипріана съ волынскою Кормчей: митрополитъ приводитъ 3-е правило Константинопольскаго собора 879 года не въ томъ переводѣ, въ какомъ оно читается въ концѣ волынской Кормчей, вслѣдъ за вторымъ

спискомъ Владимірова устава, а въ другомъ, совершенно особенномъ [1]).

Таковы доводы, которыми проф. Суворовъ пытается увѣрить своихъ читателей, что памятникъ извѣстный подъ именемъ церковнаго устава св. Владиміра и старшіе списки его вовсе не такъ древни, какъ обыкновенно думаютъ не только защитники, но и противники подлинности этого устава. Мы знаемъ уже, къ какой цѣли направлены были всѣ разсмотрѣнные доводы автора: ему нужно было уяснить историческую возможность проникновенія въ старшій русскій церковный уставъ элементовъ западнаго, католическаго церковнаго права, наличность которыхъ представляется почтенному профессору выше всякаго сомнѣнія. Онъ находитъ ихъ прежде всего во всѣхъ тѣхъ постановленіяхъ Владимірова устава, которые оказываются сходными съ законодательствомъ Моисея и Закономъ суднымъ (стр. 205—208). Намъ нѣтъ теперь нужды останавливаться на этихъ указаніяхъ автора, такъ какъ мы видѣли уже, что ни Моисеево законодательство, ни болгарскій Законъ судный ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть признаны проводниками въ древне-славянское и русское церковное право западнаго церковнаго вліянія. Но авторъ находитъ, что католическій западъ вліялъ на установленіе древне-русскихъ церковныхъ порядковъ, засвидѣтельствованныхъ уставомъ св. Владиміра, не только чрезъ посредство двухъ названныхъ источниковъ церковнаго права, перешедшихъ къ намъ изъ Болгаріи, но и непосредственно—путемъ прямаго заимствованія у сосѣднихъ католическихъ народовъ. Такія заимствованія указы-

---

1) Въ доказательство приводимъ оба перевода параллельно:

Переводъ въ посланіи Кипріана.

Аще кто отъ мірьскыхъ, огосподився и преобидивъ убо божественныхъ и царскыхъ повелѣній, преобидивъ же и страшныхъ церковныхъ обычаевъ и законоположеній, дерзнетъ святителя кого бити или запрѣти, или виною, или замысливъ вину: таковый да будетъ проклятъ (Русс. Ист. Библіот. т. VI, стр. 184).

Переводъ волынской Кормчей.

Аще кто мирскихъ властель, преобидѣвъ божественнаа церковнаа повелѣніа и посмеався церковнымъ уставомъ, дерзнетъ епископа бити, или попа, или діакона, или во темницу всадить, или сплететъ нѣкаку вину, да буди проклятъ (*Востоковъ*, Описаніе рукописей Румянцовскаго Музеума, стр. 312).

ваетъ проф. Суворовъ въ слѣдующихъ постановленіяхъ Владимірова устава:

1. О церковной десятинѣ. „Корней этой десятины, говоритъ онъ, нужно искать въ той десятинѣ, которая признавалась за богоучрежденный институтъ европейскими варварами, обратившимися съ христіанство“ (стр 193). Нельзя не сознаться, что въ настоящемъ случаѣ проф. Суворовъ повторяетъ мнѣніе, которое высказывалось въ нашей исторической литературѣ такими авторитетными учеными, какъ митрополитъ Евгеній, преосв. Филаретъ Черниговскій, Неволинъ и въ недавнее время профессоръ и академикъ В. Г. Васильевскій: первые трое находили образецъ русской церковной десятины въ Польшѣ, послѣдній — въ Скандинавіи [1]). Однако не всѣ историки русской церкви держатся такого взгляда. Преосвящ. Макарій и проф. Е. Е. Голубинскій, имѣя въ виду то существенное отличіе русской церковной десятины отъ западноевропейской, что первая назначена была только съ княжескихъ имѣній и доходовъ, а послѣдняя взималась со всѣхъ мірянъ-собственниковъ, находили возможнымъ объяснять происхожденіе церковной десятины, установленной св. Владиміромъ, и безъ обращенія къ западу [2]). Мы съ своей стороны, шесть лѣтъ тому назадъ, высказали догадку, что наша церковная десятина могла произойти отъ мѣстной *государственной* десятины, установленной, быть можетъ, еще въ эпоху призванія первыхъ русскихъ князей „изъ за моря“. На такую догадку мы наведены были: 1) древне-славянскимъ (по нашему мнѣнію, русскимъ) переводомъ византійскаго „земледѣльческаго закона (νόμος γεωργικός), гдѣ слово *десятина* несомнѣнно употреблено въ смыслѣ *государственной* поземельной подати, названной въ греческомъ подлинникѣ довольно загадочнымъ именемъ ἐξαπόρδινα или, по нѣкоторымъ спискамъ, ἐξόρδινα. Чтобы уяснить себѣ смыслъ такого сла-

---

[1]) *Евгеній*, Описаніе Кіево-соф. собора, прибавленіе № 1, стр. 1—4; *Филаретъ*, Исторія русс. церкви, изд. 4. Черниговъ. 1852, стр. 118, прим. 318; *Неволинъ*, Сочиненій т. VI, стр. 226—287, прим. 101; *В. Г. Васильевскій*, Жур. Мин. Нар. Просв. 1886, февр. стр. 346 - 348.

[2]) *Макарій*, Ист. русс. цер. т. I, изд. I, стр. 145; *Е. Е. Голубинскій*, Ист. русс. цер. т. I, полов. I, стр. 421.

вянскаго перевода, мы сдѣлали небольшой экскурсъ въ область византійскаго и юго-славянскаго права, и нашли, что въ томъ и другомъ десятина была: а) таможенною пошлиной, которая выплачивалась всѣми, кто торговалъ привознымъ (иногороднимъ или иноземнымъ) товаромъ; б) одною изъ поземельныхъ податей, которая взималась натурою съ собраннаго съ земли жита, съ домашнихъ животныхъ (овецъ и свиней), съ вина и меда (пчелъ). 2) Прямое, хотя и неясное, указаніе на русскую государственную десятину мы находили еще въ одной статьѣ старшаго извода Русской Правды, въ которой говорится о десятинѣ, какъ судебной пошлинѣ, взимаемой съ виновныхъ въ кражѣ овцы, козы и свиньи (Акад. 41)—тѣхъ самыхъ домашнихъ животныхъ, которыя обложены были десятиннымъ сборомъ и у южныхъ славянъ и въ Византіи. „Если это—замѣчали мы о десятинѣ Русской Правды—не χοιροδεκατία византійцевъ и не „десетькъ свиньскій и овчій“ болгаръ и сербовъ, то и не наша церковная десятина „отъ всего княжа суда“, ибо о десятинѣ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ нужно было бы говорить и во всѣхъ другихъ статьяхъ Правды, гдѣ только опредѣляется размѣръ уголовнаго штрафа или судебнаго взысканія съ виновнаго въ томъ или другомъ преступленіи [1]). На первый нашъ доводъ проф. Суворовъ возражаетъ, что „въ византійской системѣ права десятина, какъ финансовое учрежденіе государства, выступаетъ лишь въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ, въ видѣ чего-то случайнаго и отрывочнаго, а въ Болгаріи и Сербіи, хотя десятина и была-де типическою формою всѣхъ государственныхъ налоговъ (какъ мы думаемъ), но сказать, что она была тамъ національнымъ учрежденіемъ, можно было бы только, доказавъ предварительно, что десятина существовала у славянъ до принятія ими христіанства, что едва ли возможно“ (стр. 193—194). Если бы почтенный профессоръ, прежде чѣмъ написать эти слова, потрудился заглянуть въ тѣ византійскіе и юго-славянскіе источники, на которые мы ссылались и которыми еще прежде насъ пользовались другіе ученые (Васильевскій и Успенскій), то убѣдился бы, что въ Византіи государственная де-

[1]) См. наши „Книги законныя“ стр. 22—23.

сятина имѣла весьма ясное и опредѣленное очертаніе (то самое, въ какомъ мы ее представили) и что болгары и сербы знали только государственную десятину, а церковная десятина являлась у нихъ въ видѣ пожалованія тому или другому церковному установленію (церкви, монастырю и т. п.) *именно этой государственной десятины*, или въ видѣ льготы, состоявшей въ освобожденіи церковныхъ и монастырскихъ земель отъ государственнаго десятиннаго сбора [1]). Значитъ, государственная десятина въ Болгаріи и Сербіи *предшествовала* церковной, была образцомъ или, лучше сказать, источникомъ для этой послѣдней. Второй нашъ доводъ, взятый изъ Русской Правды, проф. Суворовъ оставилъ безъ всякаго вниманія—видимо потому, что не находилъ тутъ ничего серіознаго. Не такъ взглянулъ на дѣло нашъ почтенный сослуживецъ профессоръ исторіи русскаго права П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій. Въ послѣднемъ выпускѣ своихъ весьма содержательныхъ изслѣдованій о Русской Правдѣ онъ помѣстилъ особое приложеніе о десятинѣ, упоминаемой въ указанной нами статьѣ этого памятника [2]). Признавая нашъ вышеизложенный аргументъ „вполнѣ основательнымъ“, уважаемый авторъ пытается однакожъ отстоять общепринятое мнѣніе о тожествѣ десятины Русской Правды съ церковною десятиною „отъ всего княжа суда“, и на поставленный нами вопросъ: почему объ этой десятинѣ не упомянуто во всѣхъ остальныхъ статьяхъ Правды, гдѣ только опредѣляется размѣръ уголовнаго денежнаго взысканія съ виновныхъ въ томъ или другомъ преступленіи, отвѣчаетъ такими соображеніями: 1) „порядокъ въ послѣдованіи статей краткой Правды, какъ *свода*, состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что статьи правоваго содержанія отдѣляются отъ постановленій, опредѣлющихъ различные доходы

---

[1]) Намъ извѣстенъ только одинъ примѣръ пожалованія сербскимъ государемъ (Стефаномъ Душаномъ) монастырю десятины не обще-государственной, а особенной—отъ царскаго скота. Но это былъ и монастырь особенный—Хиландарь, фамильная святыня сербскихъ государей на Аѳонѣ (*Флоринскій*, Памятники законодательной дѣятельности Душана, стр. 44).

[2]) Изслѣдованія о Русской Правдѣ. Приложенія ко второму выпуску, стр. 32—39.

судей и другихъ чиновниковъ. Эти послѣднія постановленія въ краткой Правдѣ начинаются съ 41-й (т. е. собственно со второй половины 40-й) статьи. Здѣсь въ числѣ сборовъ, *доходовъ*, упомянута и *продажа* за похищеніе овцы, козы, свиньи; такое упоминаніе продажи въ статьѣ о доходахъ, по моему, указываетъ на то, что продажа здѣсь разсматривается не какъ пеня, наказаніе, а какъ доходъ князя-судьи; съ нея же, какъ съ дохода, опредѣлена и десятина". —2) „Размѣръ этой десятины легко приложить и къ другимъ продажамъ краткой Правды: счетъ простой, не возбуждающій никакого сомнѣнія, а потому и не требующій особыхъ постановленій для каждаго даннаго случая: нѣтъ нужды въ законѣ, нѣтъ и закона" (стр. 33—34). На первый аргументъ почтеннаго профессора замѣтимъ, что всѣ вообще денежныя пени Русской Правды (виры и продажи) были не только уголовными наказаніями преступниковъ, но вмѣстѣ и доходами князя. Почему же въ Правдѣ опредѣляется десятина только съ пени, назначенной за кражу домашнихъ животныхъ? Ясно, что въ изложенномъ соображеніи автора вопросъ этотъ не только не разрѣшается, но и вовсе на затрогивается. Болѣе прямой, хотя и не совсѣмъ ясный отвѣтъ на него какъ будто дается во второмъ аргументѣ, который мы понимаемъ такъ: расчетъ десятины, сдѣланный въ 41-й статьѣ Правды, гдѣ говорится о кражѣ овецъ, козъ и свиней, легко приложить и къ другимъ денежнымъ пенямъ, опредѣленнымъ во всѣхъ предыдущихъ статьяхъ Правды: стоитъ только вычесть $10^0/_0$ изъ суммы каждой пени, какъ княжескаго дохода, и получится десятина, слѣдующая „отъ княжа суда" въ пользу церкви. Однакожъ на дѣлѣ оказывается не то, даже въ отношеніи къ той десятинѣ, размѣръ которой прямо опредѣленъ въ поцитованной статьѣ Правды. Въ этой статьѣ цифра десятины опредѣляется на двоякую сумму продажи: въ 3 гривны и въ 12 гривенъ. Въ первомъ случаѣ десятина несомнѣнно является не вычетомъ изъ продажи, а надбавкою къ ней десяти процентовъ: „въ десятину 15 кунъ, говоритъ Правда, а князю 3 гривны" (гривна= 50 кунамъ). Если въ настоящемъ случаѣ князь, какъ судья, получаетъ свою продажу *полностію*, то съ кого берется и

куда идетъ дополнительная судебная пошлина, равняющаяся 10% съ суммы продажи и прямо названная десятиною? Зная, что церковная десятина „отъ княжа суда“ всегда была вычетомъ изъ княжескихъ судебныхъ доходовъ, мы и теперь не находимъ никакого другого отвѣта на этотъ вопросъ, кромѣ предположенія, что въ древней Руси, какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, существовалъ особый государственный десятинный сборъ съ домашнихъ животныхъ, который, въ случаѣ кражи ихъ, взыскивался съ воровъ. Во второмъ случаѣ, при продажѣ въ 12 гривенъ, десятина хотя и оказывается вычетомъ изъ этой суммы, но такимъ, который превышаетъ 10%: „а отъ 12 гривну, говоритъ Правда,... въ десятину 2 гривнѣ (а не 60 кунъ, т. е. не 1 гривна и 10 кунъ, какъ бы слѣдовало по точному расчету), а князю 10 гривенъ“. Послѣднее обстоятельство—увеличеніе въ настоящемъ случаѣ, десятины до размѣра, превышающаго 10% съ номинальной суммы продажи—побуждаетъ профессора Мрочекъ-Дроздовскаго прибѣгнуть къ предположенію, что „благочестивые князья нерѣдко отдѣляли отъ своихъ судебныхъ доходовъ въ пользу церкви не десятую долю, а болѣе крупную часть, хотя и называли этотъ окладъ общепринятымъ терминомъ десятины“ (стр. 34). Такъ-де, по церковному уставу Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, судные княжескіе доходы были обложены не десятиннымъ, а *половинным*ъ платежемъ въ пользу мѣстной епископской каѳедры: „што возметъ князь, сказано въ этомъ уставѣ, *съ епископомъ наполы*, или посадникъ что возметъ *свои* тяжи, *то съ епископомъ наполы*“ (стр. 33). Но эти слова не имѣютъ никакого отношенія къ десятинѣ, установленной Ростиславомъ для вновь учрежденной Смоленской епископіи. Они находятся въ той части Ростиславовой уставной грамоты, гдѣ идетъ рѣчь не о десятинѣ, а о „тяжахъ епископлихъ“ (о предметахъ епископскаго суда), при чемъ о четвертой тяжѣ—„уволочской, ажъ уволочетъ кто дѣвку“, замѣчено: „што возметъ князь, съ епископомъ наполы“ и пр. Это значитъ, что дѣла объ „уволочкѣ“ или „умычкѣ“, и по учрежденіи въ Смоленскѣ епископіи, остались подсудными

князю и его посадникамъ, съ тою только перемѣною въ этой подсудности, что денежная пеня (продажа) съ похитителей дѣвицъ должна была дѣлиться пополамъ между княземъ и епископомъ [1]). Обращаясь затѣмъ къ той (первой) части Ростиславовой грамоты, гдѣ содержатся постановленія о десятинѣ, мы находимъ здѣсь слѣдующія данныя, совершенно несовмѣстимыя съ догадкою проф. Мрочекъ-Дроздовскаго, будто бы установленный въ Смоленскѣ, подъ именемъ десятины, вычетъ изъ княжескихъ судебныхъ доходовъ въ пользу церкви на самомъ дѣлѣ равнялся не десятой долѣ, а половинѣ этихъ доходовъ: 1) десятина установлена Ростиславомъ только съ *даней* Смоленской земли, а не „отъ виръ и продажъ“ [2]); 2) эта десятина съ даней, какъ видно

---

[1]) Примѣръ такого дѣлежа судебныхъ пошлинъ между княземъ и епископомъ находимъ еще въ слѣдующей статьѣ Ярославова церковнаго устава: „Свадебное и сгородное, бой и убійство, аще что случится и душегубство, платятъ виру князю съ владыкою *наполы*“. Замѣчательно также, что въ нѣкоторыхъ спискахъ т. наз. Ряда и суда церковнаго, установленнаго первыми князьями“ (это — позднѣйшая сокращенная редакція Владимірова устава) перечень епископскихъ судовъ оканчивается словами: „А съ епископомъ *наполы: пошибаніе* (преступленіе, почти тожественное съ умычкою), или дѣвка дѣтя повержетъ“ (См. наши „Книги законныя“, стр 36, прим. 1). Что дѣла объ „умычкѣ“ отнесены въ Ростиславовой церковно-уставной грамотѣ къ „тяжамъ епископимъ“ только потому, что епископъ получалъ право на половину княжескихъ продажъ отъ этихъ дѣлъ, видно изъ дальнѣйшаго перечня епископскихъ „тяжъ“, которыя, какъ исключительно-епископскія, перечисляются уже съ особыми замѣтками о такомъ ихъ характерѣ „то епископу“, „тяжа епископля“. „а не будетъ зла ничего церкви“, и о которыхъ потомъ дано общее постановленіе: „Ажъ будетъ или тяжа или продажа епископля, да ненадобѣ ни князю, ни посаднику, ни иному никомуже отъ мала и до велика по всей волости Смоленской“.

[2]) Постановленія Ростиславовой грамоты о десятинѣ начинаются словами: „Се даю святѣй Богородици десятину отъ всѣхъ *даней* Смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, *кромѣ* продажи, и *кромѣ* виры, и *кромѣ* полюдья“. Правда, нѣкоторые понимаютъ это „кромѣ“ въ смыслѣ „сверхъ“ и пытаются оправдать такое пониманіе дальнѣйшими мѣстами грамоты, гдѣ наряду съ данями одинъ разъ упоминается *вира* („Дѣдичи и дань и *вира* 15 гривенъ“) и два раза — *полюдье* („на Копысѣ *полюдья* четыри гривны“.... въ Лучинѣ *полюдья*... гривны“). Но уже то самое, что *вира* и *полюдье* относятся въ грамотѣ Ростислава къ числу постоянныхъ и опредѣленныхъ налоговъ (даней) только въ видѣ рѣдкаго исключенія для отдѣльныхъ мѣстностей, доказываетъ, что десятина съ княжескихъ виръ и продажъ, а равно

изъ дальнѣйшаго распредѣленія ея между тогдашними составными частями Смоленскаго княжества, всегда есть *строго-ариѳметическая десятина*. Такимъ образомъ аргументъ почтеннаго профессора, заимствованный изъ церковно-уставной грамоты Ростислава, есть не болѣе, какъ petitio principii. Значитъ, и десятина Русской Правды, превышающая въ указанномъ случаѣ десятую долю княжеской продажи, требуетъ иного комментарія. Не даетъ ли сама Правда какого нибудь ключа къ разрѣшенію этой загадки? Если допустить, что въ данномъ случаѣ, т. е. при продажѣ въ 12 гривенъ, цифра эта имѣетъ только номинальное значеніе (а допустить это возможно уже потому, что Правда знаетъ только три неизмѣнныя цифры продажи: 12 гривенъ, 3 гривны и 60 рѣзанъ или кунъ): то уже извѣстная намъ ариѳметическая аномалія въ расчетѣ 41-й статьи старшаго извода Правды: „отъ 12 гривну... въ десятину 2 гривнѣ, а князю 10 гривенъ“ получитъ нѣкоторое объясненіе, непротивное нашей догадкѣ о томъ что и здѣсь рѣчь идетъ не о церковной, а о государственной десятинѣ. Продажа въ 12 гривенъ за кражу домашнихъ животныхъ назначается по Русской Правдѣ въ томъ, случаѣ, когда 10 воровъ украдутъ одну овцу (съ каждаго вора по 60 рѣзанъ или кунъ, значитъ, со всѣхъ— 600 кунъ, что̀ и составитъ 12 гривенъ). Размѣръ княжеской продажи въ этомъ случаѣ убавляется на 2 гривны, которыя

и съ полюдья, не была общимъ установленіемъ для всей Смоленской земли. Включеніе виры и полюдья въ опредѣленный окладъ могло состояться только по особому условію князя съ отдѣльными общинами, которыя за условленную плату получали право самосуда въ дѣлахъ объ убійствѣ (т. е. право взысканія виры съ виновныхъ) и свободу отъ въѣзда въ ихъ территорію сборщиковъ княжеской дани, взимавшихъ съ общинъ, на свое содержаніе, дополнительную плату, которая и называлась *полюдьемъ*. Вообще же сумма виръ и продажъ, конечно, не могла быть каждый годъ постоянною. Точно также и размѣръ полюдья могъ быть неодинаковъ, смотря потому, самъ ли князь собиралъ свои дани, или посылалъ за сборомъ ихъ кого либо изъ своихъ служилыхъ людей. Словомъ: Ростиславъ установлялъ въ своемъ княжествѣ церковную десятину только съ постоянныхъ, окладныхъ княжескихъ доходовъ, куда виры, продажи и полюдье относились только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, почему и были исключительны изъ числа *общихъ* источниковъ десятины.

отчисляются въ десятину. Но такъ какъ ариѳметическая десятина съ 12 гривенъ равняется не двумъ гривнамъ, а только 60 кунамъ, т. е. одной гривнѣ и десяти кунамъ: то $^2/_5$ двугривеннаго вычета изъ княжеской продажи, т. е. 40 кунъ (въ 2-хъ гривнахъ 100 кунъ), возвращаются самому же князю въ излишкѣ, отчисленномъ въ десятину, а $^3/_5$ (60 кунъ), вѣроятно, идутъ въ вознагражденіе „емцу“ (поймавшему) воровъ, которому въ настоящемъ случаѣ, при продажѣ въ 12 гривенъ, всѣ извѣстные списки старшей Правды (едва-ли, впрочемъ, согласно съ своимъ оригиналомъ) даютъ 70 кунъ.

То обстоятельство, что позднѣйшіе изводы Русской Правды уже не знаютъ десятины, о которой говоритъ старшая Правда, мы объясняли и объясняемъ себѣ такъ: „Государственная десятина, по всей вѣроятности, просуществовала у насъ не долго послѣ того, какъ по ея образцу учреждена была десятина церковная; уступивъ этой послѣдней свое названіе, она сама переименовалась и преобразилась въ другія подати, число которыхъ постоянно возрастало и характеръ измѣнялся сообразно съ новыми потребностями и внутреннимъ ростомъ государства“ [1]). На это проф. Суворовъ не безъ ироніи замѣчаетъ: „Отъ *исконнаго* русскаго учрежденія (такъ назвали мы десятину въ смыслѣ *первичной* государственной подати на Руси) можно было бы съ полнымъ правомъ ожидать большей живучести!“ (стр. 194). Однако-жъ для *государственнаго*, и въ особенности *финансоваго* института, получившаго у насъ начало, можетъ быть, вмѣстѣ съ самимъ государствомъ, просуществовать до временъ Ярослава и его сыновей (т. е. почти цѣлыхъ два столѣтія), значитъ, по нашему мнѣнію, доказать не *малую* живучесть! Такимъ образомъ, пока выставленная нами догадка о существованіи въ древней Руси государственной десятины не будетъ опровергнута болѣе основательными возраженіями, чѣмъ какія встрѣтила она до настоящаго времени, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что русская церковная десятина взята

---

[1]) Книги законныя, стр. 24.

была не съ западнаго церковнаго образца, а съ своего— государственнаго.

2) Вліянію католическаго церковнаго права проф. Суворовъ приписываетъ еще включеніе уставомъ св. Владиміра въ кругъ лицъ церковнаго вѣдомства всѣхъ „людей богадѣльныхъ“, которые на западѣ назывались personae miserabiles и состояли подъ особымъ покровительствомъ церкви, а также—порученіе духовнымъ властямъ надзора за правильностію торговыхъ мѣръ и вѣсовъ. „*Несомнительность* западнаго вліянія въ этихъ двухъ пунктахъ вытекаетъ для автора изъ того соображенія, что если изъ двухъ образцовъ, которые могли вліять на русскую жизнь, одинъ (византійскій) оказывается не подходящимъ къ ней, а другой (западно-католическій) носитъ черты разительнаго сходства съ русскою жизнію: то вліянію этого послѣдняго, а не перваго, должно быть приписываемо образованіе тѣхъ или другихъ древне-русскихъ отношеній“ (стр. 204—205). Удивительно, какъ авторъ легко убѣждается въ „несомнительности“ своихъ соображеній и какъ смѣло расчитываетъ при этомъ на довѣрчивость читателей! Чтобы судить о томъ, какой изъ двухъ возможныхъ образцовъ для постановленій древне-русскаго церковнаго устава о людяхъ церковныхъ и о правѣ духовной іерархіи наблюдать за торговыми мѣрами и вѣсами оказывается наиболѣе подходящимъ къ этимъ постановленіямъ—западный или византійскій, для этого нужно было бы, конечно, представить тотъ и другой образецъ въ одинаковой полнотѣ, безъ всякой утайки. Не то мы видимъ у проф. Суворова. Въ доказательство своего вышеизложеннаго соображенія онъ приводитъ массу выписокъ изъ разныхъ источниковъ западнаго церковнаго права, какъ „несомнительныхъ“ образцовъ для соотвѣтственныхъ постановленій устава св. Владиміра, но ничего не хочетъ знать о совершенно аналогическихъ фактахъ, представляемыхъ церковными законами и самою жизнію православнаго востока. А между тѣмъ, кому неизвѣстны эти безчисленныя ксенодохіи, птоходохіи, орфонотрофіи, врефотрофіи, носокоміи, геронтокоміи и другія подобныя благотворительныя учрежденія, которыя по византійскимъ церковнымъ и государственнымъ зако-

намъ всѣ находились въ вѣдѣніи духовной іерархіи: столичныя подчинены были патріарху, а провинціальныя—мѣстнымъ епископамъ? [1]). Неужели первые русскіе іерархи, родомъ греки, съ которыми такъ „часто снимался“ св. Владиміръ при устроеніи церковныхъ порядковъ на Руси, ни разу не указали ему на этотъ образецъ своей отечественной церкви? Не лишне замѣтить и то, что нѣкоторые изъ византійскихъ государственныхъ законовъ, отдающихъ всѣ богоугодныя и благотворительныя заведенія въ вѣдомство духовной іерархіи, находились уже въ первоначальномъ славяно-русскомъ номоканонѣ, такъ что въ настоящемъ случаѣ ссылка церковнаго устава на „греческій номоканонъ“ была бы возможна и въ подлинномъ законодательномъ актѣ св. Владиміра. Приведемъ по первоначальному славяно-русскому номоканону два такихъ закона: одинъ—изъ извѣстнаго собранія 87 главъ, извлеченныхъ Іоанномъ Схоластикомъ изъ разныхъ новеллъ Юстиніана, другой—изъ Эклоги императоровъ Льва Исаврянина и Константина Копронима. Первый въ пергаминной Кормчей Московской синодальной библіотеки XI—XII в. (№ 227) читается такъ: „**Аще кто оустроіенніе** (κατασκευήν) **уьстьнаго домоу. или пртворьныя цр҃кве** (εὐκτηρίου). **или гостиньница** (ξενῶνος). **или ницинхъ прѣбываліца** (πτωχείου). **или сротъ кърмлѣнія** (ὀρφανοτροφείου). **или недоужьнѣихъ прѣбываліца** (νοσοκομείου). **или иного уьстнаго домоу въ оумьрьлѣемь сѣвѣтѣ** (ἐν τελευταίᾳ βουλήσει) **бывати въобразить** (γίνεσθαι διατυπώσῃ). **пртворьноую оубо цр҃къвь равьно пати лѣтъ** (εἴσω πέντε ἐνιαυτῶν). **оуурѣдити повелѣвлѣемъ промышленіемь боголюбивааго е҃п҃па и҃ кнаѕа** (τοῦ ἄρχοντος). **И аще тъ самъ сѣвѣщавъ[ı]и҃** (ὁ διαθέμενος)

---

[1]) Списокъ и краткое описаніе 35 богоугодныхъ заведеній, находившихся въ одномъ только Константинополѣ, см. у Дюканжа Constantinopolis christiana, lib. IV, c. 9). Что всѣ подобныя заведенія находились въ вѣдѣніи мѣстнаго патріарха, видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ новеллы императора Ираклія, изданной въ 620—629 году: ὑφ' ὃν (πατριαρχικὸν θρόνον) τελοῦσι πάντες οἱ εὐαγεῖς τόποι τῆς βασιλίδος ταύτης πόλεως καὶ τῆς ταύτης ἐνορίας (Zachariae, Ius graeco-romanum pars III, 42). Новелла издана противъ провинціальныхъ клириковъ, проживавшихъ въ столичныхъ церковныхъ странноприимницахъ и причинявшихъ имъ обременительные расходы.

повелѣеть (ὁρίζει). хотящимъ (ὀφείλοντας). гостиньникъ (ξενοδόχους) и̑ли нищекърмильца (πτωχοτρόφους). и̑ли и̑нъ таковъ строитель (διοικητάς). или своимъ наслѣдьникомъ таковое и̑зъбранїе подасть. повелѣваемъ образъ всѣмъ наслѣдникомъ образенїй (τὰ διατυπωθέντα) и̑спълнити. по мѣстомъ е̑пи̑мъ съмотрящимъ (τῶν κατὰ τόπον ἐπισκόπων ἐποπτευόντων). аще добрѣ строєнїе происходить. и̑ а̑ще о̑бращють не добромъ быти строителемъ. власть и̑мѣти бес тѣщеты (ἄνευ ζημίας) и̑нъ въ тѣхъ мѣсто подобьнъ (ἐπιτηδείους) творити“ (л. 294—295) [1]). Въ славянскомъ переводѣ Эклоги находимъ слѣдующее замѣчательное постановленіе о церковной опекѣ надъ малолѣтними сиротами, которымъ родители не назначили опекуновъ: „Аще ѡ̑ нѣкыхъ сиротъı оставленъı будуть и младеньци, и будеть тѣмъ ѯадница (ὑπόστασις). аще родители ихъ оумирающе написанїемъ старѣшинъı (κουράτορα) симъ оставать, да схранено будеть тѣхъ хотѣнїе. аще ли ни, бг҃оу҃тивнїи домъ тѣхъ старѣшиньство (κουρατωρείαν) да имуть: въ бг҃охранимомъ семь градѣ — сирыхъ кормленїе (τὸ ὀρφανοτροφεῖον) и прѡчїи бг҃оу҃тивнїи домъ и ѯнаємъıмъ цр҃кви (αἱ ἐγνωσμέναι ἐκκλησίαι); въ ѥпархиахъ же — ѥпи̑и (τὰ ἐπισκοπεῖα), монастъıри и цр҃кви, дѡндеже, к годинѣ брака постигнюще (πρὸς γάμου μοῖραν καταντῶντες) наслѣдници соутаються; ли къ браку прити не въсхотать, до. к. лѣт тѣмъ бг҃оу҃тивъıмъ домомъ, монастъıремъ и цр҃квамъ таковъıх ѯадница хранити, ти (καὶ) посемь нескудно (ἀνελλιπῶς) рсуенъıмъ наслѣдникомъ ѡ̑давати: не оутѡдно бѡ єсть Богу, якоже и донъıнѣ (καθάπερ καὶ μέχρι τοῦ νῦν). старѣшинъı їнъı предлагати, и сиротнъıхъ єсти (τὰ τῶν ὀρφανῶν κατεσθίειν). и онѣхъ проспти (κἀκεῖνα προσαιτεῖν): ти бо (οἱ γὰρ αὐτοί) бг҃оу҃тивнїи домове и Божиа цр҃кви, иже ѹюжѣ ѯаступающе (οἱ καὶ τῶν ἀλλοτρίων προϊστάμενοι) и страньıхъ ꙗко своиⷯ, и ѯаповѣдь Божию (κατὰ τὴν ἐντολὴν τοῦ κυρίου), прiемлюще и по̑нмающе (ξενοδοχοῦντες καὶ ὑποδεχόμενοι), болѣ паче (πολλῷ πλέον) сирыхъ (τὰ τῶν ὀρφανῶν) схранать, ї̑ снхъ оустроєнїе въ врема своє да сво-

---

1) Греческій подлинникъ этого собранія изданъ у Геймбаха въ Ἀνέκδοτα juris graeco-romani, t. II, p. 217 (cap. 25).

рять“ [1]). Если не эти самые, то другіе подобные законы указываетъ и Неволинъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о пространствѣ церковнаго суда въ древней Россіи, справедливо усматривая въ нихъ прямые образцы для соотвѣтственныхъ постановленій устава св. Владиміра [2]). У того же Неволина проф. Суворовъ могъ бы найти выписки и изъ такихъ византійскихъ государственныхъ законовъ, по которымъ епископы имѣли право участвовать въ выборѣ смотрителей за городскими торговыми мѣрами и вѣсамъ, и самые эти вѣсы и мѣры хранились въ церквахъ, подъ наблюденіемъ епископовъ [3]).

По вопросу о происхожденіи позднѣйшаго русскаго церковнаго устава, усвояемаго преданіемъ великому князю Ярославу I, и о вліяніи на этотъ уставъ католическаго церковнаго права, проф. Суворовъ повторяетъ тѣже самыя соображенія, какія высказаны имъ и относительно устава св. Владиміра: произошелъ-де Ярославовъ уставъ въ западной Руси вслѣдствіе подчиненія ея католическимъ литовскимъ князьямъ и уже по этой причинѣ долженъ былъ ис-

---

[1]) Въ греческомъ подлинникѣ (Zachariae, Collectio librorum juris graecoromani ineditorum) это—VII титулъ Эклоги; по славянскому же переводу—„Зачатокъ й“. Переводъ приведенъ нами по старшему списку его, находящемуся въ Троицкомъ „Мѣрилѣ Праведномъ“ XIV в. (№ 15). Кстати замѣтимъ, что въ этомъ спискѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оставлены пробѣлы, потому, вѣроятно, что писецъ не довѣрялъ своему оригиналу, какъ испорченному. Эти пробѣлы частію до сихъ поръ остались пустыми, частію наполнены письмомъ, почти современнымъ первоначальному, но уже другого содержанія. Въ позднѣйшихъ спискахъ славянской Эклоги пробѣлы старшаго списка уничтожены, такъ сказать, механически: текстъ переписанъ сплошь, но съ прежними пропусками. Тѣже пропуски и въ печатной Кормчей (гл. 49), куда старый переводъ Эклоги попалъ съ одного изъ самыхъ испорченныхъ списковъ. Замѣчательно еще, что юго-славянскія Кормчія, начиная уже съ XIII в., вовсе не знаютъ Эклоги. Она составляетъ исключительную принадлежность только русскихъ Кормчихъ особеннаго разряда, удержавшихъ въ себѣ нѣкоторыя составныя части *первоначальнаго* славяно-русскаго номоканона.

[2]) Сочин. т. VI. стр. 257, подъ рубрикой: „Дѣла благотворительности“.

[3]) Тамъ же, стр. 266, пун. 1 и 4.

пытать на себѣ вліяніе католическихъ церковныхъ порядковъ (стр. 230—232). Впрочемъ дѣйствительные слѣды этого вліянія авторъ находитъ не въ какихъ либо прямыхъ заимствованіяхъ, внесенныхъ въ новый русскій церковный уставъ изъ источниковъ католическаго церковнаго права, а исключительно въ томъ, что многія статьи этого устава оказываются сходными съ Закономъ суднымъ, и одна (о поджогѣ) — съ „Заповѣдію св. отецъ“ (стр. 222—225). Значитъ, здѣсь идетъ рѣчь собственно только о *посредственномъ* и, какъ мы уже знаемъ, *мнимомъ* вліяніи католическаго церковнаго права на древне-русское православное, поскольку это послѣднее обнимается уставомъ Ярослава. Такимъ образомъ позднѣйшій русскій церковный уставъ не доставилъ нашему автору никакого новаго матеріала, пригоднаго для разработки *главной* его темы. Этотъ недостатокъ до нѣкоторой степени восполняется другимъ вопросомъ, который хотя и не имѣетъ прямого отношенія къ главной темѣ, но все же даетъ автору возможность ближе держаться къ излюбленному имъ западу, чѣмъ къ востоку.

Извѣстно, что существуютъ двѣ редакціи Ярославова устава: западная и восточная, литовско-и московско-русская. Старшій списокъ первой сохранился при грамотѣ литовскаго великаго князя Александра Казиміровича, данной въ 1499 году новонареченному Кіевскому митрополиту Іосифу въ подтвержденіе старинныхъ правъ западно-русской православной церкви [1]). Списки же второй редакціи несомнѣнно восходятъ къ началу XV вѣка [2]). Но ни одинъ изъ нихъ, не вы-

---

[1]) См. Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. I, № 166.

[2]) По палеографическимъ признакамъ, самымъ старшимъ спискомъ Ярославова устава долженъ быть признанъ тотъ, который находится въ сборникѣ Москов. синод. библіотеки XV вѣка № 951, л. 199—200. (Ср. *Горскаго* и *Невоструева* „Описаніе“ рукописей этой библіотеки, отд. 2, ч. 3. стр. 577). Къ сожалѣнію, этотъ списокъ сдѣланъ съ большими пропусками. Въ началѣ онъ совершенно сходенъ съ Соловецкимъ спискомъ 1493 г. (о которомъ см. слѣд. примѣчаніе); но писецъ, какъ видно, человѣкъ очень стыдливый, выписалъ изъ своего оригинала только девять начальныхъ статей устава, а затѣмъ, послѣ замѣчанія: „Иныя же вещи мнози суть, яже неписаны зде, срама ради“, прямо перешолъ къ заключительной

ключая и *напечатанныхъ*, не былъ извѣстенъ проф. Суворову [1]). Отсюда получилась для него незавидная возможность доказывать преимущество западной редакціи предъ восточною какъ по времени происхожденія, такъ и по самому содержанію. Правда, автору извѣстно, что „древнѣйшее историческое свидѣтельство объ уставѣ Ярослава содержится въ договорной грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріана“, но вслѣдъ за Неволинымъ, онъ не придаетъ этому свидѣтельству рѣшающаго значенія, такъ какъ въ упомянутой грамотѣ будто бы „говорится лишь вообще объ изданіи Владиміромъ и Ярославомъ какихъ-то уставовъ, безъ всякихъ частнѣйшихъ подробностей“ (стр. 225) [2]). На самомъ же дѣлѣ изъ грамоты ясно видно, что подтвержденіе старыхъ двухъ церковныхъ уставовъ сдѣлано было въ ней такъ, что оба устава цѣликомъ выписаны были „изъ великаго стараго номоканона“ на особый „списокъ“ или „свертокъ“ и снабжены этою самою подтвердительною грамотою, съ которою они опять вошли потомъ въ составъ нѣкоторыхъ списковъ „великаго номоканона“, т. е. Кормчей книги [3]). Такимъ образомъ

части устава, начинающейся словами: „Аще кто уставъ мой порушитъ и уставленіе мое“ и пр. Такъ какъ этотъ списокъ несомнѣнно принадлежитъ первой половинѣ XV вѣка, то оригиналъ его могъ быть на нѣсколько десятковъ лѣтъ старше.

[1]) По печатнымъ изданіямъ извѣстны три списка Ярославова устава XV вѣка: 1) Соловецкій 1493 года, напечатанный въ Православ. Собесѣдн. за 1861 г. ч. III, ст. 93 и сл.; 2) Кирилло-бѣлозерскій, находящійся въ тамошнемъ сборникѣ, писанномъ въ 1470, 1475 и 1479 годахъ, и изданный въ Ученыхъ Запискахъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ, кн. V, отд. III, стр. 54—57; ср. стр. 2; 3) Новгородскій половины XV вѣка, помѣщенный въ числѣ приложеній къ новому изданію первой Новгородской лѣтописи (1888 г., стр. 454—459, ср. предисловіе редактора, стр. VII).

[2]) Ср. Неволина т. VI, стр. 305.

[3]) Въ концѣ грамоты, по изданію Карамзина (И. Г. Р. т. V, прим. 233), сказано: „Списанъ же бысть сей свертокъ (по другимъ спискамъ: „списокъ“) изъ великаго стараго номоканона на Москвѣ въ лѣто 6911 (=1403), индикта (въ другихъ прибавлено: 11), мѣсяца Ноября (въ др. безъ имени мѣсяца), 11 (въ др. „въ 12“ и „19 день“). Что слова: „Списанъ бысть сей свертокъ“ или „списокъ“ относятся именно къ церковнымъ уставамъ Владиміра и Ярослава, а не къ самой подтвердительной грамотѣ, видно, во-

церковные уставы Владиміра и Ярослава были теперь какъ бы вновь изданы отъ лица Московскаго великаго князя, наслѣдника той церковно-политической власти, какая принадлежала первымъ двумъ христіанскимъ и единодержавнымъ князьямъ Руси [1]). Другое, нѣсколько позднѣйшее свидѣтельство о существованіи списковъ Ярослава церковнаго устава въ первой четверти XV вѣка находимъ въ новой договорной грамотѣ того же великаго князя Василія Дмитріевича съ преемникомъ митрополита Кипріана—Фотіемъ, изданной 26 іюня 1419 года и по своему содержанію совершенно сходной съ предыдущею [2]).

первыхъ, изъ дальнѣйшихъ словъ: „изъ великаго *стараго* номоканона" (откуда, конечно, не могла быть списана теперь только составленная подтвердительная грамота); вовторыхъ—изъ того обстоятельства, что въ рукописяхъ эта подтвердительная грамота обыкновенно помѣщается *вслѣдъ* за полнымъ текстомъ уставовъ Владиміра и Ярослава, такъ что всѣ три акта составляютъ какъ бы *одно цѣлое*, одинъ „свитокъ". Намъ извѣстны четыре такихъ рукописи, всѣ XVI вѣка: 1) Кормчая Румянц. Музея № 232 (по списку этой Кормчей уставъ Ярослава изданъ преосв. Макаріемъ въ Ист. русс. церкви, т. II, прим. 455, изд. 1); 2) Львовская Кормчая, описанная Головацкимъ въ брошюрѣ: „Библіографическія находки во Львовѣ". СПБ. 1873, стр. 36—37); 3) Кормчая, принадлежащая Московскому купцу И. Л. Силину № 7 (подтвердительная грамота безъ даты) и 4) Требникъ Виленской публичной библіотеки № 206 (см. Добрянскаго „Описаніе" рукописей этой библіотеки. Вильна. 1882, стр. 316).

[1]) Нужно впрочемъ замѣтить, что подтвержденіе старыхъ церковныхъ уставовъ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ имѣло только, такъ сказать, принципіальное значеніе. Въ слѣдующемъ году (1404-мъ) состоялось новое соглашеніе великаго князя съ митрополитомъ Кипріаномъ, изложенное въ особой договорной грамотѣ, въ которой великій князь выговариваетъ себѣ такія права относительно церковныхъ судовъ и людей, которыя составляютъ уже довольно значительное ограниченіе прежняго полнаго дѣйствія уставовъ Владиміра и Ярослава. Эта новая договорная грамота въ единственно извѣстномъ спискѣ ея, напечатанномъ въ 1-мъ томѣ Актовъ Археогр. Экспедиціи подъ № 9, имѣетъ испорченную дату: „индикта 12, въ лѣто 6900". Индиктъ 12 соотвѣтствуетъ 6912 (1404) году.

[2]) Намъ извѣстны два списка этой новой договорной грамоты объ уставахъ Владиміра и Ярослава: одинъ (безъ даты), а только съ именемъ м-та Фотія—въ Палеѣ Троицкой Лавры XVII вѣка № 730, л. 462—470; другой (съ датою, приведенною въ текстѣ)—въ рукописи 1622 года, принадлежащей Государств. Древлехранилищу при Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ (см. витрину № 2) и содержащей въ себѣ исключительно только уставы Владиміра и Ярослава съ подтвердительною грамотою Василія Дмитріевича.

Обстоятельства, вызвавшія это повторительное подтвержденіе старыхъ церковныхъ уставовъ, довольно ясно указаны въ современныхъ лѣтописахъ и въ двухъ поученіяхъ самого митрополита Фотія великому князю Василію Дмитріевичу. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1410 годомъ помѣщено извѣстіе о захватѣ боярами и князьями, послѣ смерти митрополита Кипріана (1406 г.), разныхъ вотчинныхъ земель митрополіи. На это же жалуется въ своихъ вышеупомянутыхъ поученіяхъ и митрополитъ Фотій, обвиняя въ присвоеніи церковныхъ земель самого великаго князя и прося его *подтвердить* старые церковные уставы, изданные его благочестивыми предками, изъ коихъ прямо названъ *Ярославъ:* „Хотѣлъ быхъ, писалъ митрополитъ въ своемъ поученіи, пространнѣе явити [ти] отъ древніихъ онѣхъ свято почившихъ великихъ князей, прародителей твоего благородіа, Ярослава глаголю, иже добльствія являшаяся (очевидный переводъ съ греческаго подлинника, приблизительно такого: ἐβουλήθην πλατύτερον ἀποδεῖξαί σοι ἀπὸ τῶν παλαιῶν ἐκείνων μεγάλων ἀρχόντων, προγονέων τῆς εὐγενείας σου, Ἰαροσθλάβου φημί, τὰς (иже) ἀρετὰς φανερωθείσας), ово убо *благопокорны церкви Христовѣ* и по *древнихъ православныхъ царей поревновавша;* ово же и скипетры державѣ своей добрѣ устроивша... но сего ради преидохъ на повѣсть родителя твоего благородіа, яко самовидець еси его добродѣтелемъ и благопокореніемъ, еже имѣаше къ церкви Христовѣ... Тѣмже молюся твоему благочестію, яко... да вся, елика суть церкви Божіи отдана отъ твоихъ прародителей, и утвержена и нареченна, и ты такоже да сотвориши, якоже они... Такоже и ты, сыну мой, благочестивымъ *списаніемъ* церкви Божіей нареченнаа *да утвердиши, да устроиши вся пошлины*“ и пр. [1]).

Итакъ въ самомъ началѣ XV вѣка мы находимъ два оффиціальныя свидѣтельства о существованіи въ сѣверо-восточной Руси списковъ Ярослава церковнаго устава. Въ ка-

---

[1]) Русс. Истор. Библіот. т. VI, стр. 294—295; ср. стр. 303—304, гдѣ находится слѣдующая жалоба митрополита Фотія: „Свѣдомо же ти буди, сыну мой, и се, яко церковь Божію уничижилъ еси, *насилствуя, взимая неподо-*

кой же редакціи онъ былъ здѣсь извѣстенъ? Какъ всѣ выше указанные старшіе списки Ярославова устава, писанные въ XV вѣкѣ, такъ и тѣ позднѣйшіе, въ которыхъ онъ сопровождается подтвердительными грамотами в. князя Василія Дмитріевича, даютъ на этотъ вопросъ одинъ отвѣтъ: въ той самой редакціи, какую принято называть *восточно*-русскою. И что всего замѣчательнѣе: почти всѣ рукописи, представляющія намъ этотъ уставъ въ соединеніи со старшею подтвердительною грамотою Московскаго великаго князя, изданною при митрополитѣ Кипріанѣ (1403 г.), принадлежалъ не восточной Руси, а *западной*, литовской [1]). Не значитъ ли это, что Московская грамота, исходатайствованная *послѣднимъ* всероссійскимъ митрополитомъ въ подтвержденіе старыхъ русскихъ церковныхъ уставовъ, имѣла свое практическое значеніе и для западно-русской церкви, именно давала возможность тамошней духовной іерархіи подкрѣплять свои подобныя же ходатайства предъ иновѣрными князьями указаніемъ на примѣръ сосѣдней страны, гдѣ православная русская церковь находилась подъ державою и покровительствомъ единовѣрныхъ съ нею государей? Уже о самомъ митрополитѣ Кипріанѣ извѣстно, что онъ въ 1404 г., т. е. на другой годъ по полученіи сейчасъ упомянутой грамоты, ѣздилъ въ Литву и на Волынь и имѣлъ тамъ свиданіе съ польскимъ королемъ Ягайлою и литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ, принявшими его съ честію [2]). Трудно допустить, чтобы такой ревностный оберегатель правъ церкви, какимъ несомнѣнно былъ митрополитъ Кипріанъ, не вос-

---

бающая ти". Не добивался ли митрополитъ формальной отмѣны *второй* договорной грамоты своего предшественника съ великимъ княземъ, которая, какъ выше замѣчено, во многихъ отношеніяхъ уже ограничивала полное дѣйствіе старыхъ церковныхъ уставовъ, подтвержденныхъ самимъ же Василіемъ Дмитріевичемъ?

[1]) Разумѣемъ четыре выше указанныя рукописи, которыя несомнѣнно всѣ писаны въ западной Руси (см. стр. 150, примѣч. 3). Намъ извѣстенъ только одинъ восточно-русскій списокъ церковныхъ уставовъ Владиміра и Ярослава, соединенныхъ съ договорною грамотою в. кн. Василія Дмитріевича и м-та Кипріана,—тотъ, который изданъ въ VI-мъ томѣ Полн. собр. русс. лѣтоп., стр. 82—86.

[2]) Макарій, Ист. русс. цер. т. IV, стр. 85.

пользовался этимъ случаемъ, чтобы исходатайствовать для православныхъ русскихъ епархій, подчиненныхъ двумъ названнымъ иновѣрнымъ государямъ, такія же подтвердительныя грамоты на старые русскіе церковные уставы, какую онъ только-что получилъ отъ Московскаго великаго князя. Кипріанъ могъ даже показать Ягайлѣ и Витовту *подлинникъ* этой грамоты, чтобы такимъ образомъ успѣшнѣе расположить того и другого къ удовлетворенію своего ходатайства. По всей вѣроятности, тсперь именно и была дана Витовтомъ та грамота „о духовныхъ правахъ греческой вѣры", о которой упоминается въ подобной же грамотѣ польскаго короля Сигизмунда I, данной въ 1511 году Кіевскому митрополиту Іосифу и всѣмъ православнымъ русскимъ епископіямъ, подчиненнымъ польской коронѣ [1]). Съ этого же конечно времени стали распространяться въ западно-русскихъ церковныхъ книгахъ (преимущественно въ Кормчихъ) и списки уставовъ Владиміра и Ярослава вмѣстѣ съ подтвердительною грамотою Василія Дмитріевича, — списки, какъ мы уже знаемъ, всѣ безъ исключенія представляющіе послѣдній уставъ въ т. наз. восточной редакціи. Никакой другой редакціи этого устава, въ смыслѣ обще-принятой и обще-употребительной въ *собственно церковной* практикѣ, западная Русь не знала — даже и послѣ 1499 года, когда, какъ выше замѣчено, литовскому князю Александру представленъ былъ для утвержденія особый (сокращенный) „свитокъ Ярославль". Это видно уже изъ того, что всѣ упомянутые западно-русскіе списки Ярославова устава несомнѣнно писаны послѣ 1499 года, а между тѣмъ традиціонный текстъ устава является въ нихъ съ разными схоліями, сдѣланными, очевидно, *съ практическою* цѣлію. Такъ въ Кормчей XVI вѣка, принадлежащей Московскому купцу И. Л. Силину, въ концѣ Ярославова устава или, точнѣе, послѣ стоящей за нимъ подтвердительной грамоты Василія Дмитріевича, находится слѣдующая замѣтка: „А гдѣ гривна серебра писана въ которой винѣ, ино гривна серебра рубль; а гдѣ гривна писана, а серебра не помянуто (т. е. гдѣ

[1]) См. изложеніе этой грамоты у Суворова на стр. 227.

разумѣется въ уставѣ гривна *куны*), ино то шестьнадесять грошей“ [1]).

Въ виду всѣхъ изложенныхъ фактовъ, едва ли кто изъ „изслѣдователей по исторіи русскаго права“ рѣшится, вмѣстѣ съ проф. Суворовымъ, „спокойно оставаться въ томъ убѣжденіи, что восточно-русская редакція Ярославова устава позднѣе западной и составлена въ подражаніе этой послѣдней“, и притомъ — безъ всякой надежды на примѣненіе къ жизни, а просто съ цѣлію „сказать, что вотъ дескать какъ было въ старину, при прежнихъ благочестивыхъ князьяхъ“ (стр. 233). Не только „успокоиться“, но даже на минуту остановиться на такомъ отчаянномъ результатѣ не можетъ ниодинъ серіозный „изслѣдователь по исторіи русскаго права“, хотя бы у него для рѣшенія вопроса о хронологическомъ и матеріальномъ отношеніи обѣихъ редакцій Ярославова устава не было подъ руками никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ тѣхъ, какими располагалъ самъ проф. Суворовъ, т. е. кромѣ обще-извѣстныхъ печатныхъ изданій устава въ той и другой редакціи. Достаточно самаго бѣглаго сравненія текстовъ памятника по этимъ изданіямъ, чтобы убѣдиться, что такъ называемая западная редакція Ярославова устава есть не болѣе, какъ довольно неискусная передѣлка восточной [2]). Допустить обратное отношеніе между ними значило бы, говоря словами самого проф. Суворова, обратить уставъ Ярослава въ неразрѣшимую „загадку въ загадочной (?) исторіи древняго русскаго права“ (стр. 174).

---

[1]) Подобная же приписка читается въ концѣ 3-й статьи Ярославова устава (о своевольномъ и одностороннемъ разводѣ мужа съ женою) по списку Лѣтописца Переяславля Суздальскаго — рукописи, оригиналъ которой несомнѣнно писанъ въ западной (литовской) Руси: „а гривна по пятидесятъ грошъ“ (стр. 42).

2) Напримѣръ, составители западнаго „свитка Ярославля“ нашли нужнымъ прибавить въ концѣ его опредѣленную дату: „Написанъ же бысть свитокъ сей номоканонъ въ лѣто отъ созданія міра 6540-е“ (какъ это напоминаетъ уже извѣстную намъ дату подтвердительной грамоты в. к. Василія Дмитріевича!). Въ сравненіи съ началомъ „свитка“, гдѣ сказано, что онъ изданъ Ярославомъ „съ совѣтомъ преосвященнаго митрополита Кіевскаго Иларіона“, приведенная дата оказывается грубымъ анахронизмомъ: въ 6540 (1032) году Иларіонъ еще не былъ митрополитомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть авторъ объяснитъ намъ, какимъ образомъ изъ западно-русскаго „свитка Ярославля“, въ которомъ и языкъ не древній, и счетъ денегъ ведется на сравнительно позднюю монету“ (стр. 230), могъ произойти въ Московской Руси, приблизительно около половины XV вѣка, новый церковный уставъ Ярослава,—такой, въ которомъ и языкъ обилуетъ разными архаизмами (въ родѣ, напримѣръ, *пошибати*, *засѣсти*, *ато* (или *атъ*)=атъ=пусть, да, и др.), и деньги въ большинствѣ статей считаются не Московскою или литовскою монетой XIV—XV вѣка, а Кіевскою XI—XII вѣка? Или почтенный профессоръ серіозно думаетъ, что въ XV столѣтіи въ Московской Руси могъ появиться „досужій книжникъ-умозритель“, настолько свѣдущій въ древнерусскомъ языкѣ и древне-русской нумизматикѣ, что онъ съумѣлъ дать современному церковному уставу западной Руси видъ юридическаго памятника, близкаго ко временамъ Ярослава и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сбивающагося въ счетѣ денегъ на позднѣйшіе рубли (а иногда и гроши)? Такую догадку, поистинѣ, слѣдуетъ назвать „досужимъ умозрѣніемъ“, несостоятельность котораго обличается самою редакціей западнаго „свитка Ярославля“, какая дана ему въ старшемъ и единственно извѣстномъ спискѣ 1499 года. Въ концѣ этого списка читаются слѣдующія знаменательныя слова: „Сія вся суды церковъ да судитъ; княземъ же, боляромъ и судіямъ въ тые суды не вступатися, и во *иныя вся*, яже суть написана во правилѣхъ святыхъ Апостолъ и святыхъ богоносныхъ Отецъ и *въ сихъ номоканонѣхъ нашихъ*“. Что это значитъ: „*иныя вся* суды, писанныя въ *сихъ же* номоканонѣхъ нашихъ“, т. е. отличные отъ судовъ, только что исчисленныхъ въ настоящемъ „свиткѣ“ Ярослава и указанныхъ въ заключительныхъ словахъ его: *сія вся* суды церковъ да судитъ?“ Это значитъ, что „свитокъ“ или „номоканонъ“ Ярославль былъ извѣстенъ западно-русской церковной іерархіи въ другой, болѣе обширной редакціи, которая съ незапамятныхъ временъ помѣщалась въ „правилѣхъ св. Апостолъ и св. богоносныхъ Отецъ“, т. е. въ Кормчихъ книгахъ, и въ которой указывались и *иные* суды церковные, прямо не упомянутые въ настоящемъ *новомъ*

„свиткѣ“ Ярослава и лишь *косвенно* подтвержденные въ немъ словами: „*иные* суды“. Этотъ новый свитокъ, удержавъ форму стараго, вложилъ въ нее во многихъ отношеніяхъ совершенно новое содержаніе, вызванное нѣкоторыми ненормальными явленіями въ современной жизни западнаго русскаго общества (вмѣшательствомъ свѣтскихъ магнатовъ въ дѣла церковныя, неповиновеніемъ епископовъ митрополиту и въ особенности безпорядками въ дѣлахъ брачныхъ), и только для этихъ новыхъ дополненій къ старому церковному уставу западно-русская церковная іерархія находила теперь нужнымъ исходатайствовать *прямое* подтвержденіе отъ свѣтской (иновѣрной) власти. За всѣмъ тѣмъ старый „свитокъ Ярославль“ по прежнему оставался источникомъ дѣйствующаго права, на основаніи котораго рѣшались духовнымъ судомъ всѣ дѣла, не упомянутыя въ новомъ свиткѣ (разные виды кровосмѣшенія, злоупотребленія родительской власти, неповиновеніе дѣтей родителямъ и т. п.).

Кому извѣстно дѣйствительное хронологическое и матеріальное отношеніе обѣихъ редакцій Ярославова церковнаго устава, тотъ, конечно, не увлечется соображеніями проф. Суворова, направленными въ доказательство преимуществъ западно-русской редакціи предъ восточною въ раціональномъ и практическомъ отношеніяхъ. Восточно-русская редакція всего болѣе поражаетъ нашего автора „чудовищнымъ размѣромъ денежныхъ пеней“, назначаемыхъ въ ней за нѣкоторыя преступленія. Но онъ упускаетъ изъ виду, что 1) пени эти соразмѣряются съ состояніемъ виновнаго: максимальная пеня—въ 5 гривенъ золота—налагается только на „великихъ“ бояръ, и что 2) при назначеніи пеней обращается вниманіе на личность потерпѣвшаго и мѣру зла, причиненнаго ей преступленіемъ: похищеніе и изнасилованіе дѣвицы или замужней женщины („умычка“ и „пошибаніе“), безчестіе, нанесенное мужемъ женѣ посредствомъ своевольнаго и безпричиннаго развода съ нею, оскорбленіе супружеской чести чужой жены ругательнымъ словомъ—все это, въ эпоху происхожденія Ярославова устава, должно было вызывать со стороны церкви такія мѣры строгости, которыя бы пріучали грубый, еще полу-языческій народъ уважать церков-

ные законы и смотрѣть на случаи ихъ нарушенія, какъ на самыя тяжкія злодѣянія. Церковный уставъ Ярослава, съ его высокими денежными пенями, къ которымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ присоединялась еще „княжеская казнь“, былъ для нашихъ предковъ такимъ же „пестуномъ во Христа“, какимъ для евреевъ былъ законъ Моисея. При первомъ опытѣ проведенія въ народную жизнь нравственныхъ началъ христіанской религіи путемъ законодательства и суда, церковь могла и не соображаться съ тѣмъ, согласны или несогласны наказанія, назначаемыя ею нарушителямъ Правды Христовой, съ предписаніями Русской Правды. Пусть за брань. оскорбительную для добраго имени боярской жены, церковный судъ, по уставу Ярослава, налагалъ на виновнаго бо́льшую денежную пеню, чѣмъ какую, по Русской Правдѣ, платилъ убійца боярина: дисциплинировать такимъ наказаніемъ ругательный языкъ, патнавшій супружескую честь чужой жены, церковь находила тѣмъ болѣе нужнымъ, что народная „Правда“ еще не знала преступленія, состоящаго въ личной обидѣ *словомъ*. А въ данномъ случаѣ, т. е. по отношенію къ замужней женщинѣ, осрамленной такимъ названіемъ, которое съ точки зрѣнія христіанской нравственности составляетъ для цѣломудренной супруги верхъ безчестія, эта обида, на взглядъ церкви, равнялась покушенію на самую жизнь потерпѣвшей: ибо, по законамъ Моисея, жена, уличенная въ невѣрности мужу, подвергалась побіенію камнями. Но мы допускаемъ все это съ необходимою оговоркою, какую сдѣлалъ еще Неволинъ, именно: можетъ быть, что несоразмѣрность между денежными взысканіями въ церковномъ уставѣ Ярослава и въ Русской Правдѣ есть только мнимая и уничтожится сама собою, какъ скоро будетъ объясненъ денежный счетъ, употребленный въ томъ и другомъ памятникѣ [1]). Если въ денежномъ счетѣ самой Русской Правды, не смотря на значительное число спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ этому предмету, все еще остастся много загадочнаго, то вопросъ о денежныхъ пеняхъ Ярославова церковнаго устава, въ осо-

[1]) Сочин. т VI, стр. 300.

бенности о пеняхъ, назначаемыхъ гривнами *золота* (которыхъ Русская Правда вовсе не знаетъ), можно сказать, еще ни разу не былъ затронутъ въ нашей историко-юридической литературѣ. Возможное дѣло, что, по тщательномъ изученіи письменныхъ источниковъ и нумизматическихъ собраній, цѣна этой гривны, какъ ходячей монеты въ эпоху образованія Ярославова устава, окажется и не столь высокою, какъ обыкновенно думаютъ. Въ западно-русскомъ „свиткѣ“ Ярослава нѣтъ конечно гривенъ золота и никакихъ другихъ: денежный счетъ ведется въ немъ исключительно на польско-литовскіе „гроши широкіе“; но эти гроши считаются уже не единицами и десятками, какъ гривны золота и серебра въ восточно-русской редакціи устава, а сотнями и тысячами. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, проф. Суворову слѣдовало бы предварительно съ точностію опредѣлить отношеніе гроша широкаго ко всѣмъ видамъ старой русской гривны, и затѣмъ уже, если окажется возможнымъ, говорить о „чудовищныхъ размѣрахъ“ денежныхъ пеней, назначаемыхъ въ восточно-русской редакціи Ярославова устава, сравнительно съ пенями, опредѣленными въ западно-русской редакціи.

Въ результатѣ своего изслѣдованія проф. Суворовъ получаетъ увѣренность, что „еще задолго до того времени, когда въ Московскомъ государствѣ почувствовалась неотложная потребность „прорубить окно въ Европу“, двери на Руси держались довольно широко открытыми для западно-европейскаго вліянія. Изслѣдовать и опредѣлить въ точности силу этого вліянія значило бы, по словамъ автора, содѣйствовать выработкѣ правильныхъ, соотвѣтствующихъ исторической истинѣ, представленій объ отношеніяхъ древней Руси къ окружающему міру, чѣмъ въ свою очередь условливается сознательное и осмысленное представленіе о существующей дѣйствительности“. Для достиженія этой цѣли почтенный профессоръ рекомендуетъ настоящимъ и будущимъ историкамъ древняго русскаго права пользоваться въ своихъ работахъ сравнительнымъ методомъ „въ самыхъ широкихъ

размѣрахъ", безъ чего-де „нельзя достигнуть желательной ясности и твердости въ научныхъ построеніяхъ", и съ тѣмъ вмѣстѣ высказываетъ пожеланіе, „чтобы русскія ученыя силы, въ которыхъ не можетъ быть недостатка, отказались отъ доставшейся намъ по наслѣдству отъ предковъ привычки подыскивать, во что бы то ни стало, образцы разнымъ явленіямъ древне-русской юридической жизни въ византійскихъ памятникахъ и въ византійской юридической жизни, и признали бы, что образцы тѣхъ или другихъ явленій могли находиться не только на востокѣ, но и на западѣ" (стр. 234).

Сколько намъ извѣстно, историки русскаго права всегда хорошо сознавали необходимость сравнительнаго метода, какъ средства къ объясненію тѣхъ или другихъ явленій въ юридической жизни нашихъ предковъ, жившихъ подъ дѣйствіемъ нормъ Русской Правды. Сравнивали древне-русское право не только съ византійскимъ, но и съ германскимъ, скандинавскимъ и западно-славянскимъ (польскимъ и чешскимъ). Правда, до сихъ поръ никто не занимался *спеціальнымъ* сравненіемъ памятниковъ древне-русскаго или славянскаго права съ современными источниками *католическаго церковнаго* права; но судя по первому опыту такого сравненія, сдѣланному профессоромъ Суворовымъ въ „самыхъ широкихъ размѣрахъ, можно опасаться, что сравнительный методъ едва ли поведетъ тутъ къ „желательной ясности и твердости въ научныхъ построеніяхъ". Въ работѣ почтеннаго профессора, какъ мы видѣли, одно проблемматично, другое—произвольно и натянуто, третье—прямо ошибочно. Сравнительный методъ въ исторіи права—безспорно вещь весьма хорошая; но пользоваться имъ нужно умѣючи, въ мѣру и осторожно. Нужно знать, что̀ сравнивать и какъ сравнивать, чтобы, при видимомъ сходствѣ юридическихъ институтовъ у двухъ различныхъ народовъ, не дѣлать поспѣшныхъ и опромѣтчивыхъ заключеній о вліяніи одного права на другое. Въ наукѣ давно установленъ тотъ фактъ, что при одинаковыхъ условіяхъ жизни, на одинаковой степени культурнаго развитія, могутъ возникать одинаковые правовые институты у народовъ, раздѣленныхъ и пространствомъ и временемъ.

Возьмемъ для примѣра институтъ, о которомъ у насъ уже заходила рѣчь—*десятину*. Всемірная исторія находитъ этотъ институтъ, какъ *первичную* форму государственнаго налога на предметы частнаго обладанія у всѣхъ культурныхъ народовъ древняго и новаго (христіанскаго) міра [1]). Ничего общаго съ этими народами не имѣла, конечно, татарская орда, нахлынувшая въ первой половинѣ XIII вѣка на русскую землю; и однакожъ эта орда, въ знакъ своего владычества надъ покоренною страною, потребовала себѣ „десятины во всемъ: во князѣхъ, и въ людѣхъ, и въ конѣхъ“ [2]). Навѣрное можно сказать, что азіатскіе хищники не знали другого образца для этой своей десятины, кромѣ десяти пальцевъ на человѣческихъ рукахъ—символахъ и орудіяхъ власти однихъ людей надъ другими. Въ виду возможности такихъ аналогій въ юридическихъ воззрѣніяхъ и обычаяхъ народовъ, совершенно чуждыхъ и невѣдомыхъ другъ другу, историческая критика дозволяетъ съ увѣренностію говорить о *прямомъ* вліяніи положительнаго права одного народа на право другого только тогда, когда не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно путей и способовъ, какими шло и воспринималось это вліяніе. Древняя Русь, конечно, была открыта культурному вліянію не только греко-славянскаго востока, но и сосѣднихъ съ нею странъ латино-германскаго запада. Однако жъ въ тѣхъ случаяхъ, когда для того или другого института древне-русскаго права, и въ особенности права церковнаго, окажутся образцы и на востокѣ и на западѣ, историкъ этого права, имѣя въ виду, что древняя Русь связана была съ греко-славянскимъ міромъ *двойными* узами—и религіозными и племенными, нисколько не погрѣшитъ противъ требованій исторической критики, если припишетъ происхожденіе такого института вліянію востока, а не запада. Противоположная попытка проф. Суворова доказала только, что не все оригинальное хорошо и что „отрѣшившись отъ унаслѣдованной нами отъ предковъ при-

---

1) Подробности объ этомъ см. въ Staats-Lexikon von Rotteck und Welker, 14 Bd. s. 713—725. 3-te Aufl. 1866.

2) Лѣтопись по Лаврентіевскому списку подъ 1237 годомъ.

вычки подыскивать образцы для разныхъ явленій древне-русской юридической жизни на греко-славянскомъ востокѣ", можно договориться до крупныхъ несообразностей съ требованіями науки и съ объективной исторической истиной И то надобно сказать: легче и удобнѣе находить аналогіи для разныхъ институтовъ древне-русскаго права въ богатой литературѣ по исторіи германскаго и, пожалуй, католическаго церковнаго права, чѣмъ въ мало разработанной исторіи византійскаго и юго-славянскаго права. Легко, напримѣръ, было проф. Суворову, при помощи ученыхъ трудовъ и изданій Вассершлебеиа и Шмица, подыскать въ латинскихъ средневѣковыхъ пенитенціалахъ двойники для большей части статей славянской „Заповѣди св. отецъ". Но если бы онъ, замѣтивъ, что для нѣкоторыхъ статей той же „Заповѣди" находятся подлинники и въ греческихъ епитимейникахъ, возымѣлъ благую мысль найти такіе же подлинники и для остальныхъ статей, то пришлось бы имѣть дѣло съ массою рукописнаго матеріала, разсѣяннаго въ разныхъ библіотекахъ запада и востока. Словомъ: пришлось бы совершить почти такую же работу надъ греческими епитимейниками, какую Вассершлебенъ и Шмицъ совершили надъ латинскими пенитенціалами. Но мы не „унаслѣдовали отъ предковъ привычки" къ такимъ работамъ и предпочитаемъ сдавать ихъ на чужія руки. „Привычка" справляться съ византійскими источниками, имѣющими отношеніе къ нашей древней литературѣ и жизни, появляется у насъ только тогда, когда западъ въ своихъ ученыхъ трудахъ и изданіяхъ дастъ намъ готовыя и надежныя средства для такихъ справокъ. А если мы, по примѣру проф. Суворова, отрѣшимся и отъ этой привычки, то лучше будетъ вовсе не браться за разрѣшеніе такихъ вопросовъ по исторіи древняго русскаго права, съ какими имѣлъ дѣло почтенный профессоръ. И замѣчательно: тогда какъ у насъ дѣлается, съ видомъ серіозной учености, попытка поставить древнюю Русь подъ преобладающее вліяніе католическаго запада, а не православнаго востока, на самомъ западѣ созрѣваетъ сознаніе необходимости ближайшаго изученія Византіи, какъ одного изъ могущественныхъ факторовъ въ исторіи средневѣковой запад-

ной культуры. Предполагается основать особый журналъ для византологіи. Будущій издатель этого журнала — профессоръ Мюнхенскаго университета Крумбахеръ, авторъ новѣйшей и лучшей «Исторіи византійской литературы», въ предварительномъ объявленіи о своемъ изданіи пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Богатая византійская культура, *которая въ большей части Европы и понынѣ еще отражается во множествѣ явленій, а въ средніе вѣка плодотворно вліяла на весь западъ*, требуетъ основательнаго обслѣдованія». Такъ судитъ ученый западъ — и судитъ конечно въ осужденіе намъ. Мы упускаемъ изъ своихъ рукъ научное дѣло, завѣщанное намъ всею нашею исторіей.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Къ главѣ I, стр. 22—30.

Чтобы читатель могъ самостоятельно судить объ отношеніи славянской Заповѣди св. отецъ къ латинскому Мерзебургскому пенитенціалу, считаемъ нужнымъ привести здѣсь вполнѣ текстъ ея въ параллели съ соотвѣтственными мѣстами пенитенціала и въ томъ порядкѣ статей, какой свойственъ славянскому, а не латинскому тексту. Первый издается нами по Румянцовскому списку съ разночтеніями Синайскаго Евхологіона, изданнаго Гейтлеромъ, отрывки послѣдняго—по изданію Вассершлебена [1]. Въ подолненіе къ сказанному нами на стр. 22—30, обращаемъ особенное вниманіе читателя на отношеніе 22-й, 38-й и 40-й статей Заповѣди къ стоящимъ противъ нихъ статьямъ пенитенціала. Различіе между тѣми и другими такъ велико, что исключаетъ всякую возможность признать первыя за переводъ съ послѣднихъ.

---

[1] Мы не рѣшаемся исправлять варварскую латынь пенитенціала, какъ это сдѣлано профессоромъ Суворовымъ вопреки Вассершлебену.

Ꙁаповѣдь с҃тхъ ѻ҃ць [1]).

Poenitentiale Merseburgense.

а҃. Иже [2] разбой створить, или ѿ роженїй [3] своєго оубиѣть. г҃. лѣ҃ да покаѣться къ иной ѿкласти. и потомь [4] да прiѣмлетъ коудеть къ оу҃тьствiю своє [5]. аще коудеть правьдьно покаѣлъся. ѿ хлѣбѣ тъкмо и ѿ водѣ [6]. и да послоушьствоуѣть ємоу ієпп҃ин [7] и попове. оу [8] нихъже [ся] ѣсть покаѣлъ къ роженню [9] оубиѣнаго. аще ли ся коудеть не добрѣ покаѣлъ. то не прiѣмлетъ коудеть къ ѻу҃тьство своє [10].

1. Si quis clericus homicidium fecerit et proximum suum occiderit, X annis exul poeniteat, postea recipiatur in patria, si bene egerit poenitentiam in pane et aqua, testimonio comprobatus episcopi vel sacerdotum, cum quibus poenituit et cui commissum fuit, et satisfaciat parentibus ejus, quem occidit, vicem filii reddens et dicens: Quaecunque vultis, faciam vobis. Si autem non satisfecerit parentibus illius, nunquam recipiatur in patria, sed more Cain vagus et profusus sit super terram.

к҃. Иже [11] разбой створить не хотѧ. є҃ [12]. лѣ҃ да покаѣться. г҃. [13] ѻ҃ нихъ ѿ хлѣбѣ и ѿ водѣ.

2. Si quis homicidium casu fecerit, id est non voluntate, V annos poeniteat, III ex his in pane et aqua.

г҃. Аще которыи прiуьтьникъ содомьскыи блоудъ створить. і҃. лѣ҃ да покаѣться. г҃. ѿ нихъ ѿ хлѣбѣ и ѿ водѣ.

4. Si quis fornicaverit, sicut sodomita fecerit, X ann. poen., III ex his in pane et aqua, et nunquam cum alio dormiat.

---

[1] Ꙁаповѣдн с҃тыхъ ѻ҃ць. о. покланьи разбоѥ. і о късѣмь грѣсѣ. — [2] Аще къто. — [3] отъ рожденнѣ. — [4] толи потомь. — [5] къ своє отє҃ьство. — [6] о хлѣбѣ о водѣ: такъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. — [7] єпп҃иъ. — [8] въ нихъже. — [9] къ рожденью. — [10] къ своє отє҃ьство. — [11] Аще къто. — [12] а҃(=є҃) — [13] к҃(=г҃).

д҃. Аще которыи прнуѣтьникъ блоудъ створитъ. ѕ҃ лѣ[1] да покаѥ́тьсѧ.

5. Si quis perjuraverit, VII ann. poeniteat, III ex his in pane et aqua, et nunquam juret.

є҃. Аще кто проклинаѥ́тьсѧ. ѕ҃. лѣ да поститьсѧ.[2] г҃. ѡ҃ нихъ ѡ҃ хлѣбѣ и҃ ѡ҃ водѣ.

6. Si quis per necessitatem aut nesciens perjuraverit, III annos poeniteat, I ex his in pane et aqua.

ѕ҃. Аще кто ноужею[3] кльнеться. г҃ лѣ. да покаѥ́тьсѧ ѡ҃ хлѣбѣ и҃ ѡ҃ водѣ[4].

7. Si quis furtum capitale fecerit, id est quadrupedia vel domum effuderit, aut quodlibet meliorem praesidium furaverit, V ann., et si a minoribus furaverit, III annos poeniteat.

ѕ҃. Аще кто оукрадеть главьноиѥ уто. и҃лн скотъ, и҃лн домъ подъкопаѥ́ть. и҃лн уто ѕѣло добро драгоиѥ[5]. є҃. лѣ. да покаѥ́тьсѧ. аще лн[6] мало уто оукрадеть. г҃. лѣ. да покаѥ́тьсѧ.

8. Si quis fornicaverit cum uxore alterius, aut sponsam vel virginem corruperit, si clericus est, V ann. poen., II ex his in pane et aqua, si laicus, III annos, I ex his in pane et aqua.

и҃. Аще кто ѡ҃ прнуѣта съ ююжею женою блоудъ створнѣ. и҃лн съ невѣстою. и҃лн съ дв҃цею[7]. г҃ лѣ. да покаѥ́тьсѧ ѡ҃ хлѣбѣ и҃ ѡ҃ водѣ.

Si diaconus aut monachus, VII ann. poen., III ex his in pane et aqua, subdiaconus VI,

[1] ж҃ (=ѕ҃) — [2] да покаѥ́тьсѧ. Этимъ и оканчивается правило. — [3] нждьмн. — [4] Словъ ѡ҃ хлѣбѣ и҃ ѡ҃ водѣ нѣтъ. — [5] и҃лн уто добро. ѕѣло драго оукрадетъ. — [6] а лн. — [7] аще которы прнуѣтьнн блж҃ сътворн. съ тоужде҃ю женою҃, лн съ дѣвицеи҃. — [8] аще лн ѥ́сть днѣкъ лн урънець. — [9] Словъ: аще лн ѥ́сть попъ. то ѕ҃ лѣ нѣтъ.

нихъ ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ. аще ли [1] іепъ. то да извьржетьсѧ. [2] и. ѳ. лѣ. покаѥтьсѧ.

II ex his in pane et aqua, si sacerdos, X, III ex his in pane et aqua, episcopus XII et deponatur.

ѳ. Аще ли кто ѿтравлениѧ дѣлъ [3] погоубитъ ѹлѣкла. ѯ. лѣ. да покаѥтьсѧ. г. ѡ нихъ ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ.

9. Si quis veneficio aliquem perdiderit, VII annos poeniteat, III ex his in pane et aqua.

аі. Аще кто ѡ бѣлоризѣць [4] женоу имѣи. то ли съ ююжею [5] блоудъ створитъ [6]. є. лѣ да покаѥтьсѧ. г. ѡ нихъ ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ.

11. Si quis laicus habens uxorem suam, et cum alterius uxore vel virgine fornicatus fuerit, V ann. poen., II ex his in pane et aqua.

аѳ. Аще которыи причьтникъ. или кацьшю ѹть имѣѥ. ѡставль женоу ѹть прииметь. и пакы ю прииметь [7]. аще ѥсть дыаконъ [8]. ѯ. лѣ. да покаѥтьсѧ. аще ли попъ. ѳ. лѣ да покаѥтьсѧ.

12. Si quis clericus vel cujuslibet superioris gradus, qui uxorem habuit, et post conversationem vel honorem iterum eam agnovit, sciat, se adulterium commisisse. Idcirco, si diaconus, V annos poeniteat, II ex his in pane et aqua, si sacerdos, VII, III in pane et aqua.

аѳ. Аще кто съ ѹьрииицею блоудъ сътворитъ. понеже кацьши ѥсть нареѹена [9]. г. лѣ да покаѥтьсѧ ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ.

13. Si quis fornicaverit cum sanctimoniale vel Deo dicata, sicut in superiore sententia unusquisque juxta ordinem suum poeniteat.

---

[1] Прибав. ѥстъ. — [2] Прибав. сана. — [3] отроковиѣ ради. — [4] аще которъı бѣлоризѣць. — [5] тоужде. — [6] Прибав. или съ дѣвицею. — [7] Словъ: и пакъı ю прииметь нѣтъ. — [8] дѣкъ. — [9] кацьшиниа реѹетъ.

ѳ҃і. Иже к҃ сѧ блоудъ самъ
сткорнтъ. а҃. лѣ҃. да покаѣтъ-
сѧ [1].

14. Si quis propter concupiscentiam vel libidinem per se ipsum fornicaberit, annum integrum poeniteat.

є҃і. Аще кто ѡ҃ [2] г҃ѣа плътн.
ѹасть їдиноу [3] погоубитъ. а҃. [4]
лѣ҃. да покаѣтьсѧ [5].

17. Si quis eucharistiam, id est communionem corporis aut sanguinis Domini neglexerit aut exinde perdiderit, ann. I in pane et aqua poeniteat.

sі҃. Аще кто ѡбъи҃дъсѧ блю-
ѣтъ. трьгоубь м҃. тн [6].

Si per ebrietatem aut voracitatem illud vomerit, III quadragesimas.

ѕі҃. Аще кто помъислитъ на
ююжю женоу [7]. толи не можетъ
съгрѣшитн съ неіѳ. а҃. лѣ҃. да по-
каѣтьсѧ.

16. Si quis concupiscit mulierem et non potest peccare cum illa, aut non vult eum suscipere, annum integrum poeniteat.

и҃і. Аще кто болѣзноуѣтъ и
болѣзни ради ѩзьблюѣтъ при-
ѹастніе ѣже ѣсть комъканіе [8]. г҃.
дни да поститьсѧ [9]. аще пси къ-
коусать. р҃ днии да поститьсѧ [10].

Si per infirmitatem, VII dies; si in ignem mittit tale vomitum, C psalmos cantet, si vi vero canis lambuerit, C dies poeniteat.

ѳі҃. Аще котораѧ женъ ѡт-
роуа оудавитъ. г҃. лѣ҃. да по-

18. Si quis aut uxor suum infantem oppresserit, III annos

---

[1] аще къто самъ къ сѧ блѫдъ твориъ. лѣ҃. да покаѣт. — [2] Нѣтъ. — [3] Нѣтъ. — [4] а҃ нѣтъ. — [5] Далѣе у Гейтлера слѣдуетъ статья ѕі҃. — [6] аще къто обѣдъсѧ блюетъ, да трѣгоубитъ к҃. — [7] на женѫ тоуждѣ. — [8] аще кто болѣзни ради ѩзблюетъ брашеньце. — [9] Далѣе прибавлено: и еже ѣстъ ѩзблькалъ, да съхранитъ на огни и р҃ псалмъ да испоѣтъ. — [10] аще ли его пси да къкоусатъ р҃. денъ да поститъ сѧ. Латинскій текстъ, поставленный противъ этой статьи, по изданію Вассершлебена составляетъ конецъ 17-й статьи.

каѣтьсѧ. а҃. ѿ инхъ [1] ѿ хлѣбъ и ѿ водѣ.

poeniteat, I ex his in pane et aqua.

к҃. Аще кто пролѣѥть стоую [чашоу] слоужьбоу творѧ. ти похоронить ю҃. н҃. днии да постить-ся ѿ хлѣбъ и ѿ водѣ [2].

83. Si quis vero de calice per negligentiam stillaberit in terram, igne sumatur et L dies poeniteat; si super altare stillaberit calix, sorbeat minister stillam tribus vicibus, labit calicem subtus positum, et ipsam aquam bibat et III dies poeniteat.

кѳ҃. Аще кто хотѧ ѿ [3] своиѣ плъти оурѣжеть. г҃. лѣ҃. да покаѣтьсѧ. а҃. [4] ѿ хлѣбъ и ѿ водѣ.

19. Si quis sibi colebet membrum truncaberit voluntarie, III annos poen., I ex his in pane et aqua.

кѳ҃. Аще ли кто похоть имѣѭ. то ли лоукавьствомъ оуюжю женоу лобъжеть. [5] г҃. лѣ҃. да покаѣтьсѧ. а҃. ѿ хлѣбъ и ѿ водѣ.

58. Si vero diligens feminam inscius alicujus mali propter sermonem, XL dies poen., osculatus autem eam et amplexatus, IV quadragesimas poen., diligens tamen mente, VII dies poeniteat.

кг҃. Аще которыи простълюдинъ враждоу имъıи оударить оудвка и ѡкръкавить и .і҃. днии [6] да покаѣтьсѧ.

24. Si quis laicus alium percusserit et sanguinem funderit, XL dies in pane et aqua poeniteat.

кд҃. Аще кто бѣдою оукра-

31. Si quis per necessitatem

---

[1] ѿ инхъ. — [2] Статьи этой нѣтъ у Гейтлера. — [3] ѿ нѣтъ. — [4] а҃ нѣтъ. — [5] а къто похоть имъı. ли лжкавъствомь тоуждѣ женѫ приимѥ. — [6] і҃ денъ.

дєть снѣдно нѣуто [1]. ли рнзоу [2]. м. днии да покаѥться.

furaberit cibaria aut vestes sive quadrupedia, propter famem vel nuditatem, XL dies poen.

кв. Аще кто въ а. и дни єноуарм на коладоу ндєть [3], якоже [4] прьвѣе поганнй творахоу. г. лѣ. да покаѥться ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ. яко ѡ сотонѣ єсть игра та [5].

32. Si puis, quod in Kalendis Januarii multi faciunt, quod adhuc de paganis residit, in cervolum, quod dicitur, aut in vecola vadit, III ann. poeniteat, quia hoc daemonum est.

кг. Аще которая жена изврьжеть [6]. г. лѣ. [7] да покаѥться ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ.

33. Si qua mulier aborsum fecerit voluntarie, III annos poen. cum pane et aqua.

кз. Аще кто клатъ боудєть. то ли [8] молитьса сътонамъ. или имена имъ творить чаклуьскам. є. лѣ. да покаѥться ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ [9].

34. Si quis mathematicus fuerit, id est per invocationem daemonum mentes hominum tulerit, aut debacante fecerit, V annos poen., III ex his in p. et a.

кн. Аще кто клоудъ створить съ вдовою. ли съ дѣцею [10]. г. лѣ. да покаѥтса.

35. Si quis viduam vel virginem raptus fuerit III ann. poen, in p. et a.

кѳ. Аще кто домъ зажьжеть. или [11] гоумно. г. лѣ. да покаѥтьса. а. ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ [12].

38. Si quis domum vel aream cujuscunque igne cremaverit, VII ann. poen., III ex his in p. et a.

---

[1] ѹьто. — [2] ли рнзоу нѣть. — [3] ндєть на коладж єноуарѣ. — [4] якоже. — [5] Словъ: яко... та нѣть. — [6] Прибавлено: отроуа. — [7] г лѣта, т. е. 3, такъ какъ у Гейтлера г означаетъ 2, а к 3. — [8] і. — [9] У Гейтлера статья эта стоитъ въ самомъ концѣ Заповѣди. — [10] съ вдовокож ли съ дѣвицеіж блждъ сътворитъ. — [11] ли. — [12] ж (т. е. 7) лѣтъ да покаѥтъ сл о хлѣбѣ о водѣ.

Л. Аще кто ѡ манастырьскыи цр҃кве тъкъмо что оукрадеть. ѕ. лѣ. да покаѣться. г. лѣ [1] ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ.

39. Si quis aliquid de ministerio sanctae ecclesiae vel qualecunque opus quolibet modo fraudaberit vel neglexerit, VII an. poen., III ex his in p. et a., et sic concilietur.

ЛА. Аще которыи сѣщникъ съ гнѣвомь скажеть оудрка. ли кръвь пролѣеть. да просить врачя. да дасть ємоу исцѣлениню. [2] постъ. ѳ. днии [3] ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ. аще ли ѥсть дньѥкъ. ѕ. мць. аще ли [4] попъ. лѣ. [5]. аще ли [6] ієпъ. є. лѣ. да покаѣться.

40. Si quis clericus hominem per iram percusserit et sanguine fuderit, solvat ei primum operam mercedis et medicum quaerat, duabus quadragesimis poen. in p. et a., diaconus VI menses, presbyter ann. I.

ЛВ. Аще кто ѧлкати не можеть. да ѥспоѣть пѧмъ мѕ. [7] аще ли не оумѣѣть. да дасть сребрьнницю [8]. Аще ли не ѥмать цатъ. то [9] ѡ брашна ѥже ѥмать да дасть.

41. Si quis jejunare non potest, quando debet jejunare, pro uno die in pane et aqua cantet cum venia psalm. L, et sine venia LXX.

42. Si quis jejunare non petest et psalmos nescit, pro die det denarium unum, et si non habet pretium, de cibo, quantum sumit, tantum porrigat. Pro uno anno in pane et aqua det solidos XXVI.

ЛГ. Аще кто мьздоу къзьмъ [10] ѡ кого поститися хота [11] ѧ нь.

44. Si quis mercedem accipit et jejunaberit, si per igno-

---

[1] г лѣ пѣтъ. — [2] цѣленью. — [3] денъ. — [4] Прибав. естъ. — [5] то лѣ. — [6] Прибав. естъ. — [7] да испоѣть к (т. е. 40) псаломъ. и ѕ. — [8] цатѫ. [9] Прибав. да. — [10] възъметь. — [11] Этого слова пѣтъ.

аще вѣдый се створить [1]. да ѧлуеть за сѧ. ѥлико и за ѡного. и ѥже ѥсть взѧлъ. да дасть нищимъ. якоже и тюжа грѣхы [2] въземлеть. нѣ лѣпо да именоуѥть хв̃ъ рабъ.

rantiam hoc fecerit, jejunet pro se, quantum se promisit pro illo jejunare, et quod accipit, det pauperibus, et qui aliena peccata super se susceperit, non est dignus christianus.

л̃д̃. Аще которая жена блоудъ створьшн. то ли проказить ѡтроуа въ собѣ. ѵ̃. лѣ. да покаѥть. в̃. лѣ [3] ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ.

46. Si quae de mulieribus, quae fornicantur, occiderit, quod nascitur aut avortivum facere festinat, X ann. poen.

л̃е̃. Аще которын вѣлоризець скоупости ради кльнеться лоукаво [4]. яко [5] да дасть нищимъ имѣнніе своѥ. и шьдъ въ манастырь да покаѥться.

47. Si quis laicus per cupiditatem perjuraberit, totas res suas det pauperibus et tundatur, in monasterio serviat diebus vitae suae.

л̃ѕ̃. Аще которын прнуьтникъ съ уетвьреногомь блоудъ створить. к̃. тн лѣ. съı. [6] ı̃. лѣ. да покаѥться. аще жены не имать. аще ли женатъ ѥсть [7]. то. є̃ı̃. лѣ да покаѥться.

51. Si quis cum animalibus peccaberit, qui amplius quam viginti annorum fuerit, XXV annos poeniteat.

л̃ꙁ̃. Аще которын попъ ѩли прнуьтникъ оупиѥться. ı̃. днй да покаѥться. аще ли ѥсть вѣлець [8]. ꙁ̃. днй да покаѥться.

52. Si quis clericus aut sacerdos se inebriaberit, XL dies poen. i. p. e. a., laicus VII.

л̃н̃. Аще кто оупоить дроуга

53. Si quis alium cogit, ut

---

[1] сътворилъ естъ.— [2] ѣко тоужда грѣхы.— [3] в̃ ѡ нй̃.— [4] лютѣ.— [5] ѣко.— [6] к̃ лѣт. имы.— [7] аще ли женѫ имѧ.— [8] вѣлоризець.

своѥго [1]. да поститаса [2] ѡба. ѕ. днии.

inebrietur, humanitatis gratia, ut ebrius poeniteat, et si odio hoc fecerit, ut homicida judicetur.

лѳ. Аще кто снѣдно что оукрадеть. да постить са. і. [3] днии. аще ли ѥсть дѣтьскъ. то. ѕ. днии [4].

55. Si quis cibum furaberit, XL dies poen., si postea, ann. I, et si infans fuerit X annorum, VII dies poen.

м. Аще кто помыслить съблоудити [5]. то ли не можеть. да трьгоубь. [6] м.

57. Si quis concupiscit fornicari et non potuit, tribus duadragesimis, et qui per turpiloquium vel aspectum quoinquinatus est, tamen non voluit fornicare, XL diebus poen., si autem inpugnatione cogitationis violenter inquinatus est, VII dies poen.

ма. Аще кто съ рабою своѥю [7] блоудить. [8] ти родить ѡтроча [9]. да свободить рабоу тоу. и постить са лѣто ѡдно [10].

60. Si quis intrat ad ancillam suam, si genuerit ex ea, libertit eam et I annum poeniteat.

мѳ. Аще комоу оумреть ѡтроча некрьщено за лѣностью. [11] ѳ. лѣ. [12] ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ.

61. Si cuius infans sine baptismo per negligentiam mortuus fuerit, III ann. poen. I ex his i. p. e. a., II sine, vino et carne.

---

[1] аще кто дроуга своего оупонть до ржа.— [2] да постить са.— [3] і (т. е. 40) дьнен.— [4] Прибавлено: да постить са.— [5] блѫдъ сътворить.— [6] трьгоубить.— [7] своею пѣть.— [8] блѫдъ сътворить.— [9] толи роди дѣтищь.— [10] єдно.— [11] дѣтищь некръщенъ за лѣность.— [12] Прибав. да покаетъса.

мг. Аще кто гнѣвлѣгься на брата [1] своіего. ѣлнко же днии [2] гнѣвъ дьржнть. толнко да ся постнть [3] ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ.

64. Si quis odit fratrem suum, quamdiu non repellit odium a se, tantum temporis cum pane et aqua poen.

мд. Аще кто проклънеть брата своіего въ гнѣвѣ [4] и пакы възлюбнть и. ѕ. днии покаіетьса ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ.

66. Si quis fratrem suum cum furore maledicit, placuit, cui maledixit, VII dies in p. e. a. poen.

ме. Аще кто оудавленноу. ѣлн кръвь скотью. невѣдыи ѣй ѣко оумьрло ѣсть [5]. ѣлн трѣбьно уто ѣсть безъ вѣды [6]. кі. не. да постнтьса. аще лн вѣдыи ѣлъ ѣсть. к. лѣ. да постнтьса.

74. Si quis sanguinem animalium manducaberit nesciens, aut morticinum aut idolis immolatum, IV menses poen. i. p. e. a., si autem scit, II ann. sine vino et carne.

мѕ. Аще кто не схранить комканнѣ [7]. то лн мъшь ѣго въкоусить. ѣлн сътреться. м. днии да постнтьса.

78. Si quis non custodierit sacrificium, et mus comederit illud, XL diebus poeniteat, qui autem perdiderit et non fuerit inventum, XX diebus poen.

мз. Аще кто пролѣѣть [8] стыи чаша въ врема прнношенна. [9] ѕ днии да постнтьса. аще лн на коньуннѣ [10] пролѣѣть. м. днии да постнтьса [11].

79. Si quis perfudit aliquid de calice super altare, quando aufertur linteamen, VII dies poen., et qui infudit calicem in finem solemnitatis missae, XL dies poen.

---

[1] братра.— [2] денъ.— [3] да постнтъ са.— [4] аще кто братра своего въ гнѣвъ проклънетъ.— [5] не вѣдъ ѣко оумрѣло ѣстъ.— [6] безъ вѣды ѣстъ.— [7] брашеньца.— [8] Прибав. отъ — [9] прѣношенью.— [10] аще лн по прѣношеньн.— [11] Далѣе у Гейтлера состонтъ слѣдующая статья: къто въ цркве съпа, толн емоу врагъ блазнъ принесетъ въ зълѣ. ж денъ да постнтъса н да поклонитса на день. р.

мѳ. Аще кто крадетъ уерицю. г. лѣ. да поститъ. в. ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ. [1] а ѥже ѥсть оукралъ. да дасть ницимъ.

мѳ. Аще которыи пруьтникъ ловитъ. аще ѥсть дыхъ. в. лѣ да поклѣться [2]. аще ли [3] попъ. то. г. лѣ. да поклѣться [4] ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ.

н. Аще кто кого заклинаѥть [5] стымн. толи оупнѣся блюѥть [6]. м. дний да поклѣться [7]. ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ. аще ли ѥсть дыхъ. да. ѕ. лѣ. ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ [8].

на. Аще кто къ къльхамъ ходить. г. лѣ. да поклѣться. в. уасти хлѣба. а третнюю попела да ѣсть [9].

88. Si qui monasteria spoliant, III ann. poen., I ex his i. p. e. a., II sine carne et vino, et omnia, quae subtraxit, det pauperibus.

30. Si quis venationes quascunque exercuerit, si clericus est, ann. I, diaconus II, sacerdos IV poen.

---

[1] уръницѫ окрадетъ. в лѣта да поститъ са о хлѣбѣ о водѣ.— [2] да поститъ са.— [3] Прибав. естъ.— [4] да поститъса.— [5] аще къто заклинаетъ кого.— [6] облюетъ.— [7] ктн денъ да поститъ са.— [8] ж (т. е. 7). денъ да поститъ са о хлѣбѣ о водѣ.— [9] У Гейтлера нѣтъ этой статьи; вмѣсто нея стоитъ 27-я статья Румянцовскаго списка.

Цѣна 1 рубль 50 коп.